

НАРОДЫ РОССИИ.

ВЫПУСКЪ IV.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Башкиры.	5. Киргизы.	9. Сванеты.	13. Гурійцы.
2. Мещеряки.	6. Черкесы.	10. Грузины.	14. Тушины.
3. Тептари.	7. Абхазцы.	11. Имеретинцы.	15. Пшавы.
4. Чувашы.	8. Ногайцы.	12. Мингрельцы.	16. Хевсурь.

Четыре хромолитографіи и 21 гравюра.

Подписная цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к.

Условія подписки на четвертой страницѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, Д. № 39.

1879.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЖИВОИСНУЮЩІЙ АЛЪБОМЪ.

ПЕРВАЯ СЕРІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 39.

1879.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 декабря 1873 года

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТРАН.		СТРАН.
Этнографическіе очерки	1	XVIII. Молдаване (румыны)	217
СЛАВЯНСКОЕ ПЛЕМЯ.		XIX. Цыгане	227
I. Великоруссы	2	XX. Болгары	237
II. Малороссы	18	XXI. Греки	250
III. Бѣлоруссы	43	ТАТАРСКОЕ ПЛЕМЯ.	
IV. Поляки	58	XXII. Казанскіе татары	252
ЛИТОВСКОЕ ПЛЕМЯ.		XXIII. Сибирскіе татары	264
V. Литовцы и Жмудины	77	XXIV. Крымскіе татары	277
VI. Латыши	90	XXV. Башкиры	303
ФИНСКОЕ ПЛЕМЯ.		XXVI. Мещеряки	310
VII. Финны	100	XXVII. Тетяры	314
VIII. Эсты или эстонцы	114	XXVIII. Чуваши	317
IX. Ливы	118	XXIX. Киргизы	323
X. Карелы	120	КАВКАЗСКІЕ ЖИТЕЛИ.	
XI. Мордва	121	XXX. Черкесы или адыге	354
XII. Вотяки	141	XXXI. Абхазцы или азега	364
XIII. Зыряне	153	XXXII. Ногайцы	374
XIV. Черемисы	161	XXXIII. Сванеты или Шаны	379
XV. Пермьки	187	КАРТВЕЛЬСКОЕ ИЛИ ГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ.	
XVI. Вогулы	190	XXXIV. Грузины	387
XVII. Евреи	192	XXXV. Имеретины Мингрельцы и Гурійцы	298
		XXXVI. Тушины, Пшавы и Хевсурь	411

XXV. БАШКИРЫ.

Характеръ и бытъ.

Башкиры, съ незапамятныхъ временъ, обитаютъ въ юговосточной части Европейской Россіи, на обширныхъ и привольныхъ степяхъ: между Ураломъ, Волгою и Каспійскимъ моремъ. По послѣдней ревизіи численность башкирскаго племени, въ пяти смежныхъ губерніяхъ, Оренбургской, Уфимской, Вятской, Пермской и Самарской, вмѣстѣ съ мещеряками и тептерями доходила до 1.037,000 душъ обоого пола.

О происхожденіи башкирскаго народа, за отсутствіемъ историческихъ указаній на это, толкуютъ различно. Гумбольдтъ и Штраденбергъ признаютъ башкиръ за народъ финскаго племени, только современемъ принявшій монгольскій типъ. Хвольсонъ производитъ башкиръ и одноплеменныхъ имъ мадьяръ отъ вогульскаго племени, составляющаго отдѣльную отрасль такъ называемой угрской группы или большой алтайской семьи. Нѣкоторые же историки производятъ ихъ отъ болгаръ. Есть, наконецъ, писатели, отводяшіе башкирамъ среднее мѣсто между финскимъ и татарскимъ племенами.

Наше простонародье, кажется, всего вѣрнѣе называетъ башкиръ *татарами* и вообще не отличаетъ ихъ отъ татаръ. Сосѣди башкиръ, киргизы, называютъ ихъ *истямъ* (остякъ), что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, служитъ новымъ подтвержденіемъ происхожденія башкиръ отъ финскаго племени. Сами же себя башкиры называютъ словомъ «башкуртъ».

Послѣднее названіе производятъ отъ татарскихъ словъ: башъ—голова и *муртъ*—пчела или вообще насѣкомое. По мнѣнію однихъ, это названіе намекаетъ на страсть башкиръ къ пчеловодству, а по мнѣнію другихъ — на неряшливость и нечистоплотность этого племени. Дѣйствительно, вѣчно оборванному и лѣнивому башкиру едва ли не чаще приходится имѣть дѣло съ «головными насѣкомыми», чѣмъ съ трудолюбивыми пчелами. Слово «башкуртъ» производятъ также отъ татарскаго *башка* — *муртъ* — отдѣльный народъ, и отъ слова, означавшаго на древнемъ, вышедшемъ изъ употребленія джагатайскомъ языкѣ—*волокъ*, *грабителю*. Послѣдній эпитетъ также имѣлъ за себя много основаній въ прежнемъ образѣ жизни башкиръ.

Свѣденія о башкирахъ заходятъ въ очень отдаленныя времена. Еще арабскіе и персидскіе писатели IX—XIII вѣка упоминаютъ о башкирахъ какъ о самостоятельномъ народѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «мадьяръ» или «бадшгардовъ». Путешественники XIII вѣка, посѣщавшіе страну башкиръ, прилегающую къ Волгѣ и Уралу, находили башкирскій языкъ вполне тождественнымъ съ мадьярскимъ. По этой причинѣ они называли приуральскія башкирскія степи «*Великою Венгріею*». На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей можно, кажется, безошибочно отнести башкиръ къ татарскому или тюркскому племени. Полагаютъ, что башкиры и мадьяры или угры вошли въ Европу въ V столѣтіи, подъ общимъ именемъ гунновъ и другихъ народовъ. Собственно мадьяры или венгры, какъ часть башкирскаго народа, оставили приуральскую страну около 884 года, вслѣдствіе притѣсненій отъ восточныхъ печенѣговъ, и поселились въ нынѣшней Венгріи. Оставшіеся же при

Уралъ башкиры заняли вскорѣ ту территорію, какую они занимаютъ и по настоящее время, именно мѣстность между Волгою, Камою, Тоболомъ и верхнимъ теченіемъ Урала.

Занявши страну, сосѣдную съ древними волжскими «булгарами», башкиры вскорѣ должны были подчиниться имъ. Въ 1236 году, при нашествіи татаръ на восточную Европу, башкиры покорены были Батыемъ. Можетъ быть вслѣдствіе своего близкаго родства съ завоевателями, башкиры не только были пощажены ими и сохранили за собой всё свои прежнія права, но и получили отъ татаръ преимуществва предъ прочими покоренными ими народами, въ отличіе отъ которыхъ имъ были даны тамги (знаки) и названіе тюбъ (волостей).

Впослѣдствіи башкиры вошли въ составъ казанскаго татарскаго царства. Съ покореніемъ Іоанномъ Грознымъ Казани и Астрахани, должна была пасть и Башкирія. Правда, страна эта оставалась въ это время еще неприкосновенной; но лишенная поддержки со стороны одноплеменныхъ имъ казанцевъ и астраханцевъ и тѣсняемые сосѣдними кочевыми народами, преимущественно хищными киргизами, башкиры вскорѣ вынуждены были сами обратиться къ русскому правительству съ просьбою принять ихъ подъ свое подданство. Избранные по этому случаю депутаты отъ башкиръ отправились въ Москву, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, на лыжахъ. Іоаннъ Грозный принялъ ихъ милостиво и согласился включить башкиръ въ число подвластныхъ ему народовъ, обложивъ ихъ ясакомъ.

Глядя на нынѣшнихъ башкиръ, трудно представить себѣ, что еще такъ недавно они составляли сильный и воинственный народъ; черезъ какія-нибудь сто лѣтъ нельзя и узнать этого буйнаго и отважнаго народа... Еще недавнія сказанія про силу и воинственный духъ башкиръ кажутся теперь просто невѣроятными: такъ сильно измѣнилось это племя подъ вліяніемъ русской культуры и новыхъ условій жизни.

По типу лица башкиры не представляютъ рѣзкаго отличія отъ

татарскаго племени вообще. Таже круглая, довольно большая голова, круглое и смуглое лицо, сѣрые или каріе, большею частію плоскіе и довольно узкіе глаза, прямой и небольшой лобъ, оттопыренные большія уши, короткая рѣдкая борода, по большей части темнорусая. Выраженіе лица у башкиръ не только не безобразно, но нерѣдко даже очень красиво. Ходячія изображенія башкиръ съ звѣрскимъ монгольскимъ лицомъ, съ выдавшимися скулами и косыми глазами—далеко не вѣрны.

Ростъ башкиры имѣютъ большею частью средній, сложеніе не очень крѣпкое; но тѣмъ не менѣе они довольно сильны и способны переносить большія лишенія. Въ работѣ они, по общему отзыву, трудолюбивы и аккуратны, но *не споры*, т. е. не имѣютъ той выдержки и умѣлости, какая замѣтна у русскихъ. Поэтому заработная плата башкирамъ полагается меньше, нежели русскимъ крестьянамъ, а урочную работу они выполняютъ по крайней мѣрѣ на треть дольше въ сравненіи съ послѣдними. Вообще башкиры исполняютъ, напр. на золотыхъ приискахъ и заводахъ—большею частью чисто механической трудъ: рубятъ и возятъ дрова, готовятъ уголь, доставляютъ руду и проч. Также даютъ имъ такія работы, при которыхъ требуется аккуратность безъ особеннаго умѣнья, напр. на золотыхъ приискахъ имъ нерѣдко поручаютъ конецъ промывки, такъ называемую голову, гдѣ золотой песокъ отдѣляется отъ марганца и другихъ металлическихъ примѣсей. При этомъ у башкиръ замѣчательно развиты органы чувствъ. Днемъ и даже ночью они въ состояніи различать предметы на недосыгаемомъ для насъ разстояніи, равно какъ уловить звуки, далеко недолетающіе еще до нашего уха. Вообще, организмъ башкиръ въ высшей степени принаровленъ къ своеобразной степной жизни и закаленъ противъ всѣхъ стихійныхъ невзгодъ. Въ этомъ смыслѣ здоровье ихъ можно считать очень хорошимъ. Башкиры не знаютъ, что такое простуда или неудобоваримая пища. Если же они замѣтно вымираютъ отъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней,

то причиной этому, конечно, далеко не деликатность ихъ тѣлеснаго сложенія, а вѣрнѣе нищета и крайне тяжелая жизненная обстановка вообще.

Нравственныя качества башкиръ весьма непривлекательны, что вполне объясняется историческими условіями ихъ жизни. Они лѣнливы, склонны къ праздности, легковѣрны, подозрительны и скрытны.

Праздность и лѣнь, конечно, есть слѣдъ ихъ недавняго кочеваго быта, а легковѣрность обуславливается ихъ крайней неразвитостью. Наибольше серьезные пороки ихъ состоятъ въ конокрадствѣ въ тѣсбахъ ихъ между собою и со всѣми сосѣдями. Любовь къ сутяжничеству иногда проявлялась у нихъ въ курьезныхъ формахъ. Рассказываютъ, на примѣръ, что очень часто случалось, какъ два башкира-противника отправлялись въ городъ на далекое разстояніе, на тѣсбу другъ съ другомъ, изъ экономическихъ расчетовъ—въ однихъ саянахъ и на одной лошади, для раззоренія одинъ другаго, такъ сказать, на общій счетъ...

При всемъ томъ башкиры до наивности добры, услужливы и въ высшей степени переносливы. Это—дѣти природы, несчастные, забитые, кроткіе и едва ли способные на какія бы то ни было рѣзкія, мстительныя выходки. Вообще башкиры очень смиренны, и съ ними, какъ съ дѣтьми, можно дѣлать все, что угодно. Отъ воспоминаній объ ихъ прежней политической независимости и воинственности не осталось и слѣдовъ.—Полуголодные, едва существующіе изо дня въ день, загнанные и забитые башкиры въ настоящее время представляютъ только тѣнь своего прежняго облика.

Между тѣмъ умственныя качества башкиръ далеко не безотрадны; ихъ можно считать людьми очень способными. Они не только обладаютъ здравымъ смысломъ, но предусмотрительны и находчивы и не лишены нѣкоторой доли остроумія и изобрѣтательности. Башкиры вообще склонны къ занятіямъ, при которыхъ требуется разно-

образіе пріемовъ и личное соображеніе. Есть основаніе надѣяться, что при иныхъ условіяхъ исторической жизни, они не были бы хуже, на примѣръ, одноплеменныхъ имъ венгерцевъ.

Образъ жизни и занятія башкиръ различны и обуславливаются мѣстными удобствами, климатомъ и естественными произведеніями. Главное ихъ занятіе и богатство заключается въ скотоводствѣ. Когда-то у башкиръ было много разнаго скота, а на привольныхъ пастбищахъ паслись несмѣтные табуны лошадей; но это время миновало для нихъ безвозвратно. Теперь сплошь и рядомъ бываетъ, что у башкира нѣтъ ни лошади, ни овцы, ни коровы; а у кого скотъ еще имѣется, у тѣхъ онъ съ каждымъ годомъ вымираетъ... Въ настоящее время скотоводствомъ занимается собственно незначительная часть башкиръ, которые придерживаются еще полукочеваго быта.

Къ числу занятій башкиръ относятся также лѣсные промыслы, извозъ, пчеловодство, охота, между прочимъ—соколиная, а также рыбная ловля и работа на заводахъ и рудникахъ; хлѣбопашество прививается къ нимъ очень туго, да и выше перечисленные промыслы находятся у нихъ, такъ сказать, еще въ зачаткѣ. На примѣръ, извозный промыселъ, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ башкиры занимаются имъ, возможенъ, быть можетъ, только для нихъ однихъ. Они ѣздятъ безъ дорогъ, по непроходимымъ лѣсамъ, дебрямъ и горнымъ ущельямъ, по извѣстнымъ только имъ однимъ мѣстностямъ. При этомъ, конская упряжь у башкиръ—ямщиковъ самого допотопнаго устройства: она вся состоитъ изъ одного мочальнаго хомута, часто еще несоотвѣтствующаго размѣрамъ конской шеи. Уложивъ небольшую кладь въ узенькія саяны и запрягши въ нихъ нѣсколько лошадей гусемъ, башкиръ садится самъ на переднюю изъ нихъ верхомъ, и скачетъ по извѣстному ему направленію цѣликомъ дебрями и буераками, управляя всѣми лошадьми заразъ—крикомъ, свистомъ и энергическимъ размахиваніемъ мочальнымъ влутомъ... Вообще, экономическое положеніе башкиръ чрезвычайно тяжелое. Сплошь и

рядомъ все имущество башкира заключается въ дырявой рубахѣ и лаптяхъ. Можно встрѣтить даже такихъ, которые лѣтомъ ходятъ (на работахъ) совсѣмъ безъ рубахи, босые, съ непокрытой головой, прикрывъ нижнюю часть тѣла дырявыми тряпками, замѣнивъ панталонъ; зимою, прямо на голое тѣло надѣвается верхняя одежда — халатъ, или армякъ. Многія взрослыя дѣвушки ходятъ также безъ рубахъ; вся одежда ихъ заключается въ лохмотьяхъ. Дѣти у большей части бѣдныхъ башкиръ и зимой, и лѣтомъ держатся совершенно голыми. Не менѣе скудно бываетъ и ихъ питаніе, въ особенности зимою. Лѣтомъ еще, при подножномъ кормѣ скота, продовольствіе ихъ идетъ порядочно; но съ наступленіемъ зимы большинство башкиръ, равно какъ и ихъ скоть, начинаютъ голодать, и тогда встрѣчаются жилища, обитатели которыхъ по нѣскольку дней не видятъ рѣшительно ничего съѣстнаго, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ ихъ истощенныя фигуры. Многіе довольствуются лепешками изъ толченаго проса, или лебеды, испеченными въ золѣ и похожими съ виду на засушенную глину, съ отвратительнымъ промозглымъ запахомъ и неприятнымъ вкусомъ. Другое, болѣе лакомое блюдо — болтушка изъ воды съ мукой или отваръ проса въ водѣ. Нужно, конечно, быть башкиромъ, чтобы безропотно переносить такую бѣдность и мириться съ ней. Замѣчательно, что, не смотря на всѣ лишения и недостатки, нищихъ-прошачей между башкирами вовсе не встрѣчается.

Къ числу многихъ причинъ жалкаго экономическаго положенія башкиръ относятся прежде всего ихъ переходное состояніе отъ полу-кочеваго къ осѣдлому образу жизни. Не отрѣшившись вполне отъ праздности и лѣни кочеваго народа и не освоившись въ достаточной степени со всѣми требованіями осѣдлаго, земледѣльческаго быта, башкиры подвергаются, наравнѣ со многими другими инородцами, многимъ невзгодамъ. Обладая пятнадцати-десятинымъ надѣломъ, способнымъ достаточно обеспечивать крестьянина — хорошаго рабо-

тника, умѣющаго взяться за дѣло, башкиры съ этимъ надѣломъ неминуемо попадаютъ въ кабалу и бѣдность, потому что ихъ система хозяйства, скотоводство и лѣсные промыслы требуютъ несравненно болѣе обширныхъ угодій и настоящаго приволья. Полудиварямъ-башкирамъ, отказавшимся вслѣдствіе этого отъ скотоводства и непривыкшимъ къ земледѣлію по необходимости пришлось прибѣгнуть къ продажѣ земли, и разныя лица начали скупать у нихъ огромныя пространства земли за самую дешевую цѣну. Даже въ послѣдніе годы, башкирскія земли покупались по полтиннѣ и по рублю за десятину, въ то время, какъ даже годовая арендная плата была гораздо выше этой цѣны. Понятно, что такой порядокъ могъ существенно подорвать экономическое положеніе башкиръ. Сверхъ того, по неимѣнію запасовъ продовольствія на зимнее время, башкиры принуждены бывають еще осенью брать муку у русскихъ крестьянъ или промышленниковъ въ счетъ будущихъ заработковъ. Такимъ образомъ они закабальются на заводы, золотыя прииски, или на полевые работы. Словомъ, многіе изъ башкиръ нерѣдко оказываются совершенно въ безвыходномъ положеніи. Не мудрено поэтому, что въ нѣкоторыхъ башкирскихъ селеніяхъ, во время эпидемій, въ теченіи года вымираетъ половина населенія.

Въ прошломъ столѣтіи правительство полагало, что башкиры по своимъ привычкамъ болѣе склонны къ военному званію, чѣмъ къ сельскому труду, и потому въ 1786 году сборъ съ нихъ ясака былъ прекращенъ, а изъ нихъ самихъ набрали иррегулярное войско, главная обязанность котораго заключалась въ содержаніи кордоновъ на Оренбургской линіи, а иногда и въ участіи во внѣшнихъ войнахъ.

Такъ, въ 1812-мъ году изъ башкиръ и мещеряковъ сформировано было 30 казачьихъ полковъ для участія въ дѣйствіяхъ противъ французской арміи; въ Крымскую кампанію были высланы во внѣшнюю службу 4 пяти-сотенныхъ башкирскихъ казачьихъ полка. Къ сожалѣнію, войско это не приносило никакой особой пользы и не об-

наружило особой воинственности, и потому 14 мая 1863 года было Высочайше утверждено положение объ обращении башкирскаго войска въ гражданское вѣдомство. Отъ прежней воинской славы осталось за башкирами только прозвище «сѣверныхъ амуровъ», данное имъ французами, за особенность ихъ вооруженія, состоявшаго между прочимъ изъ лука и колчана со стрѣлами... Старые — воины башкиры впрочемъ, и до сихъ поръ съ гордостью щеголяютъ между своими одноплеменниками нашивками и значками, которые остались нмъ отъ прежней службы.

Башкиры, по обширности занимаемыхъ ими земель и по своему положенію на отдаленной восточной окраинѣ Европейской Россіи, долго оставались подъ исключительнымъ вліяніемъ сосѣднихъ калмыковъ и киргизовъ, и потому до сихъ поръ сохранили въ себѣ родовыя преданія и привычки прежняго кочеваго быта. Въ этомъ только и состоитъ отличіе ихъ отъ казанскихъ и другихъ единоплеменныхъ имъ татаръ. Правда, въ настоящее время башкиры живутъ уже среди осѣдлаго населенія. Ихъ окружаетъ пестрая смѣсь племенъ: русскіе, малороссы, бѣлоруссы, мещеряки, чуваша, мордва, темяри, татары и отчасти калмыки и киргизы, и рѣдкія селенія башкиръ представляются островками среди моря русскихъ и инородческихъ поселеній. Поэтому башкиры не могли уже не усвоить нѣкоторыхъ привычекъ осѣдлой гражданской жизни. Въ настоящее время, они, собственно говоря, всѣ уже имѣютъ дома и живутъ деревнями. Однако, можетъ быть, только половина изъ нихъ живутъ постоянно въ домахъ; остальные же каждое лѣто покидаютъ деревни и переселяются въ степи, гдѣ и кочуютъ въ войлочныхъ шалахахъ или кибиткахъ, называемыхъ *юрта*. Осѣдлые башкиры постоянно живущіе въ деревняхъ, обыкновенно ничѣмъ не отличаются отъ казанскихъ татаръ хлѣбопашцевъ, какъ по устройству жилищъ, такъ и по хозяйству и даже по благосостоянію. Что же касается до полукочевыхъ башкиръ, то быть ихъ значительно разнится отъ татарскаго.

Прежде всего, деревни башкиръ, какъ полукочевыхъ, такъ даже и вполне осѣдлыхъ, по своему внѣшнему виду, отличаются отъ татарскихъ деревень какой-то неоконченностью, или полуразрушенностью. На одномъ дворѣ недостаетъ, наприимѣръ, воротъ, на другомъ — крыши на избѣ, на третьемъ бросаются въ глаза полуразрушенныя хозяйственныя пристройки. Вообще, всѣ башкирскія деревни носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ отсутствія домовитости и любви къ своему жилищу со стороны ихъ хозяевъ, чего нельзя сказать про казанскихъ татаръ.

По внутреннему устройству и убранству, жилища осѣдлыхъ башкиръ совершенно сходны съ избами казанскихъ татаръ. У полукочевыхъ же башкиръ внутреннее устройство жилищъ скорѣе напоминаетъ кибитку киргиза, чѣмъ жилье хотя-бы и татарина-поселянина. Посреди подобной башкирскаго избы, часто неимѣющей ни крыши, ни пола, устроенъ *чувалъ*, родъ камня, съ прямой трубой и съ широкимъ отверстіемъ для горѣнія дровъ. Съ одной стороны чувала вмазывается котель, подъ которымъ поддерживается постоянный огонь и въ которомъ варятъ пищу и стираютъ бѣлье или, вѣрнѣе, грязныя лохмотья... Вокругъ стѣнъ, увѣшанныхъ конскою сбруей, оружіемъ и стрѣлами, помѣщаются иногда сундуки, а также перины, подушки и одеяла, если только они имѣются. Два или три окна, прорѣзанныя въ одной изъ стѣнъ, заклеиваются очень часто, вмѣсто стеколъ, буйволовымъ пузыремъ, едва пропускающимъ свѣтъ. Грязь въ избѣ непроходимая. При употребленіи пищи башкиры не знаютъ ни ножей, ни вилокъ, которыя замѣняются руками; къ тому же, употребленіе бани и мыла до сихъ поръ не привилось къ нимъ; оттого опрятность и чистоплотность представляются добродѣтелями неслыханными въ семействахъ башкиръ, и въ ихъ платьѣ и бѣльѣ разводится несмѣтное количество плотоядныхъ насѣкомыхъ.

Въ описанныхъ жилищахъ, башкиры дрогнутъ и голодаютъ въ продолженіи всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ. Подъ конецъ зимы они бро-

дять по деревнямъ, какъ тѣни, изнуренные, оборванные и апатичные, съ одной надеждой на наступающее лѣто. Но башкирь совершенно преобразается, когда семейство его, съ первымъ проблескомъ весны, потянется въ *коши*. На лѣтней кочевкѣ башкирь отдыхаетъ на славу; ѣсть баранину, пьетъ кумысъ или молого, и ни о чемъ не думаетъ. Сборы бываютъ не долги. Запрягаютъ лошадь въ арбу, или навьючиваютъ верблюда, забираютъ домашнюю рухлядь, берутъ одну или двѣ подушки, грязный войлокъ или черную кошму, двѣ пары рубахъ для хозяина, халатъ изъ китайки для жены, одну или двѣ ложки и кунякъ (ведро) вотъ и все! Молодые башкиры и башкирки, надѣвъ на себя лучшее платье, ѣдутъ впереди верхами, погоняя табуны лошадей и стада скота. Прибывъ на поляну, выбранную для кочевки, иногда верстъ за сто отъ деревни, башкиры устраиваютъ наскоро *коши* или войлочные кибитки, на подобіе киргизскихъ. На круглыя деревянные рѣшетки, укрѣпленныя въ землѣ, натягиваютъ войлокъ, оставляя отверстіе вверху шалаша, для выхода дыма. Посреди кибитки разводять костеръ, — и жилище готово. Привязавъ жеребятъ и отпустивъ стада на подножный кормъ, башкиры предаются праздности и лѣни.

Раннимъ утромъ встаютъ, прежде всего, башкирки, доятъ коровъ, моютъ посуду и осматриваютъ стада. Затѣмъ поднимаются старики, наеидываютъ на себя халаты и выходятъ изъ кибитокъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Немного спустя, они собираются въ палатку какого нибудь зажиточнаго башкира попить любимаго кумысу. Отъ него идутъ къ другому башкиру и продолжаютъ распивать освѣжающій напитокъ, подъ звуки курая (дудки) или подъ пѣніе башкирскихъ пѣсень про подвиги *отисъ и дидовъ*...

Черезъ какія-нибудь 2 или 3 недѣли башкирь и узнать нельзя. Къ нимъ возвращаются врожденная веселость и живость. Просыпаются въ нихъ старыя инстинкты и склонности; появляется отвага, юморъ изобрѣтательность и живость въ движеніяхъ, даже самый наружный

видъ ихъ измѣняется. Только въ кошяхъ и можно узнать, что такое башкирь по природѣ.

Однако, скоротечность лѣта напоминаетъ и кочующимъ башкирамъ о близости суровой зимы, и они волей-неволей принимаются за рубку дровъ, за гонку смолы и дегтя, и за сѣновозъ. Тутъ же, вблизи копей, обыкновенно, расположены бываютъ и ихъ пашни.

При этомъ, очень часто оказывается, что у одного недостаетъ топора, у другого нѣтъ сохи или бороны....

Съ наступленіемъ заморозковъ, обыкновенно поздней осенью, башкиры возвращаются опять въ свои деревни, голодать и дрогнуть до наступленія слѣдующей весны.

Но далеко не всѣ башкиры, даже изъ наиболѣе богатыхъ, пользуются этими лѣтними кочевками. Самые зажиточные изъ башкирь уже вполне освоились съ домашнимъ комфортомъ и не думаютъ ни о какихъ переселеніяхъ. Наиболѣе же бѣдные изъ нихъ не имѣютъ земли для кочевокъ и принуждены копошиться все лѣто подлѣ своихъ полуразвалившихся избъ, или же тнутся, вмѣсто копей, на заводы и пріиски...

Одежда башкирь, даже по названію, почти тождественна съ обыкновеннымъ татарскимъ костюмомъ. Мужчины носятъ тѣ же длинныя рубахи съ отеладными воротниками, тотъ же чепмень (кафтакъ), халаты и широкіе шальвары. Голову покрываютъ низкой войлочной шляпой съ загнутыми вверхъ полями. На ногахъ носятъ ичиги съ калошами, а бѣдные — лапти. Зимю носятъ тулупы и шапки, отороченныя мѣхомъ.

Женскій костюмъ также мало отличается отъ татарскаго. Башкирки носятъ холщевыя рубашки, вышитыя вокругъ ворота и рукавовъ алаго цвѣта нитками. Сверхъ рубашки надѣваютъ платье — родъ кафтана, зимю съ рукавами, а лѣтомъ безъ рукавовъ; платье это увѣшивается вокругъ ворота и на груди серебрянными монетами. Подобно татаркамъ, башкирскія женщины носятъ шальвары.

На ноги надѣваютъ или сафьянные башмаки на высокихъ каблукъ, или же лапти, смотря по состоянію. Дѣвушки ходятъ съ открытой головой, а замужнія башкирки надѣваютъ на голову *кож-бовъ*—шапочку, узиканную мелкимъ краснымъ бисеромъ. Но самый щегольской нарядъ—это *калбачикъ*, племообразная чешуйчатая шапка, съ длиннымъ и широкимъ хвостомъ, сплошь увѣшанная серебрянными монетами. Цѣна калябашу доходитъ иногда до 1000 рублей. Какъ рѣдкость, онъ встрѣчается только въ немногихъ богатыхъ домахъ и переходитъ отъ матери къ замужнимъ дочерямъ по наслѣдству.

Национальную пищу башкиръ, какъ и у казанскихъ татаръ, составляютъ преимущественно жирныя и мучнистыя кушанья. *Чурч-наръ*, маленькіе пирожки съ изрубленнымъ мясомъ, сваренные въ маслѣ или водѣ. *Баламыкъ*, отваръ варенаго мяса съ мелко натертымъ саломъ или «крутомъ». *Крутъ*, засушенный творогъ, въ родѣ сыру. *Вишь-бармакъ*, искрошенное мясо съ кусочками тѣста, сваренное въ маслѣ или водѣ. Вишь-бармакъ ѣдятъ пригоршней, отчего онъ и получилъ свое названіе—«вишь-бармакъ», что значитъ въ переводѣ—пять пальцевъ. Къ числу башкирскихъ кушаній относятся также обыкновенныя татарскія блюда: *каймакъ*, *салма*, *катыкъ* и проч. Любимая пища башкиръ—лошадиное мясо и баранина. Изъ напитковъ наиболѣе употребительны: чай, кумысъ и «айранъ».

Башкиры очень гостепріимны и подчуютъ своими национальными лтвами всякаго гостя безъ разбора, къ какой бы онъ народности ни принадлежалъ и какого бы онъ званія или сана ни былъ. По сѣтитъ его торговецъ, чиновникъ или начальникъ каятона (башкирской волости), башкиръ рѣжетъ и жаритъ цѣлаго барана, на истребленіе котораго сходятся и всѣ сосѣди хозяина. При этомъ, башкиры никогда не снимаютъ шапокъ передъ гостемъ, будь онъ

даже ихъ начальство; они съ достоинствомъ подаютъ ему руку и разговариваютъ, какъ равный съ равнымъ.

Религія башкиръ, какъ и у всѣхъ татаръ,—мусульманская. Духовенство ихъ подчинено оренбургскому муфтію. По обыкновенію всѣхъ мусульманъ, башкиры имѣютъ при каждой мечети школы, въ которыхъ муллы занимаются обученіемъ дѣтей. Однако, мусульманская грамота мало приноситъ пользы башкирамъ.

Религіозныя празднества и народныя увеселенія у башкиръ тѣ-же самыя, что и у татаръ. Посты и праздники рамазана и курбапъ-байрама они исполняютъ, хотя менѣе фанатично, чѣмъ казанскіе татары, но съ соблюденіемъ тѣхъ-же обрядовъ и обычаевъ, что и у послѣднихъ. Изъ народныхъ празднествъ башкиры, подобно казанскимъ татарамъ, совершаютъ праздникъ *сабанъ*, въ началѣ весны, предъ выселеніемъ въ коши, и праздникъ *зимъ* или джинъ, лѣтомъ, во время кочевокъ. Оба торжества эти справляются: первый—гдѣ-нибудь въ полѣ, близъ деревни, а второй—на мѣстахъ кочевокъ. Празднества сопровождаются, какъ и у прочихъ татаръ, объяденіемъ, питьею кумыса или бұзы, пѣніемъ пѣсней и скачками или борьбою съ призами. Побѣдитель получаетъ какой-нибудь разшитый платокъ изъ рукъ лучшей женщины или дѣвушки, и награждается возгласами толпы: «мердась! мердась!» (исполать, bravo!). По окончаніи состязанія, участвовавшіе въ немъ молодые джигиты ходятъ по всѣмъ дворамъ, съ пожеланіемъ козяевамъ хорошаго урожая и всего лучшаго въ жизни, за что получаютъ въ каждой избѣ угощеніе бұзою, катыкомъ, баламыкомъ и проч. Во время празднества джигиты, совершаемаго на мѣстѣ кочевки, сюда съѣзжаются, какъ на ярмарку, торговцы сластями и плодами, и даже виномъ и водкою, что, впрочемъ, въ послѣднее время преслѣдуется мѣстною администраціею.

Семейные обряды и обычаи башкиръ также напоминаютъ со-ответствующіе татарскіе обычаи. Заключение брака у башкиръ

основано также на взносѣ со стороны жениха выкупа за невѣсту или *калыма*. Цѣнность выкупа опредѣляется, обыкновенно, состояніем жениха, и заключается у самыхъ бѣдныхъ въ возѣ дровъ или сѣна, а у самыхъ богатыхъ цѣнность калыма достигаетъ иногда до 3,000 рублей. Сватовство начинается, очень часто, въ то время, когда женихъ и невѣста еще не вышли изъ пеленокъ. Сватъ со стороны жениха, обыкновенно ближайшій родственникъ его, отправляется къ отцу невѣсты и, спросивъ о здоровьѣ деревенскихъ стариковъ, поговоривъ, затѣмъ, о томъ о семъ, объявляетъ подъ конецъ о цѣли своего посѣщенія. Если послѣдуетъ согласіе со стороны отца невѣсты, то свата немедленно угощаютъ чаемъ, котораго онъ выпиваетъ чашекъ 10 или 15, потомъ подчуютъ бишь-бармакомъ, при чемъ хозяинъ дома долженъ подавать свату кусочекъ мяса собственными пятью пальцами; вслѣдъ за тѣмъ угощаютъ опять чаемъ.

Обрядъ вѣнчанія и свадебное торжество совершается у башкиръ одинаково съ татарами.

Вообще, родство этихъ двухъ тюркскихъ племенъ очень близкое, какъ по происхожденію, такъ и по всеѣмъ этнографическимъ признакамъ: по языку, по физическому типу, по одеждѣ, жилищамъ, нищѣ и по народнымъ обычаямъ и обрядамъ. Все отличіе башкиръ отъ татаръ въ настоящее время заключается отчасти въ образѣ жизни а также въ степени матеріальнаго благосостоянія; но все это объясняется болѣе низкимъ уровнемъ развитія башкиръ. Указываютъ также на большую свободу, которою пользуются башкирскія женщины, на отсутствіе у послѣднихъ обычая закрывать лица, на отсутствіе въ самихъ башкирахъ склонности къ осѣдлости, труду и домовитости, но и это все составляетъ такіе признаки, которые не даютъ права раздѣлять оба эти народа на два совершенно различныхъ племена, и которые легко сглаживаются подъ вліяніемъ постепеннаго развитія народа.

Вѣроятно, вслѣдствіе крайне-тяжелой матеріальной обстановки и

весьма слабого умственнаго развитія башкиръ, численность этого племени, по официальнымъ свѣдѣніямъ, съ каждымъ годомъ замѣтно сокращается. Безъ сомнѣнія, часть башкиръ, при этомъ, слилась и продолжаетъ до сихъ поръ сливаться съ русскою народностью; оставшая-же часть, по неимѣнію силъ и средствъ выдерживать конкуренцію съ окружающею болѣе развитою народностью, неминуемо обречена на вымирание. Въ этомъ отношеніи участь башкирскаго народа столь-же печальна, какъ и судьба многихъ другихъ, уже окончательно вымершихъ инородцевъ. Но для башкиръ есть еще много времени впереди, и если всемѣры за это время направлены будутъ тѣми, отъ кого это зависитъ, къ ускоренію и облегченію сліянія ихъ съ господствующею націею, то башкирская народность можетъ еще, такъ сказать, продолжиться въ общей жизни съ великимъ русскимъ народомъ, въ сліяніи съ которымъ и заключается единственное спасеніе для всѣхъ полудикихъ, инородческихъ племенъ въ Россіи.

XXVI. МЕЩЕРЯКИ.

Прошлая судьба мещеряковъ. Современный бытъ ихъ.

Мещеряки или мещера — турско-финское племя или, лучше сказать, отчасти отатарившееся, отчасти обрусѣвшее финское племя, уцѣлѣвшее нынѣ только въ Уфимской, Пермской, Пензенской и Саратовской губерніяхъ, въ количествѣ около 140,000 душъ обоого пола. Въ прежнее-же время мещера населяла такъ называемую Мещерскую область, въ составъ которой входила часть нынѣшней Рязанской губерніи въ сѣверу отъ рѣки Оки, сѣверные уѣзды Тамбов-

ВНУТРЕННОСТЬ СУЛТАНСКОЙ ЮРТЫ.

АНГЛИЗСКИЙ СУЛТАНЪ ВЪ СЕМЕЙНОЙ ЮРТѢ.

ской и западные уѣзды Пензенской, гдѣ мещеряки уцѣлѣли и донынѣ. Независимо отъ этого мещера обитала въ предѣлахъ бывшаго Казанскаго царства, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Пензенской и Симбирской, по правую сторону Волги, откуда этотъ народъ бѣжалъ въ Башкирію, вслѣдствіе разрушенія русскими Казанскаго царства. Такимъ образомъ, съ давнихъ поръ одна часть мещеры подпала подъ вліяніе и власть татаръ, а другая — подъ вліяніе русскихъ, вслѣдствіе чего и нынѣшніе мещеряки представляютъ два совершенно различныхъ между собою типа — обрусѣвшей и отатарившейся мещеры. Такъ, пензенскіе мещеряки (которыхъ считается свыше 30,000 душъ) совершенно обрусѣли, утратили свой языкъ и говорятъ только по-русски, подобно своимъ русскимъ сосѣдямъ, исповѣдуютъ православную вѣру, однимъ словомъ, весьма мало отличаются отъ русскихъ крестьянъ, кромѣ удержанія за собою названія мещеряковъ и легкихъ отгѣнковъ произношенія, напримѣръ, употребленія звука *ц* вмѣсто *ч*, и можетъ быть нѣкотораго различія въ чертахъ лица. Такимъ образомъ, пензенскіе мещеряки находятся въ послѣдней степени обрусѣнія и скоро исчезнутъ также безслѣдно, какъ исчезли ихъ соплеменники другой части Мещерской области, въ которой можно однако-же встрѣтить слѣды обрусѣнія мещеры. Такъ, въ Рязанской губерніи, жители сѣверной части Спасскаго уѣзда, по теченію р. Пры, называютъ себя мещеряками, хотя уже ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ, ни въ языкѣ, ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ.

Жилище мещеряковъ составляетъ: черная изба, холодныя сѣни, вышка, клѣтъ, конюшня, сарай, баня и т. д. Избы у мещеряковъ строятся различно, но вообще должно замѣтить, что въ дворахъ мещеряковъ много различныхъ пристроевъ, а въ домахъ замѣтно отсутствіе чистоты и опрятности. Въ избѣ и свиньи съ поросятами, и овцы съ ягнятами, и коровы съ телятами; валяется всякій хламъ отчего въ избахъ сырость и тяжелый воздухъ.

Одежда мужская — лѣтняя, обыкновенно, состоитъ изъ бѣлой холстяной рубахи, съ краснымъ оподольникомъ, и краснымъ-же, шитымъ бумагою, восьмью воротомъ, и изъ бѣлыхъ-же штановъ. Зимѣмъ идетъ зипунъ изъ черной шерстяной матеріи, собственнаго издѣлія; бѣлыя, посконныя онучи и лапти. Въ зимнее время къ описанной одеждѣ прибавляется полушубокъ и тулупъ, суконныя онучи и шапка съ высокимъ, плюсовымъ верхомъ о четырехъ углахъ. Молодые дѣвушки, лѣтъ до 15, носятъ длинныя, бѣлыя рубахи, съ воротомъ шитымъ шерстью или бумагою, красною и другихъ цвѣтовъ; рубаху подпоясываютъ поясомъ, съ плетями на концахъ, довольно низко, и, перепуская ее вдвое, дѣлаютъ пазуху или, по ихъ, *пазичу*. Сверхъ рубахи надѣваютъ такъ называемый *чупрунъ*, который шьется изъ бѣлаго, тонкаго, неваленаго сукна, съ распашкою напередѣ, длиною нѣсколько ниже колѣнъ; бока, рукава, полы и подолъ чупруна облачаются красными или зелеными лентами изъ такого-же сукна. Дѣвушки въ этомъ возрастѣ стригутъ маковку, голову подвязываютъ холщевыми, на подобіе полотенецъ, платками, а въ праздники ситцевыми; на ногахъ носятъ бѣлыя онучи и лапти; голени-же обертываютъ черными, шерстяными, тонкими онучами, называемыми *повилами*; въ ушахъ носятъ большіе, съ проволочными кольцами серьги. Одежда замужнихъ женщинъ, обыкновенно, состоитъ изъ такой-же длинной рубахи, какую носятъ дѣвушки, и суконной, толстой понявы, которая бываетъ длиною не болѣе одного аршина; на ногахъ носятъ лапти, онучи и повилы; на головахъ-же носятъ особый уборъ, въ видѣ роговъ, которые покрываются бѣлымъ, холщевымъ платкомъ, называемымъ ушникомъ.

Не смотря на значительное обрусѣніе, мещеряки Пензенской губерніи до сихъ поръ сохранили много старинныхъ обычаевъ и обрядовъ, которые не соблюдаются у окружающаго ихъ великороссійскаго населенія, хотя очевидно, что многіе изъ этихъ обычаевъ происходятъ отъ славянскаго.

При рожденіи младенца, мещеряки замѣчаютъ время мѣсяца. Напримеръ, по ихъ мнѣнію, если младенецъ родился въ началѣ мѣсяца, то это значитъ, что младенецъ проживетъ долго, если-же въ концѣ, то умретъ скоро. Мещеряки особенно радуются рожденію мальчика; при рожденіи, хозяинъ рѣжетъ барана, поросать, куръ берутъ водки, однимъ словомъ, готовятся къ пиру; при рожденіи-же дѣвочки, только богатые пируютъ. Въ крестные отцы беретъ, обыкновенно, изъ чужаго дома, а въ крестныя матери изъ своихъ родственникововъ, именно изъ сестеръ, племянницъ и т. д. У кого дѣти часто умираютъ, родители стараются брать такого кума и куму, у которыхъ много живыхъ крестниковъ, думая, что жизнь младенца зависитъ отъ выбора кумовьевъ. Мещеряки причащаютъ младенцевъ послѣ каждаго шести недѣль, и матери особенно хлопочутъ о томъ, чтобы не выпускать, какъ онѣ говорятъ, младенца изъ шести недѣль.

Первоначальный сговоръ въ свадьбѣ происходитъ между парнемъ и дѣвушкой на играхъ и посидѣлкахъ и потому браки у мещериковъ рѣдко происходятъ по принужденію. Условившись между собою, парень проситъ отца просватать извѣстную дѣвушку. Если дѣло идетъ на ладъ, отецъ жениха покупаетъ вина, поить отца невесты и родственникововъ ея, сохраняя впрочемъ дѣло въ тайнѣ. Затѣмъ идетъ къ священнику и проситъ благословенія начинать сватанье. Выбравъ кого нибудь поопытнѣе изъ родственникововъ невесты, или *схожатаго*, онъ посылаетъ его въ домъ невесты съ формальнымъ предложеніемъ о сватовствѣ. Выпивъ и угостивъ родителей, схожатый начинаетъ свое дѣло такъ: «Я въ вамъ пришелъ, дядюшка и тетюшка! Я вупецъ, у васъ, слышалъ я, есть товаръ». «Есть родимый, да дорогъ»; отвѣчаетъ мать невесты. «Намъ такого и нужно, отвѣчаетъ съ своей стороны схожатый: мы люди не простые». Тутъ съ обиняковъ дѣло переходитъ на прямой разговоръ о сватовствѣ. Мать невесты объявляетъ цѣну своей дочери, которая простирается

иногда до нѣсколькихъ десятковъ рублей, да требуетъ еще полупубокъ, зипунъ, онучи и лапти; уговариваются также сколько женихъ обязанъ привезти въ домъ невесты вина: одно ведро на столъ и одно подъ столъ, или два ведра на столъ и столько же подъ подъ столъ (подъ столъ вино назначается для дома невесты, а на столъ идетъ на угощеніе гостей). Уладивши на первый разъ дѣло, схожатый идетъ домой. Къ нему подходитъ отецъ жениха и распрашиваетъ его о сватовствѣ. Если все улажено хорошо, схожатый и отецъ жениха идутъ въ домъ невесты для рукобитья. На рукобитье опять приносятъ вино, уговариваются о клажѣ (т. е. платѣ жениха и о приданомъ), даютъ другъ другу руки и схожатый разнимаетъ ихъ; такимъ образомъ полагается начало свадьбѣ. Надобно замѣтить, что отецъ невесты во время всѣхъ этихъ переговоровъ старается держаться въ сторонѣ, предоставляя все дѣло главнымъ образомъ на усмотрѣніе жены. Онъ говоритъ, указывая на нее: «вонъ съ ней говорите; это не нашъ, а ее товаръ». Черезъ нѣсколько дней послѣ рукобитья бываетъ *запой*. Въ назначенный день въ домъ невесты собираются ея родственники; отецъ жениха собираетъ также своихъ, беретъ съ собою хлѣба, пироговъ, поросенка, часть говядины, блиновъ, вина ѣдетъ въ домъ невесты, гдѣ бываетъ пиръ, который и называется *запоемъ*; во время запой невеста сидитъ въ вышѣ и не показывается гостямъ; жениха на запоѣ не бываетъ также. Случается, что послѣ запой пронесется слухъ, что невеста имѣетъ какіе либо недостатки, которые ранѣе скрывались. Въ такомъ случаѣ отецъ невесты беретъ рубль или два, и ѣдетъ въ домъ невесты, объявляя, что онъ хочетъ посмотреть невесту, платя за это безчестье. Мать торгуется и, потомъ, за извѣстную плату соглашается показать невесту и дѣйствительно показываетъ. Если невеста окажется дѣйствительно съ недостатками, отецъ жениха, пріѣхавъ домой, посылаетъ схожатаго къ невестѣ съ отказомъ.

Наканувъ свадьбы съ жениха берутъ деньги слѣдующимъ по-

рядкомъ отецъ жениха идетъ къ схожатоу и говорить ему, что нынѣ слѣдуетъ отдать деньги за невѣсту. Схожатый идетъ къ невѣстѣ и говорить отцу ея, чтобы онъ готовился. Спустя нѣкоторое время, отецъ жениха собираетъ своихъ родственниковъ, которые съ схожатымъ, отцомъ жениха и матерью его идутъ вмѣстѣ въ домъ невѣсты, со всѣмъ нужнымъ для шиванья. Погулявши въ домѣ невѣсты, родственники жениха идутъ домой, а выбранный дружка остается и беретъ у дѣвушекъ рубаху для жениха, заплативъ за нее по состоянію жениха нѣсколько рублей. Въ день свадьбы схожатый отвозитъ отъ жениха невѣстѣ шубу, зипунъ, онучи, лапти и велитъ имъ готовиться къ поѣзду. Передъ поѣздомъ родители жениха благословляютъ его, послѣ чего всѣ поѣзжане, посидѣвши немного, молятся, и испрашиваютъ благословенія у родителей жениха къ поѣзду. Выйдя на дворъ, дружка три раза обходитъ съ иконою весь поѣздъ и говорить: кто съ нами, тотъ садись въ сани, а кто не съ нами, тотъ поди прочь. Затѣмъ съ разными церемоніями отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ начинается подчиванье виномъ всей компаніи. По окончаніи подчиванья, жениха и невѣсту выводятъ изъ-за стола и сажаютъ въ разныя телеги или сани; дружка опять обходитъ поѣздъ съ иконою и поѣздъ отправляется. Послѣ вѣчанія молодыхъ уводятъ въ церковную караулку, гдѣ на новобрачную надѣваютъ женскій уборъ и уѣзжаютъ домой. При вѣздѣ въ домъ стрѣляютъ нѣсколько разъ изъ ружья; это дѣлается для предохраненія молодыхъ отъ порчи колдунами, которые, вслѣдствія выстрѣла, теряютъ память, и потому колдовство ихъ не можетъ уже дѣйствовать. На крыльцѣ молодые встрѣчаются родственниками, обсыпаются хлѣбемъ и входятъ въ избу по разостланному холсту. Молодыхъ усаживаютъ на лавкѣ: жениха въ шапкѣ, а невѣсту подъ покрываломъ. Дружка взлѣзаетъ на лавку, обходитъ молодыхъ три раза, каждый разъ ударяя голову жениха о голову невѣсты и приговариваетъ: «сколько у меня пинечковъ, столько за вами сыночковъ,

сколько въ лѣсу кочекъ, столько бы у васъ дочекъ»; затѣмъ снимается съ жениха шапка, а съ невѣсты покрывало, и идетъ съ свахою въ клѣтѣ нагрѣвать постелю для молодыхъ, разостлавъ по ней кушакъ, которымъ былъ подвязанъ. На другой день молодые ѣдутъ звать родственниковъ невѣсты въ гости къ жениху и пиръ продолжается два дня. Черезъ недѣлю отецъ невѣсты дѣлаетъ пиръ у себя и зоветъ родственниковъ жениха; этотъ пиръ называется *отпиръ*. Молодая недѣли черезъ три ходитъ въ гости къ матери, гдѣ обыкновенно гоститъ недѣль шесть. Мещеряки всегда стараются брать невѣсту изъ своего села или въ сосѣднемъ же мещерякомъ; брать же жену въ дальнемъ селѣ или не мещерякомъ, считается безчестьемъ.

Нѣкоторыя особенности въ обычаяхъ замѣчаются у мещеряковъ при смерти и погребеніи. Такъ во время сопровожденія покойника въ церковь, мужчины слѣдуютъ около гроба повязанные бѣлыми платками, а женщины идутъ не въ дальнемъ разстояніи отъ гроба и всѣ плачутъ въ голосъ, причитывая каждая свое. Въ сороковой день совершаютъ поминки, на которые приглашаютъ родственниковъ и духовенство. Послѣ панихиды женщины выходятъ во дворъ къ воротамъ и плачутъ, провожая покойника на небеса, такъ какъ, по ихъ вѣрованію, до 40 дней душа покойника еще пребываетъ на землѣ, въ своемъ домѣ. Въ дни, назначенные для поминовенія, на могилы приносятъ блины, пироги, брагу, яйца и т. д., вырываютъ небольшую ямку и кладутъ туда по немногу всего съѣстного, остальное съѣдаютъ сами.

Мещеряки вообще довольно религіозны, хотя религіозность ихъ болѣе ограничивается соблюденіемъ внѣшней стороны христіанскаго ученія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, среди нихъ распространено много суевѣрій, впрочемъ общихъ съ коренными русскими.

Въ характерѣ своемъ мещеряки не представляютъ какихъ нибудь рѣзкихъ особенностей; они довольно смыслены, въ послѣднее время охотно заботятся объ образованіи своихъ дѣтей. Главный ихъ про-

мысль—земледѣліе; а у пензенскихъ мещеряковъ есть свой промыселъ—битье коноплянаго масла.

Отатарившіеся мещерики сохранили кажется еще менѣе своихъ національныхъ особенностей, чѣмъ мещеряки—христиане. Всѣ они исповѣдуютъ магометанскую религію и вообще относятся очень ревностно къ исполненію предписаній своего закона.

Мещеряки—магометане живутъ на земляхъ, составившихъ нѣкогда собственность башкирцевъ и считаются ихъ *«притупщенниками»*. Они народъ совершенно осѣдлый, живутъ деревнями въ хорошо устроенныхъ домахъ на русскій образецъ. Главный промыселъ ихъ хлѣбопашество и скотоводство. Мещеряки здоровы, крѣпко сложены, опрятны, одѣты чисто. Одежда ихъ таже, что и у татаръ, тубитейка, бѣлая войлочная шляпа лѣтомъ, а зимой мерлушковая шапка или овчинный малахай, рубаха холщевая или ситцевая длиною ниже колѣнъ, широкіе шаровары, бешметъ, халатъ или азямъ изъ сунна или болѣе легкой матеріи. Жены и дочери мещеряковъ также одѣваются опрятно: ситцевая съ многими оборками внизу рубашка, бешметъ и кожбаекъ т. е. нагрудникъ изъ серебряныхъ монетъ разной величины составляютъ обыкновенный ихъ костюмъ. Какъ на особенность можно указать на то, что у мещеряковъ, не въ примѣръ другимъ магометанамъ, жевщина пользуется значительною свободою; въ мещерякскихъ деревняхъ нерѣдко можно видѣть молодыхъ дѣвушекъ и парней вмѣстѣ на игрищахъ, чего нельзя встрѣтить въ другихъ мусульманскихъ селеніяхъ.

XXVII. ТЕПТЯРИ.

Тептяри-магометане и Тептяри-язычники. — Характеръ, обряды и обычаи.

Тептяри не представляютъ какого нибудь обособившагося типа, а есть помѣсь татаръ и финскихъ народцевъ: черемисъ, чувашей, вотяковъ и мордвы. Они живутъ въ губерніяхъ: Оренбургской, Уфимской, Вятской и Пермской, преимущественно на земляхъ прежде принадлежавшихъ на правѣ собственности башкирцамъ.

Тептяри въ настоящее время раздѣляются собственно на два разряда: тептярей-татаръ и тептярей-язычниковъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ племени въ настоящее время есть лица принявшіе христианскую вѣру. Сообразно этому дѣленію на магометанъ и язычниковъ и въ ихъ образѣ жизни, въ нравахъ, обычаяхъ, существуетъ значительная разница. Тептяри магометане подверглись сильному вліянію татаръ или, лучше сказать, совершенно отатарились. Но, исповѣдуя магометанскую религію, тептяри, кажется, не имѣютъ о ней надлежащаго понятія и не въ состояніи объяснить какой нибудь изъ самыхъ обыкновенныхъ религиозныхъ обрядовъ. Можно съ увѣренностью сказать, что религія тептярей состоитъ только въ наружныхъ формахъ. Богослуженіе они совершаютъ въ мечетяхъ, въ которыя женщины не имѣютъ права входить. Языкъ тептярей-татаръ, татарскій; одежда также татарская.

Тептери-татары вообще любятъ пощеголять нарядомъ и похвастаться хорошею вещью, хотя бы она была воровская или взятая на время у сосѣда. Если тептярь идетъ въ гости, особенно къ жениной роднѣ и, если у него нѣтъ собственного приличнаго платья, онъ, не стѣсняясь, отправляется къ сосѣду, вымѣниваетъ тамъ платье,

даетъ ему хорошія деньги, часто не много меньше того, что стоитъ вещь и, получивъ платье, съ радостію идетъ домой. Точно также нерѣдко собираетъ со всей деревни и нарядную сбрую для лошади для поѣздки въ гости, и также за деньги. Хорошая хозяйка ни въ чемъ не отстаетъ отъ мужа. Она точно также собираетъ почти по всей деревнѣ свой костюмъ, гдѣ платокъ гдѣ рубашку, и точно также, тѣмъ или другимъ способомъ, платитъ за прокатъ. Потомъ румянятся и бѣлятся. Разрядившись такимъ образомъ, она садится съ своимъ супругомъ въ сани или телѣгу, смотря по времени года, наполненная перинами и подушками, и отправляется въ гости: оба веселы, счастливы, имъ нѣтъ дѣла до того, что, возвратившись домой, они за все должны платить, и платить не мало. Такъ какъ деньги у тептаръ бываютъ рѣдко, особенно же запасныя, то онъ отдаетъ сосѣду землю, часто еще незасѣянную и такимъ образомъ избавляетъ себя отъ труда обрабатывать ее. Если сосѣдъ несоглашается взять невспаханную землю, а въ гости ѣхать нужно, то онъ готовъ отдать и вспаханную и засѣянную землю, лишь-бы тотъ далъ ему свое платье.

Селенія тептарей-татаръ бѣдны, неопрятны; улицы узкія, кривыя; дома—это по большей части ветхія избушки безъ сѣней, окна безъ рамъ, просто затянутыя пузыремъ; только зажиточные имѣютъ двѣ скольконибудь сносныя избы, а между тѣмъ деревни расположены въ лѣсу и часто на собственной землѣ тептарей находится лѣсъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что внутри домъ содержится опрятно. Войдите въ самую бѣдную избушку, и тамъ всегда найдете вымытый полъ, выбѣленную печку, чистый столъ, нары и лавку. Зажиточные тептари, имѣющіе двѣ избы, одну называютъ горницею; устройство избы вездѣ совершенно однообразное; кругомъ стѣнъ нары, въ переднемъ углу столъ, около стѣнъ развѣшаны полотенца съ концами, вышитыми красной бумагой или даже шелкомъ; на нарахъ положенъ коверъ, а въ углахъ разставлено нѣсколько сундуковъ, на которыхъ

чуть не до потолка навалены перины и подушки. Сундуки часто очень хороши и довольно дороги, но загляните въ сундукъ и тамъ окажется какаянибудь никуда негодная уже вещь. У задней стѣны въ избѣ стоитъ шкафъ съ чайной посудой; иногда цѣлая полка занята чайниками; невольно подумаешь, для чего такое множество чайниковъ, но когда присмотришься внимательнѣе, то окажется, что изъ нихъ одинъ, много два, годны въ употребленію, а другія—который безъ бока, который безъ носа, третій совсѣмъ безъ дна,—но всѣ они разставлены такъ тщательно у стѣны, что издали кажется, что всѣ они цѣлы. Тамъ самая исторія и съ чайными чашками. Подлѣ печи на особо сдѣланномъ мѣстѣ красуется самоваръ, чисто вычищенный, а у богатыхъ даже два, а рядомъ съ нимъ мѣдный умывальникъ, въ видѣ кувшина и мѣдный тазъ.

Не смотря на счастливую мѣстность и почти вездѣ достаточное количество полевыхъ и лѣсныхъ угодій тептари все-таки весьма часто сидятъ безъ хлѣба. Приѣзжайте когда угодно въ тептарскую деревню и вы всегда увидите у воротъ какого-либо дома человѣкъ десять, а если деревня большая, то и больше тептарей; они преспокойно сидятъ и нѣжатся на солнцѣ, а что дѣлается въ полѣ, имъ нѣтъ дѣла. А между тѣмъ, употреби они хотя незначительный трудъ, земля давала-бы обильный плодъ; вѣдь только и нужно, что вспахать да посѣять. Да и не однимъ хлѣбопашествомъ они могли-бы заняться: у нихъ подъ бокомъ озеро полное рыбой, у нихъ кругомъ лѣсъ. Чего-бы казалось недоставало жить имъ безбѣдно, такъ нѣтъ: спросите у любого тептара, зачѣмъ онъ дома, а не работаетъ въ полѣ, и онъ навѣрное найдетъ какуюнибудь отговорку: или скажетъ, что болѣнъ, или что у него нѣтъ лошади, не на чѣмъ работать, а у другого есть лошадь, такъ соха на два дома одна,—сегодня не его очередь. Спросите отчего онъ дома, когда могъ-бы идти хотя въ лѣсъ охотиться, онъ скажетъ что пороховъ дорогъ, а навѣр-

но не знает даже цѣну ему и никогда не справлялся. Спросите отчего не рыбачить, — отвѣтъ готовъ, — снастей нѣтъ.

Но взаимнѣе недостатка трудолюбія тептяри имѣютъ замѣтную склонность къ торговлѣ, какъ къ труду болѣе другихъ легкому. Сколотивъ какъ -нибудь, а иногда просто укравши, какъ -нибудь пять рублей, тептярь идетъ въ городъ, покупаетъ разныхъ мелочей: иглокъ, булавокъ, тесемокъ и т. п. Подговоривши себѣ товарища съ лошадыю, такой торговецъ ѣдетъ по деревнямъ; гдѣ можно украсть — украдетъ, гдѣ можно надуть — надуетъ. Поторговавши въ одной деревнѣ, они отправляются далѣе; прійдетъ время обѣдать, наши торговцы выбираютъ какой-нибудь домъ побогаче, преспойно вѣзжаютъ во дворъ, распрягаютъ лошадей, даютъ ей хозяйскаго корму, а сами идутъ въ избу, садятся за столъ и просятъ обѣдать. Хорошая хозяйка рада не рада, а угощаетъ незваныхъ гостей. Боже сохрани обидѣть отказомъ такого торговца: онъ найдетъ случай отомстить — подведетъ конокрадовъ или что-нибудь другое да сдѣлаетъ. Послѣ обѣда и отдыха купцы отправляются далѣе и дарятъ хозяйкѣ, въ знакъ благодарности, иглоку, либо вещичку, которой красная цѣна 2 коп. Обѣхавъ такимъ образомъ нѣсколько деревень и распродавъ свой товаръ, торговецъ возвращается домой, наживши рубль на рубль. Но онъ не поѣдетъ опять за товаромъ, а покупаетъ чаю, сахару, моханины (конскаго мяса), покупаетъ до сыта, ляжетъ на пуховики и цѣлый день распиваетъ чай. Вотъ тутъ-то предложите ему какой-нибудь трудъ, хотя-бы на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, — онъ откажется. Онъ не рассчитываетъ на завтра, ему нѣтъ дѣла до будущаго.

Нельзя сказать, чтобы тептяри были сплошь бѣдняки; встрѣчаются между ними и зажиточные. Но нравственная сторона богатыхъ, ничѣмъ не лучше бѣдняковъ: они также лѣнивы и плутоваты. Это и не мудрено, такъ какъ богатство наживается не трудомъ, а больше плутнями и воровствомъ. Обезпечивъ себя небольшимъ ка-

питаломъ, тептярь можетъ уже жить бариномъ. Напримѣръ, сосѣду вздумается напиться чаю, — дома его нѣтъ, купить не - на - что, онъ идетъ къ богатому, проситъ его и даетъ ему въ обмѣнъ свою полосу земли, часто уже засѣянную. Нужно платить подать, а денегъ нѣтъ, и ѣдники цѣлыми толпами идутъ въ зажиточному сосѣду просить денегъ и тутъ-то отдають ему въ аренду сѣнокосы, озера, поля за самую дешевую плату. Сколько-нибудь зажиточный тептярь самъ работать уже не станетъ ни за что; трудъ онъ считаетъ равнымъ тѣлесному наказанію: еслибъ его кто-нибудь насильно заставилъ работать, то онъ считалъ-бы себя несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ, и навѣрное жаловался - бы. Привычки тѣ же, что у богатого, что у бѣднаго: если первый не согласится идти воровать самъ, то очень радъ купить что-нибудь краденое, особенно, если можно извлечь изъ этого выгоду. Кромѣ лѣни и воровства, этихъ главныхъ качествъ тептярей-татаръ, есть еще одно — страсть къ ябедничеству. Стоить только поссорится изъ-за чего-нибудь двоимъ сосѣдямъ — они сейчасъ идутъ судиться.

Во многихъ отношеніяхъ противоположныя черты характера и быта представляютъ тептяри-язычники, не составляющіе, впрочемъ столь опредѣленнаго типа, какъ тептяри-магометане или точнѣе татары. Это зависитъ, конечно, прежде всего оттого, что они произошли, какъ уже было сказано выше, изъ смѣси черемисъ, чувашъ, мордвы и вотяковъ, почему и въ вѣрованіяхъ, и въ характерѣ они представляютъ какую-то странную смѣсь отличительныхъ чертъ этихъ послѣднихъ народцевъ.

Наружность ихъ вообще непривлекательна: небольшой ростъ худо сложенное тѣло, угловатыя формы, продолговатое лицо, маленькіе вѣчно красные глаза, тонкій голосъ, рыжіе, большею частію, волосы, всегда выстриженные, влинообразная борода; во взглядѣ видны хитрость и недовѣрчивость. Исповѣдая языческую религію, кромѣ Бога, котораго они считаютъ существомъ высшимъ обитаю-

щимъ на небѣ, признаютъ еще власть надъ собою злаго духа — Керемета, и убѣждены, что всѣ несчастя, какія испытываетъ человѣкъ, совершаются по волѣ Керемета. О загробной жизни они имѣютъ ямыя сбивчивыя понятія. Но они вѣрятъ, что и за гробомъ человѣкъ живетъ, почему съ умершимъ владуть древесную вѣтвь, чтобы ему было чѣмъ, какъ они говорятъ, отгонять собакъ, которые на томъ свѣтѣ будутъ его кусать. Религіозные обряды ихъ состоятъ въ жертвоприношеніи, совершаемомъ разъ въ годъ въ честь Керемета.

Тептяри-язычники кротки, смиренны, не любятъ ссоръ, но если разъ поссорятся, то мстятъ цѣлую жизнь. вмѣстѣ съ тѣмъ честность ихъ считается, у живущихъ съ ними, неподкупною. Они трудолюбивы въ высшей степени и вмѣстѣ бережливы и даже скупы, по отношенію къ издержкамъ на себя. Земледѣліе у нихъ находится сравнительно въ хорошемъ состояніи. У рѣдкаго не найдется во всякое время запаснаго хлѣба. Нищій между тептярями - язычниками такая же рѣдкость, какъ богатый — между тептярями-татарами. Скота они держатъ также довольно и имѣютъ за нимъ хороший уходъ. Селенія ихъ опрятны, улицы широкія, прямыя, дома большіе, удобные; у каждаго почти хозяина по двѣ избы и по нѣскольку пристроекъ. Но въ домашнемъ быту за то тептяри-язычники далеко не такъ опрятны какъ тептяри-татары: здѣсь они довели простоту до крайности. Въ ихъ избахъ сильное зловоніе; скотъ и птица живутъ вмѣстѣ съ хозяевами. Отъ этой неопрятности зависть, вѣроятно, сильное развитіе среди нихъ глазныхъ болѣзней. Особенно же между женщинами подъ старость рѣдко можно встрѣтить съ здоровыми глазами.

Изъ числа обычаевъ тептярей-язычниковъ, можно упомянуть обычай при совершеніи свадьбы. Согласно имъ, каждый женихъ обязанъ непременно украсть свою невѣсту, хотя-бы въ этомъ не предстояло ни малѣйшей надобности. Молодой человѣкъ, задумавъ жениться,

высматриваетъ себѣ невѣсту. Выбравъ по сердцу, ухаживаетъ за ней нѣсколько времени и сговариваетъ сбѣжать съ нимъ.

Пока влюбленные ведутъ переговоры, приговляются къ побѣгу, родители какъ той, такъ и другой стороны, хотя и знаютъ объ этомъ, но, если находятъ, что партія подходящая, то притворяются, что ничего не замѣчаютъ и даютъ имъ полную свободу, и родители жениха, кромѣ того, приготавливаются къ свадьбѣ. Въ одинъ прекрасный вечеръ дѣвушка покидаетъ навсегда родительскій домъ, выходитъ въ назначенное время на условленное мѣсто. Счастливый женихъ встрѣчаетъ ее, сажаетъ въ тѣлегу или сани и увозитъ домой. На другой день родители невѣсты пускаются въ погоню, обыкновенно зная напередъ, куда дѣвалась дочь, и идутъ прямо въ домъ жениха. Тамъ встрѣчаютъ ихъ какъ дорогихъ гостей, дѣлаютъ условіе о количествѣ калыма и когда кончатъ торгъ,—начинается пиръ. Какъ скупъ тептярь въ обыкновенное время, такъ добръ онъ въ это время и вообще на празднествѣ: тутъ кто-бы ни пришелъ—каждый гость, всѣхъ онъ напоитъ и накормитъ.

Всѣхъ тептярей, какъ мусульманъ, такъ и язычниковъ считается до 130,000 душъ обоого пола.

XXVIII. Ч У В А Ш И.

Въ русскихъ лѣтописяхъ впервые о чувашахъ упоминается по случаю построения у устья рѣки Суры города Васильсурска въ 1524 году. Во время движенія русскаго войска къ этому мѣсту оно имѣло бой, при чемъ побито было много чувашей. Болѣе основательно говорится о нихъ, по поводу основанія города Свияжска въ 1561 го-

ду, когда чувашей «привели къ правдѣ». До этого времени они находились въ полнѣйшемъ порабощеніи татаръ, состоя въ зависимости отъ татарскихъ князей и мурзъ, что продолжалось вплоть до принятія ими крещенія въ 1743 году.

Во время монголо-татарскаго владычества и основанія за тѣмъ казанскаго царства, при распространеніи ислама, чувашаи очутились въ полной зависимости побѣдителей, сдѣлались даже крѣпостными князей и мурзъ, въ угоду коихъ приняли нѣкоторые наружные обряды мухаммеданъ. Съ водвореніемъ русскихъ, они причислены къ христіанству. Не смотря на все эти переходы, чувашаи нынѣ сохранили въ себѣ очень много первороднаго, своеобразнаго, что разумѣется не могло бы быть, еслибъ существовала болѣе тѣсная связь съ финскимъ либо татарскимъ племенемъ.

Чувашаи въ преданіяхъ сохранили мало; они толкуютъ смутно, и то самыя разумныя, объ общемъ происхожденіи своемъ отъ мужчины и женщины, о всемірномъ потопѣ, о смѣшеніи языковъ, коихъ насчитываютъ до 77, но изъ нихъ главныхъ только 6: татарскій, чувашскій, черемисскій, мордовскій, калмыцкій и русскій. Они говорятъ, что пришли изъ за чернаго моря и изъ за далекихъ горъ. Своимъ предкомъ, родоначальникомъ, они считаютъ чуваша.

Сыкаясь съ фізіономіею чуваша, всматриваясь въ ея отдѣльныя черты и сравнивая ихъ съ другими народностями казанской губерніи, нельзя не придти къ заключенію, что выдающіяся скулы, узкій разрѣзъ глазъ и покатыя назадъ лобъ суть непремѣнныя признаки чувашскаго типа. Лицею они смуглы, глаза каріе или черныя, лобъ узкій, носъ тонкій разнаго очертанія, зубы бѣлыя, роста средняго, походка тяжелая переваливающаяся, при сильномъ маханіи рукъ. Волосы у нихъ темно-русые, усы и борода густыя, ровныя, свивающіеся иногда въ видѣ пряди. У женщинъ узкій разрѣзъ глазъ и выдающіяся скулы еще больше замѣтны, чѣмъ у мужчинъ.

Одежда мужчинъ совершенно схожа съ русскою.

Женская одежда болѣе разнообразна, при чемъ многія мѣстности имѣютъ свои характеристическія оттѣнки одежды, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ предметамъ всеобщей носки, легко признать чувашку.

Селенія чувашскія имѣютъ свой особый имъ принадлежащій видъ, имѣющій свое историческое происхожденіе вслѣдствіе монгольскаго нашествія и непріязненнаго обращенія съ ними вслѣдъ за признаніемъ ими русскаго подданства. Желая избѣгнуть всякихъ столкновеній и сохранить свое имущество и женъ, чувашаи удалялись съ болѣе открытыхъ мѣстъ, гдѣ нѣсколько столѣтій сряду занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, и поселились въ дебряхъ и лѣсахъ, вдаль отъ проѣзжихъ на глубинѣ овраговъ и возлѣ проточной воды.

Избы ихъ внутри, отъ постоянной копоти, какъ бы поверты глянецю. Полъ не кладется, а дѣлается изъ битой глины, имѣя видъ, какъ стѣны и всѣ остальные предметы внутренности, совершенно черныя. Другой мебели кромѣ наръ, шириною въ ростъ человѣка, нѣтъ; подъ нарами устраиваютъ подполье, для храненія болѣе цѣнныхъ вещей и другихъ принадлежностей.

Чувашаи въ общей сложности народъ зажиточный, представляя въ этомъ случаѣ рѣзкую противоположность съ татарами. Между ними почти нѣтъ нищихъ, по крайней мѣрѣ ихъ рѣдко можно встрѣтить въ чувашской деревнѣ, а исправный платежъ податей доказываетъ какъ состоятельность, такъ и порядочность распредѣленія ихъ жизни между отдыхомъ и занятіями. Рѣдкій изъ крестьянъ не имѣетъ у себя въ амбарѣ годоваго запаса хлѣба, притомъ если не больше, то онъ уже считается бѣднѣйшимъ между односельцами, изъ коихъ многіе хранятъ еще дѣдовскій хлѣбъ. Тѣмъ не менѣе какъ бѣдный, такъ и богатый одѣваются одинаково неприхотливо — въ онучи и лапти, и единственнымъ признакомъ степени ихъ состоятельности служить болшей или меньшей величины дворъ съ разной постройкой и въ особенности большое число амбаровъ, ульевъ и разная скотина.

К И Р Г И З Ы.

Б А Ш К И Р Ы.

Не смотря на то, что чуваша живутъ разбросанно своими семьями и дворами, ведутъ жизнь аккуратную и неприхотливую, нельзя отвергать, чтобы они не любили общества, не ходили бы сами въ гости и не принимали бы къ себѣ. Въ свободное отъ занятій время, особенно по вечерамъ, они засиживаются другъ у друга до поздней ночи и выкуривая трубку за трубкою, сидятъ хозяинъ и его достъ т. е. человекъ которому опъ далъ обѣтъ неразрывной дружбы, либо хорошій знакомый, родственникъ, рассказывая все то, что недавно видѣли и слышали въ городѣ, на базарѣ, разсуждая объ урожаѣ и сбытѣ хлѣба и даже о торговлѣ, кто ею занимается. Занимающіеся торговлею и болѣе присмотрѣвшіеся къ лучшей жизни соблюдаютъ опрятность и чистоту и потому не только ихъ избы ни чѣмъ не отличаются отъ опрятныхъ и чистыхъ русскихъ избы, но и посуда кіютъ или божница, содержатся въ щеголеватомъ видѣ. У такихъ крестьянъ можно найти и русскую баню.

Русскіе всѣхъ чувашей зовутъ Васильями Ивановичами причеиъ преданіе говоритъ, что іероманахъ Пуцекъ-Григоровичъ, впоследствии казанскій митрополитъ, обращавшій чувашъ въ христіанство, крестилъ ихъ цѣлыми толпами, давая имъ свое свѣтское имя Василій; воспріемникомъ же былъ діаконъ Иванъ Афанасьевичъ, получившій потомъ мѣсто въ одномъ изъ чувашскихъ приходоѡ.

Чуваши смотрятъ на свою жену, какъ на человекъ, котораго они должны любить, какъ на существо имъ вѣстѣ съ тѣмъ вполне подчиненное и способное быть не только подспорьемъ мужа, но и трудиться въ одинаковой съ нимъ мѣрѣ. Отъ этого нигдѣ вѣроятно женщины не работаютъ такъ усердно дома и въ полѣ, какъ у чувашъ; нигдѣ онѣ не ѣздятъ такъ лихо верхомъ, какъ тамъ, за то также этотъ двойной трудъ не остается безъ хорошихъ вознагражденій, какъ для дома, такъ и для жены. Украшенія и наряды женщинъ, сообразно вкусу чувашъ отличаются не только своимъ числомъ, но и богатствомъ, и еслибъ чувашамъ была извѣстна цѣн-

ность драгоценныхъ камней, если бы они въ своей глуши имѣли понятіе о другихъ украшеніяхъ, то вѣроятно бы все это неминуемо появилось на рукахъ, шеяхъ, въ ухахъ и на головѣ ихъ женъ.

Ученіе чувашскихъ дѣтей и распространеніе грамотности идетъ довольно туго и къ народу не привилась еще вполне сознательная охота къ обученію дѣтей.

Вообще нельзя сказать, чтобы дѣло обрусенія не шло впередъ много вспомоществуемое новымъ поколѣніемъ, для котораго русскій языкъ тоже самое, что для татарскаго арабскій т. е. щегольство рѣчи. Но ежегодный процентъ приращенія развитія между чувашами идетъ медленнѣе, нежели какъ слѣдовало бы этаго ожидать, судя по успѣхамъ учениковъ. Они не только показали способность къ развитію, но въ будущемъ обѣщаютъ гораздо больше, выказывая хорошія призванія къ той или другой отрасли дѣятельности. Такъ появились священники изъ чувашъ, болѣе значительные торговцы, писаря, сельскіе учителя и всѣ они ни въ чемъ не уступаютъ русскимъ напротивъ того, какъ только они успѣли страхнуть съ себя вѣковой мохъ угнетенія, дикости и затворничества, во многихъ случаяхъ чуваша выказывались очень способными и не менѣе смѣтливыми, чѣмъ русскій крестьянинъ. Между ними появился даже писатель Михайловъ на русскомъ языкѣ, который помѣщалъ въ казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ рядъ интересныхъ статей о своихъ собратіяхъ и удостоился даже быть членомъ сотрудникомъ Императорскаго русскаго географическаго общества.

Чуваши рѣдко ссорятся между собою и далеко не мстительны, но выведенные изъ терпѣнія похожи на звѣря, который рвется и мечется во всѣ стороны, не зная какъ и чѣмъ причинить наибольшій вредъ обидѣвшему. Въ прежнее время ихъ мщеніе заключалось въ томъ, что они вѣшали на дворѣ обидѣвшаго. Тогда пріѣзжалъ судъ, начиналось слѣдствіе и несомнѣяемыя притѣсненія не только хозяину

того дома, гдѣ совершилось преступленіе, но и цѣлой деревнѣ. Такое несчастье называлось у нихъ сухою бѣдою.

Какъ не прихотливы ихъ желанія на земномъ поприщѣ, такъ одинаково они просты для посмертной жизни. По понятіямъ чувашъ, добродѣтельные люди будутъ наслаждаться счастьемъ въ будущей жизни въ свѣтлой и удобренной странѣ. У нихъ будутъ красивые дома, хорошій скотъ, много товаровъ, столько же хлѣба, богатая одежда и вдоволь пива и меда. Ихъ ожидаетъ вѣчная жизнь, постоянное довольство, веселье и всякія наслажденія.

Напротивъ того, недобродѣтельнаго человѣка ожидаетъ полнѣйшій физическій и душевный недостатокъ. Ему предстоитъ жить въ аду, въ котлообразной безднѣ, среди постоянныхъ мученій, которыя уже начинаются по пути слѣдованія въ эту бездну.

Выборъ невѣсты въ полной мѣрѣ зависитъ отъ жениховъ, но не отъ ихъ родителей. Изъ нихъ болѣе осторожные и благоразумные не ограничиваются тѣмъ, что увидятъ только дѣвушку; нѣтъ многіе изъ нихъ желаютъ знать ихъ образъ мыслей, ихъ способность хозяйничать и поэтому уговариваютъ своихъ односельскъ, пригласить дѣвушку къ себѣ на гулянье,

ЧУВАШКИ.

напримѣръ въ семикъ. Дѣвушку заманиваютъ, угощаютъ на счетъ жениха пряностями, въ то время, какъ онъ ее высматриваетъ и вслушивается въ ея разговоръ. По отъѣздѣ ея, женихъ обязанъ угостить тѣхъ односельскъ, которыя сдѣлали ему такое одолженіе. Другіе же, увидѣвъ дѣвушку, отправляются въ ея деревню, какъ бы покупать хлѣбъ, либо другой товаръ для отца или брата и во время своего разговора, высматриваютъ дѣвушку, которая въ это время подаетъ пиво и прислуживаетъ при закускѣ. Наконецъ есть рѣдкіе случаи, что прибѣгаютъ къ свахамъ или сватамъ. Убѣдившись, что дѣвушка соотвѣтствуетъ требованіямъ, начинается сватанье и вскорѣ послѣ того бываетъ и свадьба, обыкновенно въ періодъ отъ Петрова до Ильина дня, т. е. во время хлѣбнаго цвѣта, когда у чувашенина считается за грѣхъ, заниматься какою либо работою, за исключеніемъ драть лыки. Невѣсты по большей части выбираютъ изъ другихъ деревень по той причинѣ, что чуваша, селясь по семействамъ и родоначальникамъ, всё между собою въ родствѣ, но тамъ, гдѣ это родство уже очень отдалилось, гдѣ деревня считается выше 100 дворовъ, тамъ случается, что чуваша берутъ себѣ въ жены изъ той

же деревни, что бывает однакожь рѣже, такъ какъ этимъ нарушается свадебный обрядъ, т. е. длинныя поѣзды изъ деревни въ деревню.

Обрядная сторона брака состоитъ изъ множества обычаевъ какъ чисто чувашскихъ, такъ и заимствованныхъ у русскихъ и другихъ сосѣдей.

Черезъ недѣлю, три недѣли и полгода, молодые посѣщаютъ родителей и родственниковъ молодой. Каждый разъ поѣздъ увеличиваетъ числомъ сопутствующихъ лицъ. Посѣщенія эти сопровождаются непрерывнымъ угощеніемъ, причемъ пиво и вино играютъ самую важную роль. Въ третій разъ тесть даритъ своей дочери лошадь, корову, улья или что иное и затѣмъ самъ ѣдетъ въ гости къ молодымъ гдѣ продолжаютъ угощенія до 3 и болѣе дней. По истеченіи мѣсяца послѣ свадьбы, молодая надѣваетъ сарпанъ, родъ тонкаго полотнца, вышитаго по краямъ и концамъ, которымъ чувашскія женщины накрываютъ свою голову повседневно.

Согласно прежнимъ извѣстіямъ чуваша язычники имѣли по нѣскольку женъ; кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ жена чувашей цѣнится по ея работѣ, то случалось прежде, что лѣнливыхъ мужъ выгонялъ изъ своего дома, какъ ненужную вещь, не заботясь ни сколько о ея существованіи. За тѣмъ въ силу того же начала, чтобы имѣть работающую помощницу, чуваша женились вслѣдъ за тѣмъ на другихъ; со времени же сближенія съ татарами, принявъ отъ нихъ многое наружное, они могли также найти удобнымъ и непротивузаконнымъ имѣть нѣсколько женъ, нѣсколько работницъ. Теперь это можетъ быть, какъ рѣдкое исключеніе, у некрещенныхъ.

Разрѣшеніе женщинъ отъ бремени необыкновенно легко, что происходитъ какъ отъ хорошаго ихъ тѣлосложенія, такъ и отъ непрерывнаго движенія и работы среди семейныхъ и хозяйственныхъ нуждъ. По рожденіи ребенка у некрещенныхъ чувашъ, болѣе зажиточныхъ, не медля посылаютъ за іомсею, родъ знахаря, который, умывъ ребенка,

въ корытцѣ, разбиваетъ надъ головою новорожденнаго два яйца, потомъ отрываетъ пѣтуху голову и все выбрасываетъ за ворота, въ знакъ изгнанія шайтана. Далѣе дѣлаются какія то заклинанія надъ водою, чтобы предсказать судьбу ребенка и потомъ іомсею даетъ ему имя. Послѣ сего передается ребенокъ бабкѣ. Другая женщина, какъ бы крестная мать, принимаетъ его, надѣваетъ на него рубашку и отдаетъ матери.

Одѣваютъ, содержатъ и воспитываютъ дѣтей слѣдующимъ образомъ: дитя завертывается въ тряпки, подсыпанныя мелко истолченою древесною гнилушкою. Потомъ укладываютъ его въ лубки, дабы руки и ноги были прямы и завязываютъ, оставляя лицо открытымъ.

Мать питаетъ младенца грудью; соски или рожки вовсе неупотребляются. По истеченіи 4 или 5 мѣсяцевъ, перестаютъ пеленать, одѣвая ребенка въ рубашенку съ краснымъ воротникомъ и начинаютъ давать въ пищу пережованный хлѣбъ съ яйцами и молокомъ пока ребенокъ не начнетъ ходить. Во время занятій матери, она опоясываетъ ребенка веревкою, конецъ которой привязываетъ къ кресту такъ, чтобы ребенокъ имѣлъ возможность ползать кругомъ себя, не трогая тѣхъ предметовъ, которые могутъ ему причинить вредъ. Какъ только прорѣжутся зубы, его сажаютъ за общій столъ и кормятъ яшкюю. Въ остальное время онъ ѣстъ довольно крѣпкій сыръ, приготовленный изъ творогу. Кафтаны суконные и лапти дѣти надеваютъ, когда начинаютъ бѣгать. Дѣвочки, кромѣ кафтановъ носятъ балахоны. Дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ помогаютъ матери прясть. Этотъ же возрастъ, во время лѣтнихъ работъ, остается дома, смотрѣть за птицею и кормить ее, загонять своть и помогать старикамъ. Отъ 10 лѣтъ мальчики начинаютъ боронить, плести лапти и стеречь табуны. Въ 14 и 15 лѣтъ выѣзжаютъ пахать, ѣздятъ зимою за дровами, привыкаютъ къ домашнему мастерству и справляютъ по силамъ всякую работу. Въ 18 лѣтъ ихъ считаютъ уже взрослыми. Дѣ-

вушки 12 лѣтъ помогаютъ матери вышивать, а въ 15 годамъ уже ткутъ, моютъ бѣлье и готовятъ пищу.

Дочерей выдаютъ за мужъ очень поздно, иногда 30 лѣтъ, тогда какъ мужу едва минуло 20 лѣтъ. Дѣлается это для того, чтобы имѣть жену крѣпкую, здоровую и работающую.

По смерти чувашина одна изъ родственницъ разбиваетъ надъ его головою два яйца, а старшій изъ родственниковъ отрываетъ голову пѣтуху и все это бросается за ворота злымъ духамъ, которыхъ просятъ не препятствовать покойнику перейти мирно на тотъ свѣтъ.

Чувашскіе похороны сопровождаются слѣдующими обрядами. Умершій немедленно выносится на дворъ и омывается; зимою это дѣлается въ избѣ. За тѣмъ его одѣваютъ въ лучшее платье и кладутъ въ гробъ въ шапѣ и въ рукавицахъ; за щеки кладутъ табакъ и деньги, а уши, ноздри, ротъ затыкаютъ шелкомъ, для того, чтобы при допросѣ на томъ свѣтѣ, ему можно было отвѣчать: «ничего не слыхаль, ничего не видалъ». Прежде хоронили ихъ на другой же день что впрочемъ и теперь также нерѣдко дѣлается, по тѣснотѣ избѣ. Такъ какъ чуваша вѣрятъ въ продолженіе жизни на небесахъ, при тѣхъ же потребностяхъ, какъ на землѣ, то, до прихода священника они кладутъ подъ покойника въ гробъ, на обозаведеніе на томъ свѣтѣ, все то, чѣмъ онъ занимался при жизни. Мужчина получаетъ съ собою тавлинку и табакъ, нѣсколько вина, пива; если былъ плотникъ то топоръ, если пузырщикъ—то пузырь и другія принадлежности, а также и деньги, иногда значительныя суммы. Женщинамъ кладутъ иглы, нитки, ленъ, холстъ и проч. Ихъ также одѣваютъ въ парадное платье съ шапкою на головѣ и въ рукавицахъ. Если умершій былъ очень безобразенъ при жизни, чего чуваша боятся, то гробъ крѣпко закрывается, иногда желѣзными обручами. Бывали случаи что покойниковъ прибивали подъ сердцемъ, а также ноги гвоздями къ гробу, полагая лишить его возможности вставать и пугать людей. При выносѣ покойника изъ избы, ему выдаютъ вслѣдъ зажжен-

ное тряпье или обливаютъ раскаленный камень водою, выражая этимъ желаніе, чтобы онъ одинаково быстро перешелъ на тотъ свѣтъ, какъ улетучивается дымъ.

Покойника иногда не везутъ на телѣгѣ, не несутъ на рукахъ, но даже и лѣтомъ, тащутъ на саяхъ и съ колокольчиками на кладбище. Тамъ вырываютъ яму, ставятъ два кола у изголовья и въ ногахъ и на нихъ свѣчи. Направленіе могилы отъ запада къ востоку. Затѣмъ родственники начинаютъ прощаться съ покойникомъ, прося поклониться всѣмъ роднымъ, его опередившимъ, послѣ чего зарываютъ могилу. По окончаніи сего присутствующіе ѣдятъ и пьютъ пиво, бросая кусочки и отливая пиво на могилу. За тѣмъ начинаются поминки, кончающіяся всегда общимъ опьяненіемъ. Платье покойника относится въ амбаръ и хранится тамъ на случай, еслибъ оно ему понадобилось при возвращеніи домой. По окончаніи всѣхъ обрядовъ, чуваша моются, переодеваются, признавая свое платье нечистымъ отъ прикосновенія къ покойнику и наконецъ снова угощаются.

Всѣ эти похоронные обряды, сохранились у чувашей, не смотря на введеніе христіанства.

Историческій очеркъ и народный характеръ.

Киргизы—это въ высшей степени любопытный и довольно многочисленный народъ, до сихъ поръ удержавшій патриархальный пастушескій бытъ кочевниковъ и сохранившій, почти въ первобытной чистотѣ, типическія черты «степняковъ - хищниковъ», или, по выраженію нашего простаго народа, «азіятовъ», игравшихъ такую важную роль въ судьбахъ древней Руси и имѣвшихъ безспорное вліяніе на складъ общественной и семейной жизни русскаго народа. Въ этомъ отношеніи, бытъ и нравы кочевниковъ - киргизовъ представляютъ для русскаго глубокій интересъ, помимо того политическаго значенія, какое получило для Россіи въ послѣднее время вообще все населеніе средней Азіи.

Киргизы кочуютъ, со своими кибитками и стадами, по безпредѣльнымъ степямъ Средней Азіи, простирающимся отъ р. Урала и Каспійскаго моря до горъ Алтайскихъ, Алатау, и Тянь - Шаньскихъ или Небесныхъ, и отъ южныхъ границъ Западной Сибири до независимыхъ ханствъ, лежащихъ по теченію рѣкъ Сыръ-Дарья и Аму-

Дарья. Киргизскія степи занимаютъ болѣе 40,000 квадратныхъ миль т. е. вчетверо превосходятъ пространство Франціи. Къ нимъ нужно еще прибавить обширныя астраханскія степи, лежащія между Волгой и Каспійскимъ моремъ, гдѣ обитаетъ Внутренняя или Букеевская орда киргизовъ, водворившихся здѣсь въ 1772 году и выслившихся изъ сибирскихъ степей вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и раздоровъ съ сосѣдными киргизскими племенами.

Всего киргизовъ насчитывается до 2,000,000 душъ.

Происхожденіе этого народа довольно темно. Едва ли можно производить киргизовъ отъ какого-либо одного народа или племени, не только въ политическомъ, но даже и въ этнографическомъ отношеніи. Смуты и войны могли разбрасывать въ обширныя равнины Средней Азіи разноплеменныхъ, бездомныхъ скитальцевъ, бродившихъ съ своими стадами по глухимъ тущомамъ азіатскихъ горъ, не подчиняясь никому и цѣлыя вѣка не складываясь въ государство. Названіе киргизовъ лучше всего намекаетъ на первоначальное происхожденіе ихъ.

Имя «киргизъ» производятъ отъ соединенія двухъ словъ: *киръ* — степной и *изъ* — человекъ (степной человекъ). Но это названіе принадлежитъ собственно небольшому племени киргизовъ, кочующему въ Небесныхъ горахъ, въ долинѣ р. Чу, такъ называемымъ «бурутамъ» или дикокаменнымъ киргизамъ. Частые набѣги этого отважнаго племени на сибирскую пограничную линію дали поводъ русскимъ ошибочно распространить названіе киргизовъ на всѣхъ кочевниковъ средне-азиатскихъ степей. Между тѣмъ большинство киргизовъ до сихъ поръ называетъ сами себя словомъ «казагъ», что значитъ на монгольскомъ языкѣ: бродяга, свободный скиталецъ. Это имя искони принадлежало всѣмъ киргизамъ и, со временемъ, перешло и на русскій бездомный и бродячій людъ. Не только киргизы сами себя называютъ казаками, но и сосѣдніе съ ними народы, какъ напримѣръ—китайцы, бухарцы и другіе называютъ ихъ также сло-

вами: хасагъ, кайсагъ и т. под., откуда и произошло болѣе вѣрное названіе киргизовъ — «киргизъ-кайсаки».

Въ началѣ XIII столѣтія изъ-за горъ Алатау показались несмѣтныя монгольскія орды подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, разрушавшія все на своемъ пути и наводнившія вскорѣ всю арало-каспійскую низменность. Здѣсь монгольскій элементъ почти совершенно поглотилъ мѣстныхъ жителей. Однакоже, казаки, слившись съ монголами, не образовали изъ себя цѣльнаго новаго *народа*, а остались, по прежнему, разрозненными, независимыми племенами, сохраняя свой прежній бытъ и свои привычки. Этому много способствовалъ обычай монголовъ — не нарушать независимости покоренныхъ ими народовъ. Они дали только каждому киргизскому роду своего правителя, особое названіе и знакъ (тамгу), для отличія отъ другихъ родовъ.

Русскія лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о киргизахъ въ 1537 году.

Петръ Великій первый обратилъ вниманіе на этотъ народъ. Онъ называлъ казацкую орду «*ключемъ и вратами ко востокъ азіатскимъ странамъ и землямъ*» и считалъ присоединеніе киргизовъ къ Россіи необходимымъ для утвержденія нашего вліянія и торговли въ Средней Азій, а чрезъ нее и въ Индіи. Съ этою цѣлью, Петръ Великій далъ порученіе бывшему въ персидскомъ походѣ старшему переводчику, изслѣдовавшему пути въ Индію, Тевкелеву, стараться, «*не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона*», присоединить киргизовъ къ русскому подданству. Но за смертію Петра Великаго, виды и намѣренія его въ этомъ отношеніи оставались забытыми до 1730 года, когда одинъ изъ хановъ киргизскихъ, тѣснимый соседними джунгарами, калмыками, и особенно башкирами, просилъ защиты Россіи, отдаваясь въ ея подданство. Послѣ переговоровъ, веденныхъ по этому поводу тѣмъ же Тевкелевымъ, значительная часть «казаковъ» признала свою зависимость отъ Россіи.

Съ того времени, многочисленныя киргизскія роды, побуждаемыя внутренними смутами и раздорами, одинъ за другимъ, переходили въ русское подданство. Но вражда между ними, бунты и даже набѣги ихъ на русскія пограничныя линіи не прекращались до послѣдняго времени, чему въ особенности много способствовало враждебное Россіи вліяніе Хивы и другихъ независимыхъ среднеазіатскихъ ханствъ, гдѣ бунтовщики-киргизы всегда находили убѣжище и радушный пріемъ. Хивинскіе муллы проникали съ торговыми караванами въ киргизскія степи и возбуждали кочевое населеніе во имя религіи и пророка противъ русскихъ. Эти муллы и хаджи распространили въ XVII столѣтіи мусульманство между всѣми киргизскими племенами. Впрочемъ, утвержденію исламизма въ киргизскихъ степяхъ не мало способствовало и само русское правительство, издавая, въ теченіи XVIII столѣтія, указы о постройкѣ мечетей въ киргизскихъ степяхъ и поставляя при нихъ указныхъ муллъ. Дѣлалось это конечно, съ благой цѣлью — содѣйствовать распространенію между киргизами мирной, осѣдлой жизни; но результаты оказывались при этомъ противоположнаго свойства....

Киргизы раздѣляются на множество племенъ. Главнымъ образомъ они дѣлятся на три орды, изъ которыхъ каждая ведетъ свой родъ отъ особаго родоначальника — одного изъ трехъ сыновей монгольскаго правителя Алачъ-хана. На востокъ киргизскихъ степей, у сибирско-китайской границы кочуетъ такъ называемая Большая орда (Улу — юзъ); между Ураломъ и Аральскимъ моремъ обитаетъ Малая орда (Качи — юзъ), которая, въ сущности, есть самая большая. Между Малой и Большой ордой находится Средняя орда (Урта — юзъ). Отъ этихъ трехъ киргизскихъ родовъ, называющихъ себя общимъ именемъ — «казаки», значительно разнятся собственно киргизское племя, кочующее со своими стадами въ Тяньшаньскихъ горахъ и известное подъ названіемъ «кара-киргизовъ» (черныхъ киргизовъ), «бурутовъ» или дикокаменныхъ киргизовъ (по мѣсту жительства),

Внутренняя или Букеевская орда причисляется къ Малой ордѣ и также носить названіе «казаковъ».

Языкъ киргизовъ представляетъ нарѣчіе тюркотатарскаго языка но съ значительной примѣсью монгольскаго элемента.

У киргизовъ довольно сильно развито чувство любви къ своему родному языку и, вообще, къ своей національности и исторіи. Киргизъ, даже хорошо знающій русскій языкъ, не будетъ говорить на судѣ по русски, а объясняется съ судьями непременно чрезъ переводчика.

Въ физическомъ отношеніи киргизовъ характеризуютъ: короткое тѣло, широкое, плоское лицо, сильно выдавшіяся скулы, узкіе черные глаза, приплюснутый носъ, выдвинутый впередъ ротъ и короткая, рѣдкая бородка клиномъ. Волосы на головѣ брѣютъ, и на верхней губѣ выдергиваютъ особыми щипчиками, или подбриваютъ. Кожа самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, начиная отъ смугложелтаго до чернаго цвѣта угля. Ноги у всѣхъ киргизовъ кривыя, какъ говорится, *колесомъ*; походка медленная, развалистая; вообще, по недостатку навыка, они неспособны къ пѣшей ходьбѣ.

За то киргизы неутомимы на сѣдлѣ и могутъ, безъ видимыхъ признаковъ усталости, скакать полъ-сутокъ и болѣе на перемѣнныхъ лошадяхъ. Киргизъ привыкаетъ къ верховой ѣздѣ съ самаго раннаго дѣтства. Онъ какъ-будто приростаётъ къ сѣдлу и разстается съ нимъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, входитъ въ палатку или сидитъ въ ней. Въ юрты онъ постоянно на сѣдлѣ. Нужно ли ему загнать отбившуюся отъ стада корову или овцу, побывать у сосѣда, или поговорить съ прохожимъ, — киргизъ выполняетъ все это, сидя въ сѣдлѣ. Онъ ѣдетъ верхомъ на лошади за 100—200 верстъ только для того, чтобы попить съ пріятелемъ кумыса. Ноги, кажется, совершенно излишнее для нихъ орудіе. Лошадь составляетъ какъ-бы часть ихъ организма. У киргизовъ и

пляски никакой не существуетъ, хотя до музыки и пѣнія они большіе охотники.

Въ мѣстности, гдѣ расположенъ киргизскій аулъ, вездѣ, на всемъ пространствѣ горизонта, вы увидите этихъ забавныхъ центавровъ, скачущихъ или мѣрно двигающихся впередъ и назадъ, высоко сидящихъ на спинахъ коренастыхъ лошадей. Подъѣхавъ ближе, различишь уродливую мѣховую шапку, коротко подобранныя въ стременахъ ноги и толстую, длинную нагайку, трясущуюся въ полусогнутыхъ рукахъ всадника съ монгольскимъ типомъ лица.... Удивительно тонкій слухъ и необыкновенная зоркость глазъ — отличительная черта киргиза. Онъ ясно видитъ и слышитъ на громадныхъ расстояніяхъ. Память у него превосходная! Малѣйшій знакъ на горизонтѣ, чуть замѣтная горка, ручей, камень, дерево, слѣдъ, — у него отпечатлѣвается въ головѣ какъ на географической картѣ. Онъ ѣдетъ по степи за сотни верстъ всегда кратчайшимъ путемъ, не боясь заблудиться.

Физическія страданія они переносятъ съ непонятнымъ, дикимъ стоицизмомъ, и на ихъ бронзовыхъ, огрубѣлыхъ лицахъ едва разберешь впечатлѣнія отъ 30-ти градусовъ мороза или отъ 30 градусной жары. Голодъ и жажду они выдерживаютъ долго, терпѣливо, безъ малѣйшихъ жалобъ, не выражая ничѣмъ своихъ мученій; но за то, дорвавшись до пищи, они ѣдятъ невѣроятно много, заѣдая кусками мяса такіе же куски жира и обратно.

Умъ у киргиза хитрый и лукавый; любопытства — не оберешься. Новости — страсть степнаго номада. Лѣтомъ ему нечего дѣлать и онъ ѣдетъ въ степь или, лучше сказать, гуляетъ по степи. На горизонтѣ чуть замѣтно обрисуется фигура всадника.... Киргизъ посмотритъ туда съвозъ свои, косо-профѣзанные, но невѣроятно зоркіе глаза, и если его неудовлетворитъ эта рекогносцировка, онъ поскачетъ по направленію къ всаднику.. «На хабаръ?» — что новаго? спроситъ онъ у него, сдѣлавъ для того карьеромъ нѣсколько верстъ. Но онъ ѣхаль не даромъ: встрѣченный киргизъ — такой же празд-

ный кочевникъ, какъ и его любопытный товарищъ—разкажетъ все, что видѣлъ особеннаго, и все, что слышалъ новаго. Узнавъ другъ у друга всѣ новости, киргизы скачутъ въ сосѣдніе аулы, съ безкорыстной цѣлью—разказать все слышанное. Не пройдетъ и дня, какъ во всѣхъ сосѣднихъ аулахъ узнаютъ, что въ нѣсколькихъ десяткахъ или стахъ верстахъ оттуда проѣхало столько-то всадниковъ о дву-конь; узнаютъ съ фотографической точностью костюмъ всадниковъ, отличительные ихъ признаки; узнаютъ, что у рыжей кобылы разсѣчено ухо, а у другой лошади—бѣлая отмѣтина на правой ногѣ; узнаютъ тамъ же, изъ самаго достовѣрнаго источника, что проѣхавшіе всадники смотрѣли какъ-то странно, что это агенты хивинскаго хана, и что старый *Джеримъ-надшахъ**)—«поль государя» боленъ, очень боленъ, теперь умираетъ, и чтобы не было какой бѣды отъ хановъ, имъ смиренныхъ... Подобно всѣмъ жителямъ далекаго востока, киргизы страстно любятъ болтать о политикѣ. Они, пожалуй, убьютъ на это цѣлый день, разнообразя лишь изрѣдка главную тему какимъ-нибудь дѣтскимъ рассказцемъ или простодушными сплетнями про своихъ султановъ и биевъ. Принимая гостя у себя въ куртѣ, киргизъ усаживаетъ его у чувала и начинаетъ разспрашивать само-малѣйшія подробности: кто онъ, откуда и куда ѣдетъ, зачѣмъ, какая у него есть родня, что стоитъ лошадь, одежда, сбруя, оружіе, что слышалъ, кого встрѣтилъ? и т. д. и т. д., Войкая рѣчь киргиза готова длится два—три часа сряду. Слушать гостя сбѣгается иногда весь аулъ, и чѣмъ больше гость краснорѣчивъ, тѣмъ слушатели приходятъ въ большій восторгъ.

Вообще говоря, это народъ добрый, наивный и, въ тоже время, плутоватый, смѣлый—съ азіатами и проникнутый благоговѣйнымъ страхомъ къ русскимъ. Увидавъ русскаго, киргизъ становится пасмуренъ и неразговорчивъ, но, познакомившись съ нимъ поближе,

*) Такъ называютъ киргизъ генерала Кауфмана.

онъ часто дѣлается его завадычнымъ пріятелемъ. Всѣхъ, кто изучалъ жизнь киргизовъ, вѣроятно, поражали ихъ превосходныя семейныя качества. Едва ли ктонибудь видѣлъ, чтобы киргизъ билъ свою жену или дѣтей. Особенно они нѣжны къ дѣтямъ. Поэтому столь прославленная склонность киргизовъ къ убійству и хищничеству едва-ли составляетъ ихъ врожденное качество: это, скорѣе случайный порокъ, обусловленный ихъ прежнимъ кочевымъ бытомъ. Но, какъ всѣ неразвитые народы, киргизы вспыльчивы; ссоры и драки между мужчинами повторяются очень часто, такъ что трудно встрѣтить хотя одного человѣка безъ знаковъ на лицѣ или головѣ полученныхъ въ какой-нибудь стычкѣ.

Самая ужасная и господствующая изъ страстей киргизовъ—это мщеніе. Между ними никакая обида не можетъ быть заглажена иначе, какъ равною или большею обидою. Если обиженный умеръ, то право мщенія переходитъ къ сыну его и ближайшимъ родственникамъ, и пока родъ обиженнаго не истребится, обидчикъ не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности. Но и это, очевидно, есть легко-искоренимый порокъ—наслѣдство прежняго степнаго самосуда, порокъ, постепенно обращающійся теперь, со введеніемъ въ степи болѣе правильнаго суда, въ забавное сутяжничество.

Киргизы несомнѣнно храбры, только по своему, по степному. Они нападаютъ всегда неожиданно, врасплохъ, и при этомъ натискъ ихъ бываетъ стремителенъ: они несутся въ атаку съ гикомъ, воплемъ, дикими восклицаніями, и вдругъ вся эта буря, налетѣвъ на каре, при первомъ залпѣ разсыпается дождемъ во всѣ стороны, и если имъ не удалось овладѣть добычей съ перваго натиска, они уже не прибѣгаютъ къ новымъ попыткамъ.

Одну изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ киргизскихъ нравовъ составляетъ гостепрѣимство. Кто бы ни пріѣхалъ къ киргизу, по дѣлу-ли, или просто шатаясь праздно изъ аула въ аулъ, можетъ всегда рассчитывать найти у него самый радушный пріемъ. Всякій,

БАШКИРЫ.

КИРГИЗЫ.

ищущій гостепрiимства, называетъ себя «джолаучи» (проѣзжающій) и имѣетъ право войти во всякую юрту. Слѣзая съ лошади и удерживая поводъ въ рукѣ, «джолаучи» садится сперва на землю, подлѣ двери юрты. Хозяинъ обязанъ выйти и попросить его въ себѣ въ кибитку. Если джолаучи пріѣхалъ ночью, то хозяйка обязана встать, развести огонь и накормить пріѣзжаго. Богатый киргизъ ставитъ нарочно для гостей отдѣльную кибитку и держитъ при ней особую прислугу. Принявъ гостя у себя въ юртѣ и предложивъ ему самое почетное мѣсто за чуваломъ, подлѣ сундуковъ, обвѣшанныхъ коврами или росписными кошмами, киргизъ усердно принимается угощать его. Онъ накладываетъ на ладонь своей лѣвой руки, до окончности четырехъ пальцевъ, вучку *бимъ-бармаку*, кусочковъ говядины съ саломъ, и пятымъ пальцемъ искусно вдвигаетъ ихъ въ разинутый ротъ гостя. Это знакъ особенной почести, какой удостоивается только почетный гость, отличаемый, обыкновенно, по внѣшнему виду, т. е. по платью. Гость, съ своей стороны, долженъ отплатить хозяину и всѣмъ присутствующимъ такую же любезностью и, въ знакъ особенной вѣжливости, посылаетъ иногда нѣсколько кусочковъ говядины женѣ киргиза, сидящей поодаль, за сундуками и мѣшками съ имуществомъ. Послѣ этого хозяинъ подаетъ гостю ковшь съ кумысомъ; гость прихлебываетъ изъ него и передаетъ остатки хозяину—это тоже знакъ благовоспитанности со стороны гостя. Разспрашивать «джолаучи» о новостяхъ можно только накормивъ его; поэтому проѣзжій, насытившись, складываетъ руки и принимаетъ спокойную позу, показывая этимъ, что онъ сытъ и готовъ сообщить все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Киргизъ скорѣе самъ подвергнется опасности, нежели допустить ее до своихъ *кунаковъ* (гостей), кто-бы они ни были. Подъ защитою этого гостепрiимства, наши промышленники могли и въ прежнее время вести торговля дѣла даже внутри степей. Сами киргизы, считывая на гостепрiимство соплеменниковъ, отправляются въ са-

мую дальнюю дорогу безъ всякихъ запасовъ для себя и для лошади. Въ этомъ случаѣ они гарантированы строгимъ судомъ бiа за всякое нарушение правилъ гостепрiимства.

Киргизы вообще понятливы и воспрiимчивы. При первомъ удобномъ случаѣ они скоро выучиваются русскому языку. Но наслѣдіе отцовъ и дѣдовъ—пастушескій бытъ—составляетъ почти непреодолимое препятствіе къ переходу ихъ къ осѣдлой, гражданской жизни.

Жизнь киргизовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, обуславливалась средствами ихъ существованія—скотомъ. Скотъ давалъ и даетъ имъ все: пищу, одежду, матеріалъ для жилища и деньги. Понятно, слѣдовательно, что киргизъ привыкъ цѣнить свой скотъ наравнѣ съ жизнью, и что даже и мѣрою служить ему тотъ же скотъ (въ торговлѣ единицею цѣнности служить у нихъ баранъ, соотвѣтствующій одному рублю). «Малъ джанъ аманлы?» *какъ состояніе скота и души?* обращаетъ киргизъ обычное привѣтствіе знакомому и незнакомому, азіату и европейцу. И замѣчательно, скотъ у него поставленъ ранѣе души. Только получивъ удовлетворительный отвѣтъ на вышеприведенный вопросъ, вопрошающій еще разъ спрашиваетъ: «бала аманъ ба?» *здорово-ли семейство?* Встрѣчаясь на дорогѣ, киргизы привѣтствуютъ другъ друга: «ать лау аманъ-ба?» *хорошо-ли провожаешь лошади?..* Скотъ вездѣ у нихъ на первомъ планѣ. Чье-либо богатство киргизъ опредѣляетъ числомъ лошадей или овецъ. «Большой человекъ, хорошій человекъ, много имѣетъ денегъ—тысяча лошадей будетъ!» говоритъ киргизъ про своего знатнаго родовича, ударяя сильно на *а* тамъ, гдѣ мы ставимъ *о*. Почему покупалъ *бязъ* (бумажная матерія) въ нынѣшнемъ году? спросите вы у киргиза. — «За барана давалъ зимою вунецъ штука (т. е. бязи)».

Понятно, что киргизъ, обязанный многимъ въ своемъ существованіи скоту, и дорожащій имъ выше всего, подчиняетъ всѣ условія своей жизни соображеніямъ о прокормленіи и размноженіи своихъ

стадь. Потребность находить для нихъ кормъ заставляетъ киргиза *кочевать*.

По самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ оказывается, что для такого огромнаго количества скота, какое необходимо киргизамъ въ ихъ быту, не нашлось-бы подходящихъ пастбищъ и не хватило-бы ни чьихъ рукъ для заготовленія сѣна, чтобы продержать весь этотъ скотъ на готовомъ корму цѣлый годъ, или даже одну только зиму! Каждый мало-мальски зажиточный киргизъ, живущій только «безъ нужды», держитъ нѣсколько сотенъ головъ крупнаго и мелкаго скота, а самые богатые считаютъ свой скотъ не головами, а *стадами*, *косяками* и *табунами*! Понятно, что такія стада въ состояніи вытравить въ нѣсколько дней самое тучное и обширное пастбище, а удержать ихъ на болѣе или менѣе долгое время на одномъ мѣстѣ — значитъ обречь ихъ на вѣрный голодъ и вымирание. Если-же присоединить къ этому многочисленность киргизскихъ семействъ, то будетъ совершенно понятно, почему этимъ кочевникамъ необходимо приволье, обширныя, пространныя степи.

Что-же касается до природы той мѣстности, которую занимаетъ изстари киргизское племя, то характеръ ея тоже неминуемо приводитъ скотовода къ кочевому образу жизни.

За недавно упраздненной, сибирско-оренбургскою пограничною линіею, «широко пораскинулась» настоящая, безграничная, киргизская степь. Ровно, непривѣтливо, однообразно идетъ она къ югу, на многія сотни верстъ, лишенная, лѣтомъ, отъ палящихъ 40-градусныхъ жаровъ, почти всякой растительности, и окованная, въ продолженіи долгой зимы, 30-градусными морозами.

Изрѣдка только встрѣтится въ степи такой ручей, въ омутѣхъ котораго вода держится даже лѣтомъ, — и куда какъ ярка покажется зелень воеругъ его, по сравненію съ бурой, высохшею травю степи. Только тутъ и можно встрѣтить людей и животныхъ. Здѣсь мѣстность оглашается криками и говоромъ, а за предѣлами

ея, гдѣ солнце жгло и убило растенія, лежитъ пустыня, тихая, безмолвная, едва обитаемая низшими животными. Въ центральныхъ-же частяхъ степи вся почва состоитъ изъ песку или красной глины, пропитанной солюю.

Только на востокѣ и юго-востокѣ киргизская степь упирается въ высокіе горные хребты: Тарабагатайскій и Алатау, увѣнчанные вѣчными снѣгами и изрѣзанные роскошнѣйшими долинами и селонами. Понятно, что киргизы, кочующіе близъ этихъ горъ, высоко цѣнятъ горныя долины, какъ отличныя мѣста для кочевовъ. Но и этихъ роскошнѣйшихъ пастбищъ слишкомъ мало для громадныхъ стадъ киргизскаго народа, да и мѣста эти, по высотѣ ихъ положенія, далеко не всегда бывають доступны для кочевовъ, такъ какъ глубокіе снѣга и страшные морозы царствуютъ здѣсь въ продолженіи всей зимы.

Вышеупомянутая измѣнчивость и непостоянство степной природы и разбросанность на огромныхъ разстояніяхъ удобныхъ для пастбищъ мѣстъ, невольно заставляють киргиза-скотовода, даже владѣющаго незначительнымъ количествомъ скота, переходить съ нимъ въ теченіи года съ мѣста на мѣсто.

Но не нужно думать, чтобы кочевникъ-киргизъ вполне и слѣпо подчинялся окружающей его природѣ. Напротивъ, онъ пользуется ею по извѣстному, обдуманному плану, съ глубокимъ и вѣрнымъ расчетомъ, по выработанной многими поколѣніями системѣ. «Дерево стоитъ на одномъ мѣстѣ и питается тѣмъ, что вокругъ его находится, а вольная птица летитъ туда, гдѣ ей лучше», говоритъ киргизская пословица.

Прежде всего киргизу необходимо для его многочисленныхъ стадъ выбрать «зимовку» — *кзеу*. Выборъ зимовки требуетъ большаго знанія. «Кзеу» должна заключать въ себѣ мѣстность луговую и степную, такъ какъ верблюды и бараны ѣдятъ сухую, пропитанную солюю, солонцеватую траву, а лошади и коровы любятъ чернотравіе; при этомъ, нужно еще наблюдать, чтобы зимовка не могла быть за-

носима слишкомъ глубокимъ снѣгомъ, или покрываема гололедицею, такъ какъ скотъ, въ этомъ случаѣ, не въ состояніи будетъ добывать себѣ подножный кормъ; съ этою цѣлью киргизъ выбираетъ мѣстность покату ю къ сторонѣ господствующихъ вѣтровъ, которые сдували-бы излишній снѣгъ и т. д. Впрочемъ, нужно замѣтить, что скотъ у киргизовъ, подобно имъ самимъ, какъ нельзя болѣе *при-натуренъ* къ степи; дикій пылъ, неустрашимость и невѣроятная выносливость — составляютъ отличительныя качества ихъ лошадей, верблюдовъ, воловъ и барановъ. Пользуясь этимъ, киргизъ иногда ловко обходится съ зимовкою, хотя-бы она и неудовлѣворяла всѣмъ требованіямъ настояще «взеу»; онъ на одно и то-же пастбище пускаетъ сперва лошадей, которые срываютъ верхушку травы; потомъ ходитъ здѣсь рогатый скотъ, который довольствуется серединою растений, затѣмъ тутъ-же пасутся бараны, съѣдающіе остатки травъ.

Какъ только весеннее солнце согонитъ снѣга, киргизъ поднимаетъ свою юрту, «ломаетъ» ее, навьючиваетъ со всѣмъ имуществомъ на верблюдовъ, и, въ сопровожденіи чады и домочадцевъ, начинаетъ *кочевать*, т. е. отыскивать мѣста для корма скота или «лѣтовки». Придя на какое-либо мѣсто, онъ занимаетъ его до тѣхъ поръ, пока окрестная трава не будетъ вытравлена скотомъ. Подвигаясь, такимъ образомъ, впередъ, всегда по дугообразной линіи, для того, чтобы не пришлось послѣ идти по вытравленной дорогѣ, киргизъ къ зимѣ вворачивается другими путями назадъ, къ «зимовкѣ».

Понятно, что величина кривой, описываемой въ кочевкахъ киргизомъ, зависитъ отъ изобилія подножного корма на лѣтовкахъ и отъ многочисленности его стадъ. Богатые киргизы въ теченіи года дѣлаютъ со своими стадами болѣе 2,000 верстъ! Но чѣмъ бѣднѣе киргизъ, тѣмъ круги, описываемые его стадами во время лѣтовокъ будутъ менѣе. Тѣ-же киргизы, которыхъ имущество состоитъ всего изъ нѣсколькихъ головъ скота, такъ называемые *джетаки*, «лежащіе», остаются круглый годъ на мѣстѣ.

Киргизскія семьи никогда не кочуютъ одиноко, а всегда цѣлыми родами. При патриархальномъ складѣ жизни, киргизы помнятъ самое дальнее родство, и считаютъ близкимъ человекомъ каждого, кто, по степной, очень сложной и подробной генеалогіи, происходитъ отъ одного съ ними родоначальника. Родственные узы, сплочивая многолюдные роды въ одно цѣлое, даютъ имъ средства охраняться общими силами противъ грабежей и отгоновъ скота со стороны сосѣдей (баранта). Съ другой стороны, необходимость не группироваться на одномъ мѣстѣ, чтобы не вытравливать кормъ для скота, заставляетъ кочующіе аулы одного и того-же рода раздвигаться настолько широко, насколько это нужно для стадъ. Такимъ образомъ, киргизскій родъ, начавшій кочевать, двигается по степи широкою линіею, которая раздвигается или укорачивается, смотря по обилію подножного корма.

Теперь въ степи установилось неписанное, но признаваемое всѣми кочевниками право извѣстныхъ родовъ на опредѣленные зимовки и на опредѣленное направленіе лѣтнихъ кочеваній. Но въ прежнее время, въ особенности за обладаніе хорошею зимовкою, происходили кровопролитныя стычки между разными родами.

«Зимовки» избираются киргизами преимущественно въ степяхъ. Раннюю весну и позднюю осень, т. е. самое дождливое время года, они проводятъ также въ степи. Лѣтомъ-же они, обыкновенно, стоятъ лагеремъ въ горахъ, и тутъ, во время самыхъ сильныхъ жаровъ, поднимаются иногда до уровня снѣговой линіи.

Кочевой бытъ киргизовъ, какъ и всякій другой патриархальный бытъ, лишенный высшаго государственнаго или общественнаго строя, держится *родовымъ бытомъ*, въ которомъ слабое, неразвитое племя полудикарей находитъ для себя твердую опору и почерпаетъ иногда неистощимую силу и живучесть. Чтобы понять, что такое киргизскій родъ и что значитъ для кочевника *родовая община*, необходимо привести здѣсь нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ ея.

Прежде всего, необходимо замѣтить, что киргизы дѣлятъ себя на два сословія: *акъ-сіюкъ*—«бѣлая кость», и *кара-сіюкъ*—«черная кость». «Бѣлою костью» величаютъ себя султаны и манапы, т. е. начальники киргизскихъ волостей и предводители родовъ, производящіе себя отъ потомковъ великаго завоевателя, Чингисъ-хана. «Черною костью» именуется остальной киргизскій людъ, т. е. чернь, неимѣющая ясныхъ доказательствъ своего прямого происхожденія отъ великаго завоевателя.

У киргизовъ раздѣляются на роды или образуютъ родовыя группы собственно только «бѣлая кость», султаны (у казаковъ) и манапы (у кара-киргизовъ). Народъ-же, «черная кость», только принимаетъ на себя родовое названіе того манапа или султана, подъ покровительствомъ котораго онъ находится или чью власть признаетъ. Случается, что отдѣльныя семейства переходятъ отъ одного манапа въ другому, и въ этомъ случаѣ они мѣняютъ названіе своего рода. Но такіе случаи, нужно замѣтить, бываютъ очень рѣдки, такъ какъ киргизы крѣпко держатся своего рода; даже илѣнные киргизы сохраняютъ названіе своего рода, который часто замѣняетъ для нихъ собственное имя.

Начальникомъ рода (союза дальнихъ родственниковъ) служитъ султанъ или манапъ, званіе котораго получается по праву рожденія.

Прочность родоваго союза основывается прежде всего на общности экономическихъ интересовъ всѣхъ сородичей. Связь между членами одного и того же рода, въ экономическомъ отношеніи, самая тѣсная. У киргизовъ владѣніе землей общинное. Каждый родъ и отдѣлъ имѣютъ свой опредѣленный участокъ; на этомъ пространствѣ каждый изъ родовичей можетъ имѣть свои пашни, лѣтовки и зимовки; но родъ ревниво слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто изъ другаго отдѣла не занималъ ихъ земель. Особенно жаркіе споры бывали у нихъ изъ за-зимовокъ.

Общинный характеръ родоваго союза проявляется также въ селад-

чинахъ сородичей на нѣкоторыя общественныя нужды и увеселенія. Такъ, знаменитыя киргизскія тризны по умершемъ отбываются всегда цѣлымъ родомъ; даже нѣкоторыя изъ свадебныхъ увеселеній справляются на счетъ всего отдѣленія.

Въ частности, родъ служитъ для киргизъ прибѣжищемъ во всѣхъ несчастіяхъ и бѣдахъ. Родъ даетъ ему безопасность отъ враговъ; въ случаѣ обиды кого нибудь изъ родовичей, за него вступается весь родъ (посредствомъ баранты), или же въ лицѣ родоправителя.

Въ случаѣ голода, падежа скота, неурожая и тому подобныхъ несчастій, киргизъ также получаетъ помощь отъ своего рода: ему даютъ нѣсколько барановъ, лошадей, коровъ, или «капъ» (2-3 пуда) хлѣба. То же бываетъ при уплатахъ штрафовъ по рѣшеніямъ биевъ, т. е. судей когда приговоры ихъ оказываются обременительными для отдѣльнаго лица. «Кунъ» или выкупъ за преступленіе, совершенное однимъ родовичемъ, всегда выплачивается цѣлымъ родомъ. Если убійство совершить султанъ или манапъ, то «кунъ» платится за него также всѣмъ родомъ, по раскладкѣ на кибитку.

Иногда случается, что при перекочевкахъ съ зимовокъ на лѣтовки, когда приходится проходить земли чужихъ родовъ, киргизъ отстаетъ отъ своихъ, или его задерживаетъ на дорогѣ между чужими какое нибудь несчастіе. Въ такомъ случаѣ, киргизъ шлетъ о томъ извѣстіе къ родовичамъ, и получаетъ отъ нихъ помощь, которая заключается, напримѣръ, въ присылкѣ вьючнаго скота, что и даетъ ему возможность снова присоединиться къ своимъ.

Родовой, общинный духъ проникаетъ даже въ частныя отношенія киргизовъ. Сколько бы одноульцевъ ни пришло въ кибитку киргиза, въ какое-бы то ни было время, всякій получаетъ отъ него по кусочку баранины или другаго яства, и это не по требованію извѣстныхъ правилъ гостепріимства, а по праву родства. Бѣдняки, въ праздничные дни, присутствуютъ при убоѣ скота богатаго родовича, при этомъ получаютъ отъ него небольшія части баранины и другія яства; час-

то они сопровождаютъ богатаго кочевника при его выѣздахъ, какъ рой пчелъ свою матеу, и въ этомъ случаѣ содержатся на его счетъ.

Родовая связь у киргизовъ весьма сильна. Киргизъ рѣдко сознается въ преступленіи, хотя бы улика была на лицо, въ полной увѣренности, что его одноаульцы скорѣе согласятся сложиться и заплатить за хищничество «кунъ», чѣмъ выдать родича-преступника. Киргизъ не имѣетъ права даже взять жену изъ своего рода, такъ какъ это считается уже кровосмѣшеніемъ. При сборищахъ киргизовъ на праздники, всѣ однородцы считаются какъ бы за одного человѣка—одни хозяевами, а прочіе-гостями. При этомъ, самыми почетными изъ гостей считаются, обыкновенно, наиболѣе удаленные роды, такъ какъ право гостепримства распространяется преимущественно на чужихъ, постороннихъ людей.

Дорожа своимъ родомъ, киргизъ питаетъ къ нему безграничное почтеніе въ лицѣ всѣхъ представителей его. Нигдѣ нѣтъ такого глубокаго повиновенія и уваженія къ старшимъ въ родѣ, какъ у киргизовъ. Особенно характерно проявляется это уваженіе въ случаяхъ полученія киргизомъ какой нибудь экстраординарной прибыли чрезъ личную доблесть. Такъ, отправляясь на охоту артелью или обществомъ, киргизы всегда отдають лучшаго звѣря или лучшую птицу изъ приобрѣтенной добычи старшему изъ участвовавшихъ на промыслѣ; но если встрѣтится имъ, на возвратномъ пути, еще болѣе старый родовичъ, то получившій лучшую часть добычи долженъ отдать ее встрѣтившемуся родовичу. Точно также, полученный на бѣгахъ, въ борьбѣ или на другомъ какомъ нибудь состязаніи призъ никогда не присвоивается себѣ побѣдителемъ, а отдается старшему въ его родѣ. Побѣдитель на скачкахъ отдаетъ старшему родовичу не только самый призъ, но и лошадь, выигравшую оный. Этимъ киргизы какъ бы хотятъ возвратить роду часть той помощи, какую они получаютъ чрезъ него.

При всемъ томъ, у киргизовъ нѣтъ официального неравенства.

Даже султаны и манапы, чтобы не оскорбить народнаго чувства, принимаютъ всѣхъ одинаково. Киргизъ идетъ къ высшему себя по словію или по службѣ свободно, входитъ въ его вибитку и располагается какъ ему удобнѣе: на корточкахъ, полулежа на локтѣ, либо избираетъ себѣ изголовьемъ колѣни сосѣда,—и говоритъ при этомъ обо всемъ, какъ равный съ равнымъ.

Такова родовая связь киргизовъ и ея сила. Опираясь на родовое начало, на содѣйствіе всѣхъ родичей и на дѣятельную помощь, поддержку, киргизъ дѣлается хозяиномъ въ пустынѣ, среди многочисленныхъ враждебныхъ племенъ, и можетъ даже богатѣть здѣсь и размножаться. Родовая связь даетъ ему возможность быстро сплотиться и давать немедленный отпоръ всякому враждебному дѣйствію со стороны окружающихъ хищническихъ племенъ. Но за то, въ родовой связи, кочевникъ какъ-то теряется, обезличиваются и мало по малу становится совершенно безпомощнымъ. Киргизъ, почему-либо отбившійся отъ своего рода, быстро бѣднѣетъ, «Трудно жить между чужими», говорятъ киргизы. Родовой, общинный союзъ—это сила, на которой только и можетъ держаться кочевой бытъ ихъ.

Что касается до дикости нравовъ и хищничества, то все это едва ли можно считать послѣдствіемъ родовой сплоченности киргизовъ. И то и, другое есть скорѣе необходимый результатъ ихъ пастушескаго кочеваго быта. Въ прежнее время хищничество составляло почти единственное средство, съ помощью котораго полудикарь-кочевникъ, не имѣвшій понятія о трудѣ, могъ поправлять свое разстроенное хозяйство и даже размножать свои стада. Такое средство заключалось въ знаменитой «барантѣ», удержавшей нынѣ только въ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ частяхъ киргизской степи.

Впрочемъ «баранта» была простымъ хищничествомъ только по отношенію къ неодноплеменникамъ. Относительно же одноплеменниковъ «баранта» есть, скорѣе, довольно сложный степной законъ,

обставленный многочисленными условиями и оговорками, и основанный на обычномъ правѣ.

Сущность баранты заключается въ хищническомъ отгонѣ скота или табуна лошадей, соединенномъ, очень часто съ разграбленіемъ аула. Киргизъ, потерпѣвшій отъ кого нибудь обиду или оскорбленіе, старается набрать себѣ дружину и отправляется съ нею на поискъ. Барантовщики высматриваютъ стада неприятельскія, подрадываются къ нимъ въ ночное время, и внезапно, воровски, съ дивимъ пронзительнымъ визгомъ, выдаютъ на табуны и угоняютъ ихъ къ своимъ жилищамъ. Такъ барантовали малыя партіи. Но часто набѣги производились нѣсколькими стами и даже тысячами наѣздниковъ, т. е. цѣлыми родами. Въ этомъ случаѣ баранту назначаетъ родоначальникъ. Нападеніе совершается открыто, въ знойный полдень или на разсвѣтѣ, когда все спитъ или отдыхаетъ, для того чтобы застать неприятеля врасплохъ. Грабительству тутъ нѣтъ предѣла! Изступленные, полунагіе, съ дивими воплями, они истребляли все и не давали пощады ни полу, ни возрасту. Юрты разграблялись, скотъ угонялся, а люди и пастухи избивались.

Наѣздники, отличившіеся на барантѣ удалствомъ и храбростью приобрѣтали весьма почетное названіе — *«батырей»*. При дѣлежѣ захваченнаго на барантѣ имущества, «батырь» получалъ большую часть, даже не дожидаясь общаго дѣлежа, производившагося по извѣстнымъ правиламъ между всѣми родичами.

Такъ какъ для кочевника скотъ есть все, то нанесеніе вреда послѣднему составляетъ самое высшее оскорбленіе для киргиза, оскорбленіе, которое, въ свою очередь, даетъ и ему право барантовать противъ оскорбителей. Вслѣдствіе этаго, барантовщики подвергаются такому же раззоренію отъ ограбленныхъ, составляя, такимъ образомъ, взаимною барантою, длинную цѣпь злодѣйствъ, раззорительныхъ для народа и ведущихъ за собою опустошеніе цѣлыхъ ауловъ.

Баранта прекращалась только зимою; но съ наступленіемъ

весны, удалцы снова садились на коней и толпами мчались на грабежъ, вооруженные пиками и «чеканами» (топорами на длинныхъ рукояткахъ)...

Энергическія дѣйствія нашего правительства уничтожили среди степей этотъ ужасный обычай, немало способствовавшій вырожденію кочевыхъ племенъ. Но въ отдаленныхъ пограничныхъ мѣстахъ обычай этотъ еще имѣетъ между киргизами своихъ почитателей.

Своеобразный взглядъ кочевника на способъ приобрѣтенія имущества не менѣе характерно проявляется въ другомъ, противоположномъ барантѣ, обычаѣ, такъ называемомъ «тамырствѣ» (обычай дружитья, отъ слова «тамыръ» — другъ). Обычай этотъ удержался въ полной силѣ до настоящаго времени. Желающіе подружиться обнимаются другъ съ другомъ чрезъ обнаженную саблю, держа ее на груди, причѣмъ даютъ клятву быть навсегда въ дружбѣ. Дружба эта заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что каждый изъ двухъ тамыровъ имѣетъ право во всякое время приѣхать къ другому тамыру и объявить ему *«калау»*, т. е. свой выборъ: это значитъ, что все, чтобы онъ ни выбралъ, тамырь обязанъ отдать ему. Преимущественно «калау» падаетъ на хорошихъ скакуновъ, беркутовъ, ястребовъ, борзыхъ собакъ, ковры, мѣха и т. под. Если послѣдуетъ отказъ въ выдачѣ калау, то дружба разрывается, и никогда и ничѣмъ уже не можетъ быть возобновлена. Послѣдствіемъ этого бываетъ баранта, угонъ лошадей и убійства. Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ неприятностей, киргизы прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ уловкамъ: выдавъ «калау», киргизъ, по праву тамырства, старается поскорѣе объявить свой выборъ, падающій часто на тотъ же самый предметъ, а иногда и на болѣе цѣнный... Кто въ этомъ случаѣ перехитритъ другъ друга, тотъ и остается въ выгодѣ... Таковъ обычай тамырства!

Къ числу оригинальныхъ обычаевъ, рисующихъ наклонности «степняка-кочевника» относится также соколиная охота, перена-

тая у киргизовъ ради забавы и нашими старинными князьями и боярами. «Соколиная охота» не составляетъ для киргизовъ промысла или занятія, которому они предавались бы отъ нужды; напротивъ, охота эта составляетъ, по большей части, времяпрепровождение богатыхъ киргизовъ, ихъ національное, обычное развлеченіе отъ монотонной жизни пастуха-кочевника, — развлеченіе, которому праздный апатичный азіатъ предается со всею пылкостью хищника... Поэтому и можно сказать, что «соколиная охота» составляетъ скорѣе народный обычай, нежели промыселъ киргизовъ.

Для каждаго звѣря у киргизовъ имѣется особая охотничья птица, такъ что ихъ насчитывается до семи породъ. Напримѣръ, на волковъ и лисицъ киргизы ходятъ съ беркутами; на горныхъ козъ, драхвъ и лебедей охотятся съ соколами; съ помощью ястребовъ бьютъ утокъ, гусей, стрепетовъ, и проч.

Сами киргизы рѣдко занимаются дрессировкой для охоты хищныхъ птицъ; эту черную работу исполняютъ, обыкновенно, наши волжскіе татары и башкиры. Татаринъ по цѣлымъ недѣлямъ носить хищную птицу на пальцѣ по зарямъ, не кормить и не даетъ ей спать, надѣваетъ ей на лапы ремни, завязываетъ колпачкомъ глаза и продолжаетъ эти экзекуціи до тѣхъ поръ, пока птица совсѣмъ перестанетъ дичиться и станетъ по первому зову прилетать къ рукѣ за кускомъ. Тогда татаринъ или башкиръ везетъ птицу въ степь и продаетъ киргизу.

Киргизъ дорого даетъ за охотничью птицу. Хорошій беркутъ цѣнится въ 5—6 верблюдовъ, соколъ — въ 1 или 2 верблюда, ястреба и коцкии — дешевле.

Замѣчательна любовь кочевника къ этимъ воздушнымъ, пернатымъ хищникамъ. Киргизъ уже не мучаетъ птицу; черезъ двѣ-три недѣли хищникъ возмущаетъ у него, — перья покроются глянцемъ и глазъ «заиграетъ»... Киргизъ кормитъ его вдоволь, холитъ, гладитъ его; носитъ по степи, словомъ возится съ нимъ, какъ нянька. И

птица, въ свою очередь, не остается равнодушной къ своему патрону.

Но высшее наслажденіе для киргиза начинается тогда, когда онъ отправляется съ своимъ орломъ или беркутомъ на охоту. Предъ этимъ онъ дня 2—3 совсѣмъ не кормитъ птицу. Затѣмъ киргизъ сѣдлаетъ свою коренастую лошадку, садится верхомъ, помѣщаетъ рядомъ, на лукѣ, голоднаго хищника, накрывъ ему глаза колпачкомъ, — и оба катаются по степи... Завидитъ кочевникъ лису или сайгака, сейчасъ же сдернетъ колпакъ съ пернатога хищника, приподниметъ на рукѣ такъ, чтобы онъ видѣлъ звѣря — и пускаетъ на свободу... Тяжело взмахнетъ крыльями проголодавшійся орелъ, и пойдетъ на кругахъ, все выше и выше... Киргизъ глазъ съ него не спускаетъ. Но вотъ «пернатый хищникъ» нацѣлилъ на звѣря, и, сложивъ крылья, стрѣлой падаетъ внизъ... У киргиза замеръ духъ! Но беркутъ уже сдѣлалъ свое дѣло: запустивъ когти одной лапы въ голову лисицы, а когти другой — въ ея крестецъ, беркутъ выклевываетъ ей глаза и сильными ударами клюва въ голову убиваетъ ее или ослабляетъ настолько, что восхищенный киргизъ, примчавшись во весь духъ, безъ труда уже доканчиваетъ пораженіе звѣря. Послѣ этого кочевникъ не налюбуется на своего «пернатога товарища», холить, гладитъ его и даетъ ему лучшій кусокъ изъ добычи, кусокъ лисьей печени...

О хорошей, удалой птицѣ молва пробѣгаетъ по всей степи. Киргизы ѣдутъ за 100 — 200 верстъ и больше, чтобы посмотреть на нее, полюбоваться ея удалью, какъ она лисицъ и волковъ матерныхъ хватаетъ, словно зайцевъ, и душитъ въ когтяхъ... Удивленію ихъ нѣтъ конца! За то и хозяинъ цѣнитъ такую птицу дороже своего скота и жилища...

Киргизы охотятся на звѣрей и съ борзыми туркменскими собаками («тазами»); но собаки эти дурно содержатся и вовсе не воспитываются для охоты.

Вышеописанный наклонности киргизовъ составляютъ, конечно, крупныя пороки, но, во всякомъ случаѣ, не прирожденныя имъ, а навѣянные прежнимъ хищническимъ бытомъ, — пороки, подъ вліаніемъ русской цивилизаціи, все болѣе и болѣе сглаживающіеся и даже совсѣмъ исчезающіе. Въ настоящее время, киргизъ-кочевникъ въ сущности, уже выродился и имѣетъ больше задатковъ для мирнаго гражданскаго развитія, нежели для хищническаго быта. Правда, познанія и навыки киргизовъ къ гражданской жизни еще не настолько велики, чтобы они могли тотчасъ же перейти къ ней; но этого, конечно, нельзя и требовать отъ нихъ; хорошо уже и то, что въ нихъ есть несомнѣнные задатки для постепеннаго перехода къ слѣдующей, высшей степени цивилизаціи.

Свѣдѣнія киргизовъ касаются, главнымъ образомъ, узкой сферы пастушескаго быта. Киргизъ знаетъ на небѣ Полярную звѣзду (*темиръ-казыкъ* — желѣзный гвоздь), которая указываетъ ему дорогу въ степи, Большую Медвѣдицу, по которой онъ опредѣляетъ время ночи, Венеру (*караванъ-джылдызъ* — звѣзду каравановъ), поднимающую его въ дальній путь. Знаетъ также привычки и свойства своихъ животныхъ и разныя благоприятныя и неблагоприятныя условія кочевковъ.

Но, кромѣ того, киргизамъ извѣстны и многія изъ условій осѣдлаго быта. Киргизъ умѣетъ приготовить себѣ всѣ вещи, нужныя для домашняго обихода. Всякому матеріалу, который даетъ имъ скотъ, они могутъ придать форму, удобную для личнаго употребленія. Они умѣютъ валять кошмы и войлоки, ткать армячину, выдѣлывать кожи, мѣха, замшу, готовить «сабы» (кожаные мѣшки для храненія кумыса), «чембары» (кожаные штаны), «яргаки» (шубы изъ телячьихъ шкуръ), «турсуки» и «бурдюки» (мѣшки изъ конскихъ и овечьихъ кожъ), «кебежи» (сундуки изъ сырыхъ коровьихъ кожъ), шить сапоги и платье, дѣлать арканы, конскую сбрую, молоть муку и проч., и знакомы отчасти съ вузничнымъ, плотничнымъ

и красивымъ мастерствами. Остальныя же вещи, какъ-то: домашнюю посуду, разныя матеріи и металлическія вещи — они получаютъ, по большей части, изъ Россіи и среднеазиатскихъ ханствъ. Но и вышеперечисленныхъ ремеслъ и свѣдѣній киргизовъ достаточно, чтобы составить прочное основаніе для ихъ дальнѣйшаго гражданскаго развитія.

Къ хлѣбопашеству киргизы пока переходятъ только вслѣдствіе крайней необходимости, потерявши, наиримѣръ, весь свой скотъ и сдѣлавшись «джетабами» (лежащими, неkochующими). Такихъ обездоленныхъ кочевниковъ, вслѣдствіе прежней баранты и разныхъ стихійныхъ бѣдствій, весьма часто посѣщающихъ киргизскую степь, накопилось уже множество, и они, волей-неволей, образовали особый классъ — «игинчи» — пахарей. Понятно, что положеніе этихъ подневольныхъ пахарей не могло сдѣлаться особенно завиднымъ. Во первыхъ, для истаго киргиза, «игинча» — пахарь — слово презрительное, означающее самаго послѣдняго, самаго низкаго человѣка. Одно уже это обстоятельство не можетъ служить особеннымъ поощреніемъ для киргиза къ земледѣльческому труду. Къ тому же киргизы ѣдятъ хлѣба мало и неохотно, и потому самыя «закромы хлѣба» также не могутъ для нихъ представлять особенной прелести. Сверхъ того, неумѣнье взяться за дѣло, отсутствіе навыка къ земледѣлію и вообще привычки къ труду, и, наконецъ, постепенное распаденіе, вслѣдствіе новыхъ условій жизни, родоваго общественнаго быта, — все это ставитъ пахаря-киргиза въ самое ужасное положеніе. Покопавшись кое-какъ вмѣсто сохи допотопной лопатой у своей пашни, и оросивъ ее, по обыкновенію всѣхъ среднеазиатцевъ, тощимъ каналомъ («арыкомъ») *) , киргизъ-«игинчи» больше уже не знаетъ никакихъ заботъ

*) Искусственно проведенная вода составляетъ для осѣдлыхъ среднеазиатцевъ, вслѣдствіе особыхъ условій природы, такой же источникъ благосостоянія, какъ скотъ у кочевниковъ. Владѣть большимъ «арыкомъ» — ирригаціоннымъ кана-

КИРГИЗСКИЙ СУЛТАНЪ, ЕГО ЖЕНЫ И ПЬВЕЦЪ.

о своей землѣ, и, предоставивъ все дѣло собственному его теченію, едва успѣваетъ собрать даже затраченныя сѣмена. Селится онъ также на манеръ своихъ отцовъ и братьевъ кочевниковъ — въ кибиткахъ. Но юрта не домъ; она не предназначалась для земледѣльца и въ высшей степени непрактична для жизни на мѣстѣ. Оттого грязь, нечистота, холодъ, повсемѣстныя лохмотья и вѣчные болыные, — вотъ обыкновенныя атрибуты неkochующихъ киргизовъ или «джетаковъ».

Многіе изъ этихъ «игинчи» или пахарей доходили до такой крайности, что продавали своихъ дѣтей въ азіатскихъ владѣніяхъ за какой-нибудь «капъ» хлѣба, чтобы только имѣть возможность продлить свое существованіе. Образовавъ особый, довольно многочисленный классъ нищихъ (*байгушей*), они ходили толпами по нашимъ линейнымъ селеніямъ, городамъ и крѣпостямъ, въ грязныхъ рубищахъ, съ дѣтьми — большею частью — нагими, выпрашивая милостыню, или же пускаясь въ хищничество. Въ настоящее время, «байгуши» нанимаются въ работу къ русскимъ земледѣльцамъ, а также занимаются на заводахъ и пріискахъ, или же служатъ въ пастиухахъ (*кончи*) у богатыхъ киргизовъ.

Нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы подобное положеніе киргизовъ — пахарей было естественнымъ, необходимымъ послѣдствіемъ перехода ихъ къ осѣдлому быту. Существуетъ, безъ сомнѣнія, множество условій, при которыхъ и кочевникъ можетъ сдѣлаться — и дѣлался — прилежнымъ, зажиточнымъ земледѣльцемъ. Но, во всякомъ случаѣ, несчастный примѣръ «игинчей», служа какъ бы подтвержденіемъ взглядовъ кочевниковъ, не особенно располагаетъ послѣднихъ

домъ, для азіата-земледѣльца значитъ быть богатымъ. Вслѣдствіе этого, самое землевладѣніе въ Средней Азій основано на правѣ «оживленія», т. е. по мѣстному закону, только тотъ имѣетъ первоначальное право на обладаніе землей, кто ее оросилъ, оживилъ. Этотъ взглядъ отчасти проникъ и къ киргизамъ.

къ подражанію имъ. И дѣйствительно, жизнь большинства кочевниковъ, по сравненію съ положеніемъ пахарей, представляется просто раемъ.

Въ торговлѣ киргизы также не принимаютъ непосредственнаго участія, хотя сношенія ихъ съ Россіей и азіатскими странами производятся довольно дѣятельно, конечно азіатскимъ способомъ — съ помощью верблюдовъ или посредствомъ, такъ-называемыхъ, «каравановъ». Драгоценныя качества верблюда, этого «корабля пустыни», даютъ возможность переходить съ товаромъ даже безводныя и безтравныя пустыни киргизскихъ степей. Караванные пути пересѣкаютъ киргизскую степь во всѣхъ направленіяхъ, съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ. Когда ѣдешь по степи, то на сѣрожелтой ея поверхности пути эти вездѣ раскинулись темными лентами, проторенными копытами верблюдовъ и тяжелыми колесами азіатскихъ товарныхъ арбъ.

Многіе изъ киргизовъ разводятъ верблюдовъ специально для караваннаго найма; богатые кочевники держатъ съ этой цѣлью сотъ по пяти верблюдовъ. Вожаками верблюдовъ въ караванахъ или «чапарами» служатъ также киргизы. Вожаки, или чапары, въ караванѣ подчиняются обыкновенно «караванъ-башѣ» (караванному старшинѣ), избираемому изъ среды купечества. Караванъ-баша разбираетъ распри между чапарами, принимаетъ нужныя мѣры для безопаснаго слѣдованія каравана, развѣдываетъ о киргизскихъ родахъ, кочующихъ близъ дороги — дружественные они, или враждебные, и по общему совѣщанію съ чапарами, располагаетъ ходомъ каравана, назначаетъ ночлеги и остановки.

Движеніе каравана въ степи представляетъ чрезвычайно оригинальную картину. Верблюды, навьюченные разнымъ товаромъ, идутъ обыкновенно, одинъ за другимъ, гуськомъ, или, по караванному выраженію, «ниткой». Для этого ихъ привязываютъ одного къ другому посредствомъ особыхъ уздечекъ, состоящихъ изъ веревочки, прикрѣ-

пленной къ концамъ маленькой палочки или кости, продѣтой въ носовой хрящъ верблюда. При остановкѣ на кормежку нужно только потянуть верблюда за эту уздечку, и онъ тотчасъ становится на колѣни; въ это время безъ труда снимаютъ съ него вьюкъ, а самого его пускаютъ на подложный кормъ. Утромъ, по слову: «човъ!» верблюдъ опять становится на колѣни и даетъ власть на себя пошу въ особую раму, приврѣпленную къ его спинѣ и обшитую войлокомъ.

Поставляя верблюдовъ подъ караваны и служа жожаками ихъ, киргизы въ самой торговлѣ не принимаютъ никакого участія. Караванная торговля почти вся находится въ рукахъ среднеазиатскихъ купцовъ и отчасти русскихъ. Въ торговомъ отношеніи киргизъ зависитъ отъ другихъ. Болѣе всѣхъ прижимаютъ киргизовъ туркестанскіе жители — *сарты*. Сартъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, непременно торгашъ въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Будучи дѣятеленъ по натурѣ, онъ неутомимъ въ надуваніи ближняго и въ накапливаніи денегъ. Трусливый по характеру, сартъ не побоялся рисковать своею жизнью, если этотъ рискъ дастъ ему барышъ. Совершенно равнодушно отправится онъ съ караваномъ черезъ всѣ среднеазиатскія трущобы и пустыни въ Москву, Нижній Новгородъ, Семипалатинскъ, или въ Индію, зная хорошо, что трущобы эти и пустыни заселены кругомъ хищными племенами, у которыхъ грабежи почти единственное средство къ существованію. Понятно, что для такихъ отважныхъ барышниковъ, каковы сарты, болѣе другихъ добродушный и наивный — киргизскій народъ представляетъ неистощимый источникъ наживы. Ежегодно, вмѣстѣ съ приходомъ киргизскихъ родовъ на зимовки, у богатѣйшихъ *ауловъ* непременно появляется переносная юрта-прикащика какого нибудь сарта. Раздавая свой товаръ, приготовленный на киргизскую руку, подъ барановъ и скотъ будущаго приплода, прикащикъ беретъ за свой товаръ въ нѣсколько разъ дороже его настоя-

щей цѣны. Распродавъ въ кредитъ товаръ, прикащикъ спокойно возвращается къ хозяину съ отчетомъ, такъ какъ онъ знаетъ, что долги почти никогда не пропадаютъ за киргизами. Къ осени, этотъ долгъ сберется по ауламъ, и гурты скота, полученнаго отъ киргизовъ, пригоняются въ мѣста жительства сартовъ для нагула.

Не мудрено, что сами киргизы не принимаютъ никакого участія ни въ торговлѣ, ни въ промышленности, и не хлопочутъ много ни о какихъ перемѣнахъ въ быту или улучшенияхъ. Потребности кочевника чрезвычайно просты и однообразны. Незначительный капиталъ въ скотѣ, напримѣръ, 200—250 барановъ, съ пропорціональнымъ количествомъ коровъ и лошадей, дѣлаетъ жизнь киргиза совершенно счастливою. Киргизъ счастливъ, если у него есть скотъ для прокормленія, кибитка для защиты отъ непогоды, постель для сна и жена для услуги. При подобномъ состояніи, даже прихотливый киргизъ можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Привольно беззаботно ему живется тогда! Онъ веселъ и гордъ, любясь своими жирными баранами и десяткомъ — другимъ маленькихъ, горбоносыхъ, кадыкастыхъ лошадей. Кругомъ его раздолье, такое же широкое, какъ мать его — степь. Если же состояніе его будетъ выше, то у киргиза всетаки не явится ни одной новой потребности; онъ станетъ только ѣздить на хорошей лошади, вмѣсто посредственной; станетъ покупать ташкентскія или китайскія сѣдла, вмѣсто грубыхъ и жесткихъ киргизскихъ; заведетъ двѣ «сабы», вмѣсто одной; уберетъ внутренность юрты *тикметами* (росписными кошмами и коврами) вмѣсто простыхъ вошежь; однимъ словомъ, количество потребностей останется то же, но, съ увеличеніемъ его состоянія, киргизъ станетъ улучшать только качество потребляемыхъ предметовъ. Такимъ образомъ, потребности и бѣдныхъ, и богатыхъ кочевниковъ почти однѣ и тѣ же; удовлетворяются же онѣ, смотря по состоянію, съ большею или меньшею прихотливостью. Киргизъ, главнымъ образомъ, заботится о томъ, чтобы его состояніе

позволяло ему продолжать кочевой образъ жизни и чтобы, въ противномъ случаѣ, не обратиться — чего боже упаси — въ «джетака» или пахаря.

Жилище.

Становища или аулы киргизовъ стоятъ въ степи чрезвычайно рѣдко одинъ отъ другаго, такъ что по жилищамъ кочевниковъ путешественникъ не можетъ опредѣлить направленіе своего пути, какъ по нашимъ селеніямъ. Лишь въ кои-вѣки доберешься въ необозримой степи до такой прогалины или ложбины, гдѣ вблизи ручья невысыхающаго и лѣтомъ, прячась за «борханомъ» (бугромъ) и тростниками, пріютились эти невзрачные аулы, состоящіе изъ сплотившихся группами юртъ, покрытыхъ потемнѣвшими войлоками. Непривычному человѣку юрты, съ перваго раза, покажутся кучками насыпной зѣмли. Замѣтить такой аулъ издали чрезвычайно трудно. Гораздо скорѣе можно добраться до него по особенному аульному запаху. Воздухъ вокругъ жилища кочевника пропитанъ запахомъ скотскаго навоза. Въ чистомъ степномъ воздухѣ далеко слышенъ этотъ характеристическій запахъ, перемѣшанный съ гарью, выдавая тѣмъ присутствіе аула, хотя бы онъ и былъ спрятанъ за камышами и прогалинами.

Первое живое существо, которое увидишь, приближаясь къ аулу, это верблюды, пасущіеся на солонцеватыхъ, повидимому совершенно безплодныхъ степяхъ. Медленно подниметъ верблюдъ свою голову съ земли и его умные глаза выразятъ недоумѣніе при видѣ людей, непохожихъ на тѣхъ, которыхъ онъ зналъ до сихъ поръ. Увидя, что эти люди приближаются къ нему, онъ сдѣлаетъ неловкій скачекъ въ бокъ и, судорожно согнувши свой жалкій хвостъ, побѣжитъ по равнинѣ, нескладно сгибая свои мозолистыя ноги и ныряя всеѣмъ корпусомъ въ воздухъ...

Въ ближайшихъ къ аулу частяхъ степи, раскинулись стада барановъ, будто разсыпанные по ней бучи камешковъ. А еще ближе къ аулу — пасутся лошади и рогатый скотъ.

Около самыхъ юртъ бродятъ худыя, злѣйшія собаки, съ стоячими ушами, кидающіяся съ остервененіемъ на всякаго человѣка, непохожаго на киргиза. Нѣкоторыя изъ нихъ, забравшись въ середину какого нибудь остова навшого животнаго, съ сердитымъ ворчаньемъ обглаживаютъ на немъ бахромки мяса.. Заслышавъ проѣзжихъ, онѣ съ недоумѣніемъ выберутся изъ костяка и вспугнутъ тѣмъ цѣлую стаю сорокъ и другихъ пернатыхъ спутниковъ степняка — кочевника. Гдѣ нибудь въ сторонѣ, на «барханѣ», сидитъ огромный орелъ — стервятникъ, гордо слѣдящій за проѣзжими. Женщины киргизки повывѣзутъ изъ юртъ, въ своихъ высокихъ головныхъ уборахъ изъ грубаго коленкора. Прикрывъ глаза рукою, онѣ будутъ стоять у юртъ и смотрѣть съ тупымъ вниманіемъ на проѣзжающихъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не пропадутъ за горизонтомъ. Совершенно голыя, до невѣроятности грязныя, вывалявшіяся въ навозѣ дѣти, сидѣвшіе, пока путешественники были недалеко, внутри юртъ, пугливо забившись по угламъ, теперь выбѣгутъ въ степь, замахають руками, закричатъ, запищатъ и пошлютъ вслѣдъ за путешественниками стаю волкообразныхъ собакъ, съ поднятою на спинѣ шерстью. Сами же хозяева кибитокъ, пожилые киргизы, праздно снующіе верхомъ взадъ и впередъ вокругъ ауловъ, завидѣвъ путешественника, непременно поскачутъ къ нему на встрѣчу, чтобы спросить: «что на свѣтѣ новаго?»

Каждый аулъ состоитъ изъ десяти или пятнадцати юртъ, расположенныхъ неподалеку одна отъ другой и занятыхъ семействами кровныхъ родичей. Первое мѣсто занимаетъ юрта главы аула — отца или дѣда — кровныхъ родичей. Рядомъ съ его юртой помѣщаются юрта *бай-баче*, т. е. его первой жены и такая же юрта для *токелз* («безрогихъ», т. е. неимѣющихъ вліянія на мужа — младшихъ женъ).

Всѣ дѣти живутъ въ кибиткахъ своихъ матерей. Взрослые же сыновья имѣютъ каждый свою юрту. Какъ только сынъ женится, ему сейчасъ ставятъ отдѣльную юрту, недалеко отъ отца, и надѣляютъ его скотомъ, вычитая при этомъ, уплаченный за его жену калымъ: чѣмъ больше у него женъ, тѣмъ меньше у него имущества; но онъ очень часто дополняетъ его барантой. Каждый изъ женатыхъ сыновей ставитъ подлѣ своей юрты, въ свою очередь, кибитки для своихъ женъ и т. д. Все это расположено группами по строгому порядку старшинства членовъ рода, огорожено общей тростниковою загородной и составляетъ «ауль». Начальникъ его есть старшій между кровными родственниками, — ихъ отецъ или дѣдъ. Скотъ всѣхъ членовъ аула пасется вмѣстѣ, на общемъ пастбищѣ.

Рядомъ съ этимъ ауломъ помѣщается другой подобный же ауль, члены, котораго состоятъ въ близкомъ родствѣ съ членами перваго. Дальше располагается третій ауль, члены котораго также находятся въ родствѣ съ двумя первыми, и т. д. Нѣсколько такихъ ауловъ, связанныхъ близкимъ родствомъ и имѣющихъ каждый свои стада и табуны, составляютъ вмѣстѣ «улусъ», начальникомъ котораго служитъ «авсакаль», т. е. старшій во всемъ союзѣ близкихъ родственниковъ.

За нѣсколько верстъ отъ этого улуса располагается другой подобный же улусъ, всѣ члены котораго состоятъ въ дальнемъ родствѣ съ членами перваго улуса. Нѣсколько такихъ улусовъ вмѣстѣ составляютъ отдѣльный родъ, кочующій по степи широко-раздвинувшейся линіей, и состоящій подъ главенствомъ султана или манала.

Переносное жилище киргиза «кибитка» или «юрта» (*уй*) въ высшей степеніи приспособлено къ его походной жизни и напоминаетъ собой остовъ животнаго, или, вѣрнѣе, *грудную клетку*.

Каждая юрта состоитъ изъ деревяннаго *остова* и войлочной по-

крышки. Остовъ, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ три части; верхнюю, нижнюю и среднюю.

Деревянный остовъ, для прочности, обтягиваютъ сверху веревочками и шпировыми тесьмами. Затѣмъ его покрываютъ кошмами, лѣтомъ бѣлыми, а зимою — сѣрыми, въ два ряда. Чагаракъ, или верхній кругъ, остова имѣетъ отдѣльную крышку изъ особой кошмы; онъ составляетъ дымовое отверстіе въ юртѣ (*тундукъ*) и служитъ въ тоже время вмѣсто окна.

Вполнѣ собранная юрта, покрытая кошмами и обтянутая веревочками и тесьмами, стоитъ такъ прочно, что если встать на нее взрослому человѣку, то она не покачается, и ее можно свободно переносить съ мѣста на мѣсто, нисколько не нарушая взаимнаго отношенія частей.

Разбирается юрта еще легче. Ее разъединяютъ на составныя части, навьючиваютъ на верблюдовъ и, такъ сказать, «по суставамъ» перевозятъ на новое мѣсто.

Юрта, занимающая, сравнительно, ничтожное пространство (3—4 сажени въ поперечникѣ и 2 — 3 сажени въ вышину) должна вмѣстить въ себѣ всѣ необходимыя въ домашнемъ быту покои: столовую, гостинную, спальную, кладовую и проч. Поэтому, здѣсь все рассчитано, соображено, всему опредѣлено свое мѣсто, какъ въ пчелиномъ ульѣ; каждая вещь, каждый членъ семейства или гость знаютъ, гдѣ ему сѣсть или лечь. Оттого, въ сравнительно ничтожномъ помѣщеніи юрты, небогатый киргизъ ухитряется нерѣдко помѣститься съ двумя женами, со всѣми ихъ семействами и домашнимъ скарбомъ, и тутъ-же собирается иногда до 50 человѣкъ гостей.

При входѣ въ юрту, на первомъ пластвѣ, составляющемъ ея заднюю часть, бросаются въ глаза въ порядкѣ уложенные сундуки и кожаные тюки, завернутые въ ковры или узорчатые кошмы («тикеты»). Тамъ сложено все богатство киргиза, и по количеству этихъ сундуковъ и тюковъ можно съ перваго раза составить вѣрное поня-

тіе о состояніи хозяина. Передъ этими сундуками всегда сидитъ самъ хозяинъ или сидятъ почетные гости. Середину юрты занимаетъ очагъ.

Лѣвая сторона ея завѣшана пологомъ, который на день подбирается за «ууки», а ночью опускается, отдѣляя, такимъ образомъ, спальню хозяина отъ домочадцевъ и гостей. Тутъ помѣщается деревянная, изрѣдка желѣзная кровать, или просто постельные войлоки, убираемые на день куда-нибудь въ уголъ. Правая сторона юрты загорожена стѣнкою или ширмою, сплетенною изъ особаго растенія, называемаго «чіемъ» (родъ соломы). Ширма эта непременно вышита разноцвѣтною шерстью или шелкомъ. За этою ширмою помѣщается кладовая. Тамъ хранятся всѣ продовольственные запасы и домашняя посуда. Мясо сырое и копченое виситъ тутъ-же на стоячихъ желѣзныхъ палкахъ съ крючками, или просто на сучковатыхъ шестахъ. Вѣшаютъ мясо высоко, оберегая его отъ собакъ, которыхъ киргизы никогда не кормятъ.

Между кладовою и стѣнкою изъ сундуковъ и тюковъ, въ самой задней части юрты, у небогатыхъ киргизовъ помѣщается, обыкновенно, жена хозяина, ея дочери и маленькія дѣти.

Полъ юрты весь устилается войлокомъ или пестрыми кошмами.

Внутренняя сторона юрты, для украшенія, обливается иногда кусками сукна, расположенными симметрически въ видѣ своеобразныхъ узоровъ. «Чагаракъ» или деревянный кругъ вверху юрты и босяки дверей также украшаются красками, рѣзбою, костью, мѣдью и зеркальцами.

Внѣшняя сторона юрты, въ видѣ украшенія, обладывается по краямъ кусками кошмы, обшитой сукномъ.

Дверь юрты закрывается, обыкновенно, опускнымъ войлокомъ. Дверь эта носитъ характерное названіе: *мигъ киръ месъ*, т. е. «собака не войдетъ».

Одежда киргизовъ не сложна. Киргизъ носитъ распашную ру-

башку изъ «бязинной» (бумажной) матеріи, *чамбары*, т. е. штаны изъ козлиной или овечьей кожи; кожаные сапоги, шитые жилами, на одной подметкѣ, безъ рантовъ и безъ стелекъ, съ двойными деревянными каблучками. Поверхъ рубашки надѣваютъ халатъ изъ желтой или сѣрой армячины. Опоясываются ремнемъ съ мѣдными или серебрянными бляхами; къ нему привѣшиваютъ кожаную сумку (*кал-ту*), въ которой хранится огниво и рогъ (*насымъ*) съ нюхательнымъ табакомъ. На бритой головѣ носятъ тибетейку, сверхъ которой надѣваютъ конусообразную, войлочную шляпу, съ загнутыми вверхъ полями.

Зимою носятъ овчинныя шубы и *яраки*, т. е. халаты изъ козлиной или телячьей шкуры, шерстью вверхъ; грудь оставляютъ по большей части открытою. вмѣсто шляпъ надѣваютъ *малахан*, т. е. овчинныя, крытыя сукномъ, конусообразныя шапки съ полями, загнутыми спереди вверхъ, а сзади—опущенными внизъ.

Национальное вооруженіе киргизовъ составляютъ: пика, «чеканъ» (топоръ на длинной рукояткѣ), лукъ со стрѣлами, кривая сабля и изрѣдка старинное ружье съ фитилемъ.

Одежда богатыхъ киргизовъ сохраняетъ, въ сущности, тотъ-же покррой, но блещетъ серебромъ, золотомъ, шелкомъ, галунами, бархатомъ, дорогими мѣхами, сафьяномъ и т. п. роскошью. При этомъ киргизы страстно любятъ чины, ордена и жалованныя кафтаны.

Женщины киргизскія въ одеждѣ немногимъ разнятся отъ татарокъ. Дѣвушки киргизскія (*кызъ*) заплетаютъ волосы въ мелкія косички, соперничая ихъ количествомъ, и носятъ на головѣ шапочки или фески. Замужнія-же киргизки (*катимъ*) заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя распускаютъ по плечамъ, обвертывая ихъ иногда бязью, т. е. бѣлою бумажною матеріею. Головной уборъ замужней женщины состоитъ изъ конусообразной шапки, вышиною въ полъ-аршина, называемой *джамлыкъ*. Уборъ этотъ накрывается сверху кускомъ бѣлаго колена, концы котораго висятъ сзади; спереди-

же, на лбу, джавлуеъ выпивается шелкомъ или унизывается корольками, эмбевиками, бусами и т. п.

Остальной костюмъ киргизокъ почти совершенно такой-же, какъ и у татарокъ. Даже бѣлила, румяна и сурьма получаютъ ими, вѣроятно, изъ одного источника съ послѣдними.

Пища кочевника весьма неприхотлива. Не смотря на многочисленныя стада, какими располагаетъ онъ, мясо, протпвъ всякаго ожиданія, не составляетъ его обыденнаго кушанья и лишь изрѣдка появляется на столѣ только болѣе зажиточныхъ киргизовъ. Даже баранину ѣдятъ ежедневно лишь самые богатые изъ кочевниковъ, Конина-же составляетъ рѣшительно для всѣхъ ихъ лакомство. Мясо верблюдовъ ѣдятъ еще рѣже, такъ какъ рѣжутъ ихъ только въ случаѣ неизбѣжной ихъ смерти, на примѣръ, вълѣдствіе старости болѣзни, увѣчья и т. п.

Такая воздержность кочевника отъ употребленія мясной пищи весьма понятна. Скотъ нуженъ ему не столько для пищи, сколько для удовлетворенія всѣхъ потребностей кочеваго быта. Скотъ служить киргизу не столько своимъ мясомъ, сколько своею кожею, шерстью и волосомъ. Изъ кожъ киргизъ готовитъ себѣ платье и почти всю свою домашнюю утварь, а шерсть служитъ у него главнымъ матеріаломъ для постройки жилища и, кромѣ того, идетъ ему также на платье и на разныя другія домашнія принадлежности, замѣнная подь-часъ дерево, пеньку, ленъ и пр. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ, кочевникъ долженъ тщательно беречь и размножать свой скотъ, а отнюдь не истреблять его, и киргизъ хорошо понимаетъ, что съѣвъ онъ лишняго барана или лошадь изъ своего стада, то какъ разъ придется ему обратиться въ «джетана» или пахаря.

Вотъ почему главную пищу киргизовъ составляетъ молоко и — что всего неожиданнѣе — просо. Эти два вещества киргизы употре-

бляютъ въ разнообразныхъ формахъ, какъ нельзя болѣе приваренныхъ къ ихъ походной, кочевой жизни.

Изъ молока, преимущественно овечьяго или козьяго, киргизы готовятъ *куртъ*, т. е. сыръ, довольно питательный, но очень сухой и твердый, некрошащійся и непортящійся, занимающій очень мало мѣста, однимъ словомъ, весьма удобный для дороги. Изъ просяной поджареной муки киргизы готовятъ себѣ *толканъ*, т. е. болтушку съ водою. Одна — двѣ горсти такой муки, разбавленная водою, достаточны въ день для одного человѣка. Выпивъ такой болтушки, киргизъ считаетъ себя совершенно сытымъ.

Національный киргизскій напитокъ составляетъ знаменитый *кумысъ*, приготовляемый изъ кобыляго молока. Едва ли кто такъ умѣетъ готовить кумысъ, какъ киргизы, чему не мало способствуютъ раздолье киргизскихъ степей и качество ихъ скота. Предназначенное для кумыса молоко сливаютъ сперва въ кожаный мѣшокъ (*сабу*), гдѣ оно, въ теченіи нѣсколькихъ дней, тщательно и часто взбалтывается особой палкой — «пегенемъ». Для закваски, въ новую сабу кладутъ копченную лошадиную жилу; старая же обдержанная саба сама по себѣ служитъ закваской для молока. Отъ частаго взбалтыванія и закваски, молоко постепенно приходитъ въ броженіе, и въ концѣ концовъ получается напитокъ, чрезвычайно питательный, освѣжающій и слегка опьяняющій. Киргизы употребляютъ кумысъ въ огромномъ количествѣ, какъ русскіе пьютъ брагу. Изъ коровьяго молока киргизы готовятъ *айранъ*, тоже родъ кумыса, но далеко уступающій послѣднему по качеству. Въ большомъ также употребленіи между ними *арана*, перегнанная изъ кумыса водка и, наконецъ, *буза*, брага изъ просяной муки.

Чай пьютъ только очень богатые киргизы. Но для гостей напитокъ этотъ считается необходимымъ угощеніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ къ чаю подаютъ *достарханъ* — сладости, главнымъ образомъ орѣхи, миндаль, фисташки, кишмишъ и немного сахару. Все это

разсыпается на полотенце, состоящее изъ куска полотна, ситцу или банауса.

Кирпичный чай гораздо болѣе распространенъ между киргизами, нежели обыкновенный, и они пьютъ его совершенно также, какъ и сибирскіе татары.

Киргизы всѣ мусульмане, на сколько это совмѣстно съ ихъ любовью къ свободѣ и страстью къ пастушеской жизни. Они исповѣдуютъ магометанскую вѣру сунитскаго толка, но въ нихъ незамѣтно фанатизма и нетерпимости, присущихъ усерднымъ послѣдователямъ корана. По роду ихъ кочевой жизни, они и мечетей держатъ немного, да имъ рѣдко приходится и молиться въ нихъ. Въ званіе ахуновъ, имамовъ и муллъ киргизы избираютъ, обыкновенно, казанскихъ татаръ, или сартовъ, которыхъ утверждаетъ въ этихъ должностяхъ оренбургскій муфтіи.

Объ руку съ муллами у киргизовъ есть и *баксы*, истолкователи судьбы, представители прежнихъ вѣрованій въ добрыхъ и злыхъ духовъ, и чуть ли послѣдніе не пользуются у нихъ большимъ уваженіемъ по сравненію съ первыми. «Баксы» занимаются ворожбою леченіемъ. Главнымъ орудіемъ, при этомъ, служитъ у нихъ музыкальный инструментъ, родъ скрипки съ разными металлическими побрякушками, изъ котораго они извлекаютъ смычкомъ дикіе звуки, распѣвая непонятныя слова и вызывая духовъ, причемъ кривляются, какъ шаманы, бросаются въ огонь, тычутъ себя ножами.

Вообще, въ киргизскихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ можно до сихъ поръ замѣтить слѣды шаманства, когда-то распространеннаго во всей сѣверной полосѣ Азіи. Киргизы доселѣ поклоняются видимымъ предметамъ изъ міра физическаго. Уединенно стоящее въ степи дерево, гигантскій камень, одиноко выдвинутый на необозримой равнинѣ, горная пещера съ ключемъ чистой воды, могилы «батырей», все это служитъ у нихъ предметомъ поклоненія. Ни одинъ киргизъ не проѣдетъ мимо могилы «батыря», не слѣзши съ коня и не отпавивши

намаза, причемъ оставляетъ обитающему тутъ духу какую нибудь умиловляющую жертву, доскутъ одежды, либо хоть клочъ конскихъ волосъ, привѣшивая это на воткнутыхъ вокругъ кольяхъ.

Обряды же собственно мусульманскіе, какъ то посты, молитвы, омовенія, посѣщеніе Мекки—исполняются ими не такъ охотно.

Образъ жизни, праздники и обряды.

Киргизскій день начинается съ восходомъ солнца. Едва блеснетъ первый лучъ свѣта, какъ мулла, или кому случится проснуться раньше, затягиваетъ *азанъ* (призывъ на молитву). Сейчас же открываются двери всѣхъ юртъ и проснувшіеся обитатели идутъ къ водѣ для совершенія «намаза». Послѣ омовенія читается первая молитва въ юртѣ или на дворѣ. Женны обязаны къ этому времени убрать постели, развести огонь и приготовить завтракъ, который состоитъ, большею частью, изъ «кужи», просяной похлебки. Если средства позволяютъ, то прибавляютъ въ котель съ кужей—молока, курдючнаго сала, конской колбасы или айрану. Если есть остатки отъ ужина, то они подаются тутъ же. Вообще киргизъ любитъ въ это время поѣсть плотно.

По окончаніи завтрака, вымывъ руки и погладивъ себя по бородѣ, со словами *Алла-акъ-беръ*, всѣ встаютъ и каждый идетъ къ своему дѣлу: женщины доятъ скотъ предъ угономъ его въ поле, мужчины же, по обыкновенію, идутъ гулять. Подойвъ скотъ и отпустивъ его въ поле, женщины принимаются готовить запасы провизіи—айранъ, кумысъ и проч. Дѣти въ это время собираютъ дрова и носятъ воду. Молодые дѣвушки готовятъ себѣ приданое, валяютъ кошмы, вышиваютъ по нимъ разные узоры, снуютъ тесьмы. Вообще киргизскимъ женщинамъ гулять некогда, а потому въ аулѣ днесь рѣдко слышны разговоры или пѣсни.

Въ такихъ занятіяхъ проходитъ весь день, прерываемый изрѣдка молитвами, которыя совершаютъ только мужчины. Обѣденнаго времени у киргизовъ не полагается, за отсутствіемъ обычая *обѣдать*. Это время сутокъ они проводятъ большей частью въ дорогѣ или перекочевкахъ, и потому привыкли въ продолженіи дня удовлетворять свой голодъ по дорожному, хотя бы и находились на мѣстахъ стоянокъ. Кто захочетъ поѣсть или, вѣрнѣе, заморить голодъ, тотъ самъ угощается въ юртѣ, въ кладовой, гдѣ находится постоянный запасъ разной провизіи: еужи, айрана, кумысу, бузы и проч.

Киргискій ауль оживаетъ только къ вечеру, когда скотъ пригоняется домой. Какъ только пригоняютъ барановъ, хозяйка съ дочерью входитъ въ свои стада и на глазъ *опредѣляетъ*, весь ли скотъ дома. Ошибки въ этомъ случаѣ очень рѣдки. Затѣмъ начинаютъ доить овецъ, коровъ, козъ и проч. Сначала подпускаютъ къ маткамъ сосуновъ, для того чтобы они отсосали; послѣ этого, прячась за сосуновъ, идутъ сами киргизки съ кожанными подойниками и, быстро оттолкнувъ сосуна, принимаются за доенье. Но молока киргизы получаютъ мало. Даже коровы приносятъ имъ гораздо больше пользы, какъ рабочей и вьючной скотъ. Киргизъ не можетъ не ѣздить верхомъ, — это его привычка, потребность, какъ у осѣдлаго жителя — ходить пѣшкомъ. Поэтому бѣдные киргизы, за неимѣніемъ лошадей, очень часто кочуютъ на коровахъ, ѣздятъ верхомъ на нихъ и, кромѣ того, питаются ихъ молокомъ. Но при этомъ, разумѣется, самымъ полезнымъ и необходимымъ для кочевника животнымъ остается всетаки овца, которая его кормитъ, одѣваетъ и даетъ матеріалъ для жилища.

По уборкѣ скота, вся семья приступаетъ къ ужину, который состоитъ изъ той же «еужи», иногда съ небольшимъ количествомъ сала. Если при этомъ случится киргизу ѣсть мясо, то онъ тщательно обглаживаетъ каждую косточку, такъ что послѣ киргиза и собакѣ нечѣмъ поживиться. У богатыхъ киргизовъ подается чашка

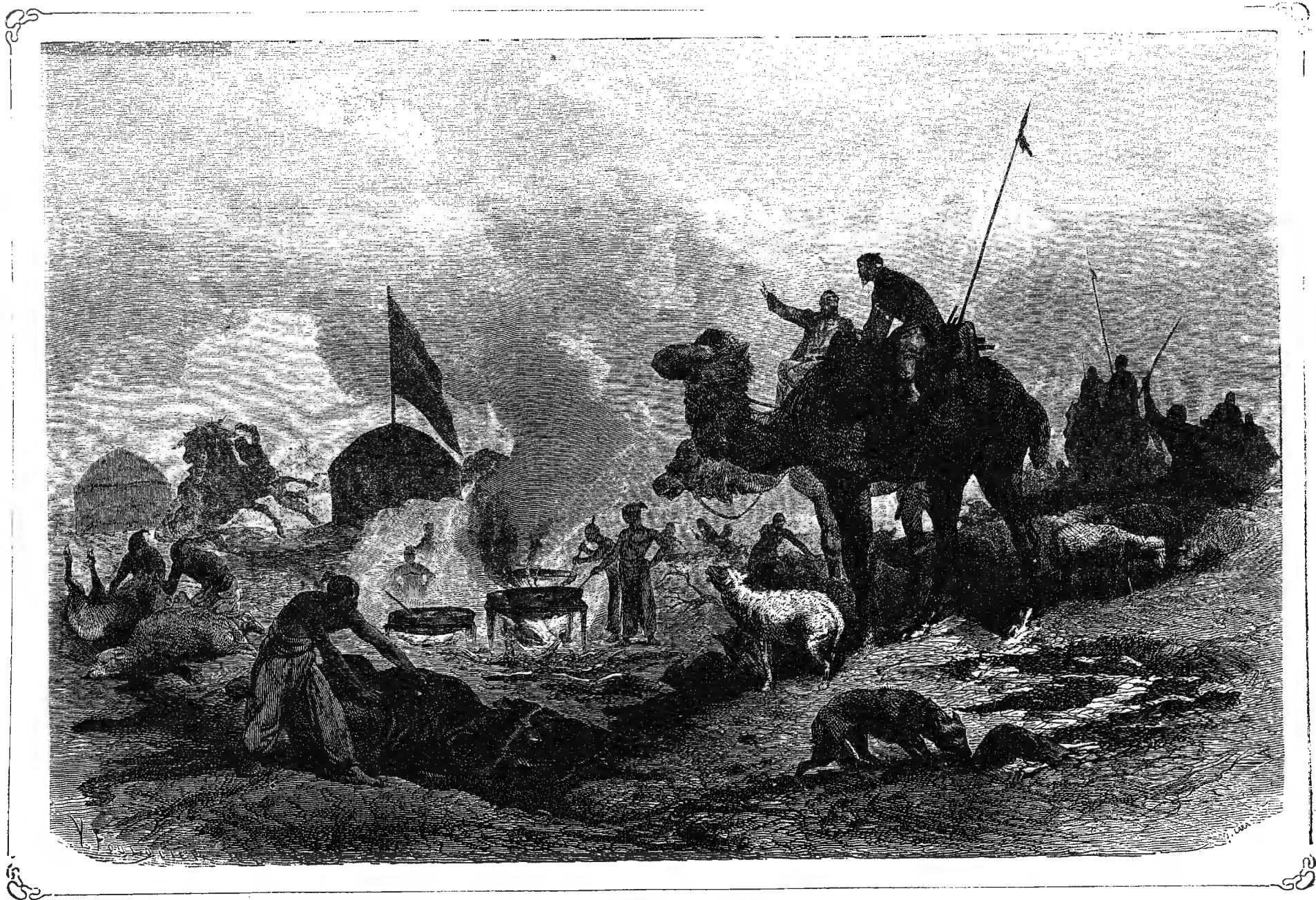
съ мяснымъ бульономъ; ее подаютъ сначала старшему, и отъ него она обходитъ уже всю собравшуюся публику. Затѣмъ слѣдуютъ кумысъ и айранъ, и наконецъ читается *бата* — пожеланіе хозяину всего хорошаго.

Хотя ужинъ этимъ совершенно заканчивается, но долго еще видны огни чрезъ «тюдюки» и слышны говоръ и пѣсни изъ ауловъ. Во всѣхъ юртахъ ведутся разговоры, рассказываются сказки. Старики, посѣдѣвшіе въ барантахъ, вспоминаютъ о своей молодости и возбуждаютъ духъ дѣтей рассказами о своихъ подвигахъ. Тутъ же поются пѣсни и играютъ въ разныя игры, преимущественно въ кости.

Ложатся спать около полуночи. Раньше, чѣмъ хозяйка ляжетъ, она обязана затушить огонь и закрыть тюдюкъ (дымовое отверстіе), чтобы нечистая сила не беспокоила обывателей.

Молодые джигиты уходятъ въ это время въ степь пасти табунны лошадей, которыя на ночь не пригоняются въ аулы. Скотъ же, собравшійся вокругъ юрты, оберегаютъ ночью дѣвушки, съ помощью собакъ. Киргизка до самой зари выкрикиваетъ пѣсни, чтобы ими отпугивать отъ стада волковъ, и нужно имѣть большую привычку, чтобы заснуть подъ этотъ крикъ и пѣсни.

Такимъ образомъ, вся тяжесть ежедневныхъ работъ лежитъ у киргизовъ на женщинѣ, всегда грязной и еще болѣе неопрятной, чѣмъ ея мужъ. Киргизка съ дѣтства приучается ѣздить верхомъ на лошади и должна потомъ справлять всю свою жизнь за мужчину всѣ домашнія работы. Вьючить юрты, ставить ихъ, готовить кушанья, кормить дѣтей, доить скотъ и смотрѣть за нимъ, обшивать семью, — все это лежитъ на обязанностяхъ женщины. Киргизы-мужчины ничего не дѣлаютъ. Только во время кочевокъ они отыскиваютъ мѣста для лѣтенокъ, да пасутъ изрѣдка лошадей въ отгонныхъ табунахъ; все же остальное время проводятъ въ *гуляньи* по степи. Проснувшійся мужъ потребуетъ ѣсть; поѣсть — сядетъ на лошадь, возьметъ ястреба или ружье, и отправится на охоту или поѣдетъ къ сосѣду въ

КИРГИЗСКІЕ ПОХОРОНЫ.

гости. А въ это время, жена, хотя бы и беременная, должна разобратъ юрту, навьючить ее на верблюдовъ, разсадить на вьюки дѣтей, и, прищипивъ животныхъ другъ къ другу, кочевать съ этимъ караваномъ на новое мѣсте, гдѣ спать ей же придется развьючить, поставить юрту и приготовить ѣсть проголодавшемуся мужу, который какъ разъ поспѣетъ домой къ тому времени, когда все готово. Переночевавъ, мужъ опять отправляется гулять по степи, въ надеждѣ натолкнуться на какое-нибудь развлеченіе, въ родѣ свадьбы, разбора дѣлъ бѣемъ, поминокъ, драки и т. под. На свадьбѣ онъ посмотритъ на игры, на судъ онъ послушаетъ, на поминкахъ перепадетъ ему что-нибудь отъ угощеній, а въ дракѣ онъ приметъ чью-нибудь сторону. Или вспомнитъ онъ какое-нибудь старое дѣло съ товарищемъ, гдѣ послѣ баранты его обдѣлили, и отправится къ бію разыскивать недоданное. Однимъ словомъ, киргизъ найдетъ себѣ развлеченіе. Жена же его не можетъ оторваться отъ юрты; уйди она—и все хозяйство киргиза пропало.

Такая жизнь легла тяжелымъ бременемъ на женскую половину киргизскаго народа. Киргизка въ 25 лѣтъ уже старуха. Вообще, она занимаетъ въ жизни кочевниковъ гораздо низшее мѣсто въ сравненіи съ мужчиною. Жена ѣсть отдѣльно отъ мужа, который посылаетъ ей остатки съ своего стола. За убійство женщины «куня» платится вдвое менѣе.

Не смотря на это, киргизскія женщины не проводятъ жизни взаперти, подобно прочимъ своимъ единовѣркамъ. Киргизка пользуется полною свободой, не удаляется отъ мужчинъ и не закрываетъ себѣ лица. Цѣня заслуги и познанія женщинъ въ хозяйствѣ, мужчины предоставляютъ имъ главное распоряженіе въ домѣ и очень часто сами прибѣгаютъ къ ихъ совѣтамъ. Вслѣдствіе этого, киргизская женщина играетъ большую роль не только какъ полная хозяйка дома, но и какъ членъ общества. На сходкахъ киргизовъ женщины подаютъ голосъ наравнѣ съ мужчинами, въ особенности по вопро-

самъ, касающимся общественныхъ нуждъ. Иногда даже мнѣніе женщинъ имѣетъ нѣкоторое преимущество надъ мнѣніемъ мужчинъ.

Народныя празднества у киргизовъ, исключая религіозныхъ мусульманскихъ праздниковъ, всѣ имѣютъ основаніе свое въ пастушескомъ кочевомъ бытѣ и довольно многочисленны, такъ какъ у киргизовъ даже важные случаи изъ частной жизни богатаго кочевника празднуются всенародно, цѣлыми родами. Главныя изъ киргизскихъ народныхъ празднествъ справляются ранней весной, по случаю выступленія съ зимовокъ на лѣтовки, и поздней осенью, когда киргизы рѣжутъ скотъ и заготавливаютъ мясо для домашняго обихода на зиму.

Въ день выступленія съ зимовокъ на кочевки, съ восходомъ солнца, всѣ молодые люди аула, нарядившись въ праздничное платье, садятся на лучшихъ копей, выбираютъ молодую, красивѣйшую женщину и вручаютъ ей знамя, состоящее изъ шеста съ привязаннымъ къ нему цвѣтнымъ платкомъ. Женщина или дѣвушка слѣдуетъ съ этимъ знаменемъ верхомъ на лошади, впереди каравана, къ избранному мѣсту кочевки, въ сопровожденіи толпы юношей и дѣвчатъ, при пѣсняхъ, скачкахъ и разныхъ играхъ. А за ними тянутся навьюченные верблюды съ юртами и пожитками, и гонятъ стада скота, разсыпаннаго по степнымъ равнинамъ. Достигнувъ мѣста первой лѣтовки, пожилыя киргизки начинаютъ устанавливать юрты, а молодежь снова принимается за скачки, бѣги, борьбу и прочія національныя киргизскія увеселенія, которыя будутъ описаны ниже. Дѣти, въ это время, ходятъ по юртамъ, поздравляя хозяевъ съ наступленіемъ весны, за что имъ даютъ кусочки курту, баранины и другихъ яствъ. Вообще праздники этотъ напоминаетъ татарскій «сабань».

Поздней осенью, когда киргизы уже возвратились на мѣста зимовокъ, они назначаютъ день, когда рѣжутъ скотъ и приступаютъ къ заготовленію мяса на зиму. Это обстоятельство сопровождается народнымъ празднествомъ, скачками, борьбой и прочими киргизскими увеселеніями. Каждый въ этотъ день зарѣжетъ хоть одного

барана. Бѣдныя, у которыхъ нѣтъ скота, пристроиваются къ богатымъ и всегда получаютъ отъ нихъ небольшія части мяса. Мясо, собранное въ этотъ день, обыкновенно солить, коптить, дѣлаютъ изъ него колбасы и проч. Все, заготовленное такимъ образомъ, носитъ названіе *суумъ*, часть котораго каждый долженъ отдать султану или манапу. Каждый родъ отбываетъ эту повинность по раскладкѣ народомъ на кибитку. Во время лѣтнихъ перекочевокъ, султаны также получаютъ *шибану* (вареное мясо) со всѣхъ ауловъ, лежащихъ на пути ихъ перекочевокъ.

Народныя киргизскія празднества сопровождаютъ также, какъ уже было упомянуто выше, всѣ болѣе или менѣе важные случаи изъ частной жизни каждаго киргиза, начиная съ факта его рожденія и кончая похоронами и поминками.

Роды женщины у киргизовъ обставлены варварскими условіями. Киргизка работаетъ до самыхъ родовъ. Въ случаѣ же трудныхъ родовъ, киргизы бросаютъ въ огонь кусокъ бараньяго жира и, пока онъ горитъ, молятся Богу, чтобы онъ облегчилъ страданія роженицы. Если случается при этомъ обморокъ, то киргизы бьютъ палками сначала по кибиткѣ, гдѣ лежитъ больная, а потомъ ударяютъ нѣсколько разъ ее самою, чтобы выгнать изъ нея *албасты-басу* — злаго духа. Или выбираютъ для этого лошадь съ свѣтлыми глазами, приводятъ ее въ кибитку и наклоняютъ мордой къ больной, чтобы напугать этимъ злаго духа. Иногда прибѣгаютъ и къ мусульманскимъ амулеткамъ, т. е. исписаннымъ какою нибудь молитвой изъ корана бумажкамъ, которыя проглатываютъ вмѣстѣ съ водою. Во время самыхъ родовъ, роженицу привѣшиваютъ за мыши къ *тандюку* (дымовому отверстию) для того, чтобы роды были легче. Всякая старуха считается при этомъ знающей акушеркой.

Если родится мальчикъ, то родители устраиваютъ праздникъ, въ которомъ принимаетъ участіе весь аулъ; праздникъ сопровождается, обыкновенно, скачками, борьбою и прочими киргизскими увеселеніями.

ми. Въ случаѣ же рожденія дѣвочки празднества не бываетъ, такъ какъ, по понятіемъ киргизовъ, дѣвочки не приносятъ счастья въ жизни. «Долго соль не береги, говоритъ киргизская пословица, — обратится въ воду; долго дочь не держи — обратится въ рабыню».

Имя поворожденному даетъ мулла. Прежде ребенокъ получалъ, обыкновенно, языческое имя своего родителя или какого нибудь близкаго родственника, прославившагося храбростью или наѣздничествомъ. Но въ послѣднее время все чаще и чаще стали встрѣчаться между киргизами имена мусульманскихъ святыхъ, благодаря усилившемуся вліянію мурлы.

Новорожденнаго киргизы купаютъ ежедневно въ соленой водѣ, послѣ чего каждый разъ натираютъ его масломъ или бараньимъ саломъ. Это дѣлается для того, чтобы окрѣпили суставы малютки. Особенно оберегаютъ его отъ дурнаго глаза, и каждая киргизка знаетъ множество средствъ противъ этого. По прошествіи 40 дней, рубашку, которую не снимали съ ребенка съ самаго дня его рожденія, снимаютъ и надѣваютъ на шею собаки для того, чтобы собака, съѣдая жирную, засаленную рубашку, приняла на себя и всѣ будущія болѣзни ребенка.

Не ральше, какъ чрезъ годъ по рожденіи, ребенку брѣютъ голову и обрѣзаютъ ногти. Когда ребенку минуло два-три года, его уже начинаютъ забавлять верховой ѣздой, устраивая для этого на сѣдлахъ удобные ящики, называемые «*культурмарчъ*» или «ачамай». Лѣтъ 7 или 12 мальчика обрѣзываютъ, послѣ чего устраивается праздникъ съ неизбѣжными скачками, борьбою и проч.

Невѣсть для своихъ сыновей киргизы высватываютъ въ то время, когда послѣдніе лежатъ еще въ люлькѣ. Вообще, для киргиза *свѣборъ свата* гораздо важнѣе, чѣмъ выборъ невѣсты. На ея лѣта и красоту не обращаютъ особеннаго вниманія, лишь бы сватъ былъ богатъ и хорошъ. При этомъ зажиточный киргизъ старается всегда породниться съ равнымъ себѣ по роду и знатности; напрімѣръ, «бѣ-

лая кость» не женится на «черной». Выбравъ себѣ по сердцу киргиза, у котораго есть дочь, киргизъ, отецъ жениха, развѣдываетъ предварительно о его намѣреніяхъ и затѣмъ уже посылаетъ къ нему сватовъ. Чѣмъ богаче отецъ жениха, тѣмъ онъ больше долженъ послать этихъ сватовъ; иногда ихъ отправляется дѣлая свита, человѣкъ изъ 10 или 15-ти.

Отецъ невѣсты принимаетъ ихъ съ нѣкоторой церемоніей, лѣтомъ — въ отдѣльной кибиткѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула, а зимою — въ юртѣ сосѣда, но никогда у себя дома. Этотъ пріѣздъ сватовъ называется *кудатусеръ*. Сваты должны условиться съ отцомъ невѣсты о калымѣ.

«Калымъ» (выкупъ жениха за невѣсту) сохранился въ киргизскихъ степяхъ въ первобытномъ видѣ. Цѣна его основана на «кунѣ», на платѣ за убійство женщины.

При заключеніи условія о «калымѣ», лошади очень часто замѣняются баранами и тогда каждая лошадь считается за 6 барановъ. Самое условіе скрѣпляется *батой* (молитвой), т. е. всѣ присутствующіе проводятъ руками по лицу. Иногда «бату» прочитываетъ приглашаемый на этотъ случай мулла.

По заключеніи условія о калымѣ, отецъ невѣсты устраиваетъ для сватовъ празднество съ неизбѣжными скачками, бѣгами и прочими играми, на которыя сходятся его знакомые и родственники, а преимущественно женщины и дѣвушки, каждая съ своими запасами провизіи.

Черезъ нѣсколько времени по приглашенію особыхъ *кудача-кручи* (сватовъ приглашателей), отправляются къ отцу жениха сваты со стороны отца невѣсты за полученіемъ части условеннаго калыма. Въ день пріѣзда этихъ сватовъ отецъ жениха устраиваетъ имъ празднество, но не такой шумный, какъ въ аулѣ отца невѣсты, потому что, какъ говорятъ киргизы, — «невѣста еще у отца». По-

дарки со стороны отца жениха бывають также не очень богаты, такъ какъ ему приходится еще уплачивать часть калыма.

Чаще всего случается, что въ этотъ пріѣздъ сватовъ уплата калыма совсѣмъ не производится, такъ какъ отецъ жениха, основываясь на киргизской пословицѣ: «все, что получаешь, есть богатство, а все, что отдаешь, есть несчастіе» и ссылался на разныя неблагопріятныя прижѣты, отдѣляется только тѣмъ, что отдариваетъ сватовъ за подарки его сватамъ.

Обжѣнявшись, такимъ образомъ, подарками, родители спокойно ждутъ, когда ихъ дѣти достигнутъ совершеннолѣтія, т. е. 12—15 лѣтнаго возраста. Въ слѣдующую затѣмъ весну, женихъ, въ сопровожденіи человѣкъ 4 или 5 своихъ сверстниковъ, ѣдетъ въ аулъ невѣсты. Онъ везетъ за собою часть калыма и подарки.

Не доѣзжая до аула, гдѣ живетъ его невѣста, женихъ, по крайней мѣрѣ, за четверть версты сходитъ съ лошади, которую и отправляетъ съ товарищами въ аулъ, самъ же остается въ степи. Товарищи его, объявивъ въ аулѣ о пріѣздѣ жениха, передаютъ лошадь дѣвушкамъ, родной сестрѣ невѣсты или близкой ей родственницѣ, которая впоследствии получаетъ за это подарокъ отъ жениха, называемый *атъ-байляръ*, т. е. за привязку лошади.

Узнавъ о пріѣздѣ жениха, женщины и дѣвушки аула, исключая близкихъ родственницъ невѣсты, выѣзжаютъ верхами встрѣчать жениха, захвативъ съ собою съѣстные припасы.

Между тѣмъ, въ аулѣ невѣсты, на значительномъ разстояніи отъ ея юрты, ставятъ для жениха отдѣльный «*кошгъ*», т. е. небольшую походную кибитку. Женщины приводятъ сюда жениха уже послѣ заката солнца, такъ какъ въ аулѣ невѣсты онъ не можетъ показываться днемъ. По понятіямъ киргизовъ, молодой человѣкъ долженъ совѣститься того, что онъ женихъ. Войдя въ свою кибитку, женихъ дѣлаетъ женщинамъ новые подарки — *чатыръ-байгазы*, за приго-

товленіе кибитки. Въ тотъ же вечеръ онъ посылаетъ отцу невісты за воспитаніе дочери, лучшую изъ своихъ лошадей, а матери, за вскормленіе невісты, лучшаго верблюда — *сутъ-аки* (плата за молоко).

Первый входъ жениха въ кибитку невісты называется *исыкъ-ачу* — «открыть двери». Войдя въ кибитку, женихъ дѣлаетъ три раза «тажимъ» (поклонъ): первый — умершимъ праотцамъ невісты, второй — главѣ дома, третій — матери невісты. Затѣмъ женихъ садится у двери, не доходя до очага, подлѣ котораго помѣщается мать невісты; она спрашивается у жениха о состояніи его «скота и души», потомъ даетъ ему молока и, съ словами: «дѣти играйте и веселитесь», уходитъ въ свое отдѣленіе за сундуки и тюки. Войдя за занавѣсъ къ своей невістѣ, женихъ здороваётся съ нею, говоря *исенъ-сычъ* — «здорова-ли?» Невѣста нѣкоторое время должна молчать, чтобы дать случай женщинѣ, находящейся при ней, получить отъ жениха подарокъ, называемый *суйлестру*, т. е. за принужденіе къ отвѣту. Вслѣдъ за тѣмъ другая женщина получаетъ отъ него подарокъ *тосенъ-саму*, т. е. за приготовленіе постели. Послѣ этого жениха и невісту оставляютъ въ покоѣ.

На слѣдующій день женихъ потихоньку уходитъ изъ юрты невісты въ свою палатку, но немного спустя, женщины опять приводятъ его въ юрту невісты, и такъ продолжается 7 дней.

Возвратившись послѣ этого въ аулъ своего отца, женихъ, чрезъ нѣсколько времени, опять ѣдетъ съ товарищами къ своему будущему тестю за окончательнымъ полученіемъ невісты. На этотъ разъ, кромѣ условленной части калыма, женихъ везетъ съ собою кошмы для юрты, лошадь для угощенія и два верблюда: *бикъ-якши* и *якъ-якши*, т. е. по верблуду въ голову поѣзда съ приданнымъ невісты и въ заключеніе его. Однако, и въ этотъ пріѣздъ жениху не скоро удается получить невісту. Чтобы подольше попировать на его счетъ, свадьбу отълаживаютъ со дня на день, отговариваясь не-

товностью приданаго. Иногда приходится жениху отдуваться своимъ карманомъ пѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, въ послѣдній день предъ выдачей невісты, назначается свадебный пиръ — *той*. Въ немъ принимаютъ участіе родственники и знакомые жениха и невісты. Празднество сопровождается угощеніемъ, пѣснями, скачками, борьбой и прочими увеселеніями. Для пѣсенъ дѣвушки усаживаются полукругомъ, а противъ нихъ становятся джигиты, выбирая каждый ту, которая ему нравится. Сначала поетъ мужчина, восхваляя въ импровизаціи свою возлюбленную. Ему отвѣчаетъ дѣвушка, также импровизируя. Когда одна пара кончитъ, начинаетъ пѣть другая. Гости расходятся поздно ночью. Въ этотъ вечеръ, на невісту, виѣсто обычной фески, надѣваютъ женскій головной уборъ — «джав-лукъ».

На утро молодые уѣзжаютъ въ аулъ отца жениха. Ихъ провожаютъ мать и братъ невісты. При этомъ невіста везетъ съ собою приданое, размѣры котораго зависятъ или отъ особаго уговора съ отцемъ жениха, или соотвѣтствуютъ цѣнности калыма, но всегда, впрочемъ, бывають меньше послѣдняго.

Пока молодые ѣдутъ съ приданнымъ, отецъ жениха выставляетъ въ своемъ аулѣ богато убранную юрту и готовится встрѣчать гостей. Молодая, войдя въ юрту, беретъ кусокъ сала и бросаетъ въ огонь чтобы онъ ярче горѣлъ; затѣмъ всѣ усаживаются, кромѣ отца жениха, который не долженъ входить въ юрту молодыхъ. Сама молодая помѣщается за занавѣской и принимаетъ отъ родственниковъ и знакомыхъ жениха подарки и сама ихъ отдариваетъ. Послѣ этого гостямъ подаютъ «достарханъ», угощеніе изъ разныхъ сладостей. У дверей юрты рѣжутъ, въ это время, барапа, голову котораго вносятъ въ юрту и выбрасываютъ чрезъ «тюдюкъ» (дымовое отверстіе), чтобы дымъ хорошо выходилъ. Въ заключеніе начинается пиръ, въ которомъ принимаютъ участіе родственники и одноаульцы жениха. Празднество сопровождается неизбѣжными скачками, борьбой, бѣгами

и проч., и продолжается иногда три дня, послѣ чего молодой окончательно поселяется въ кибиткѣ своей жены.

Религіозная сторона погребенія у киргизовъ общая для всѣхъ мусульманъ и обусловливается законамъ ислама. Обычная же сторона киргизскихъ похоронъ имѣетъ свои церемоніи.

Какъ только умеръ киргизъ, всѣ родственники выходятъ изъ кибитки и поселяются въ отдѣльной юртѣ. О смерти киргиза извѣщаютъ по всѣмъ сосѣднимъ ауламъ чрезъ нарочныхъ гонцовъ, и всякій обязанъ пріѣхать въ аулъ, гдѣ жилъ умершій, чтобы отдать ему послѣдній долгъ. Для этого въ аулѣ умершаго выставляется особая юрта, куда и кладутъ тѣло покойнаго, предварительно обмывъ его и завернувъ въ бѣлую бязь.

Жены умершаго собираются въ сосѣдную юрту; онѣ надѣваютъ особый головной уборъ съ чернымъ покрываломъ, обозначающимъ трауръ, и садятся спиной ко входу въ юрту. Тутъ начинается вой со всевозможными причитаньями. Въ знакъ особой печали, вдовы царапаютъ себѣ щеки до крови, что дѣлается очень ловко и безъ малѣйшей жалости къ своей собственной особѣ. Женамъ умершаго помогаютъ въ причитаньяхъ прибывшія женщины съ дѣтьми. Каждая, ни съ кѣмъ не здороваясь, спокойно входитъ въ юрту и тотчасъ присоединяется къ общему вою. Въ то время, когда женщины, въ юртѣ вдовъ, плачутъ и рвутъ себѣ щеки, всѣ прибывшіе мужчины заходятъ въ кибитку, гдѣ лежитъ умершій, и, совершивъ надъ его тѣломъ молитву, молча собираются также въ особую юртѣ. Когда гости собрались и все уже готово къ погребенію, тѣло умершаго кладутъ на чистую кошму и въ сопровожденіи муллы, родственниковъ и знакомыхъ несутъ къ могилѣ. Въ аулѣ остаются только женщины.

Хоронятъ покойниковъ по близости воды, на дорогахъ, для того, чтобы пріатели, родные и почитатели могли чаще имѣть случай исполнить молитву надъ умершимъ. Самое погребеніе совершается по мусульманскому закону. Но въ то время, когда начнутъ зарывать

тѣло умершаго, родственники его, по киргизскому обычаю, принимаютъ рвать на небольшіе куски заранѣе заготовленные матеріи такъ, чтобы всѣмъ хватило по куску. Какъ только могила зарыта, всѣ садятся вокругъ ея и читаютъ бату, по окончаніи которой сидятъ нѣкоторое время спокойно, въ ожиданіи *джартымыз* — (раздачи кусковъ). Вслѣдъ затѣмъ каждый получаетъ, сообразно его званію и состоянію, извѣстный кусокъ матеріи. Надъ могилой, послѣ этого, ставятъ памятникъ. Бѣдные люди складываютъ просто призму изъ сырца или изъ глины, а богатые ставятъ дорогія постройки изъ жженого кирпича, въ видѣ квадратныхъ или конусообразныхъ склеповъ съ отверстіемъ на верху, на подобіе юрты. Съ могилы всѣ ѣдутъ обратно въ аулъ умершаго, гдѣ происходитъ угощеніе. Женщины угощаются отдѣльно; вдовы же не имѣютъ права не только ѣсть, но даже и угощать другихъ, и ѣдятъ только ночью.

Но главная почестъ покойнику отдается въ самый большой киргизскій праздникъ, въ день *аша* — тризны, которая справляется ровно черезъ годъ послѣ смерти.

Все время между смертью и «ашемъ», киргизы употребляютъ на разныя приготовленія къ тризнѣ. Прежде всего, со дня смерти покойнаго, на кибиткѣ его выставляется бѣлый флагъ, если умершій былъ мужчина, и черный, если — женщина, и этотъ флагъ не снимается въ продолженіи всего года. Затѣмъ, всѣмъ любимымъ лошадямъ покойнаго подрѣзываютъ хвосты и пускаютъ на цѣлый годъ въ пастбище, предназначая ихъ на закланіе въ день «аша».

Весь этотъ годъ, до самаго дня «аша», жены покойнаго обязаны поддерживать свои щеки въ окровавленномъ видѣ. Онѣ должны также аккуратно начинать и оканчивать каждый день, въ продолженіи всего года, воемъ и причитаніемъ, въ чемъ имъ всегда находятся усердныя помощницы. Плачъ этотъ имѣетъ характеристическій напѣвъ, такъ что, слыша его, всегда узнаешь, гдѣ живетъ вдова.

Особенно заботятся киргизы объ угощеніи въ день аша. хлопоты

объ этомъ продолжаются цѣлый годъ, такъ какъ тризна обходится очень дорого и приготовленія къ ней весьма сложны. Хорошій «ашъ» стоитъ отъ 30 до 40 тысячъ рублей, и на него собирается до 15 тысячъ народа! Чтобы припять, увеселить, а главное — накормить мясомъ всю эту толпу, въ особенности съ такимъ желудкомъ, какъ у киргизовъ, нужно употребить для этого не мало хлопотъ и заручиться огромными средствами. Между тѣмъ тризна неизбѣжна. Ею опредѣляется слава умершаго и уваженіе къ нему. О большихъ ашахъ говорятъ нѣсколько лѣтъ, слагаютъ про нихъ пѣсни и вообще прославляютъ, умершаго и его родственниковъ. Какъ же уклониться отъ подобной чести, хотя бы и пришлось послѣ этого раззориться? Къ счастью киргизовъ, тризна у нихъ составляетъ, если не національное торжество то, во всякомъ случаѣ, *родовое празднество*. Поэтому, въ издержкахъ и приготовленіяхъ къ киргизскому ашу принимаетъ участие, обыкновенно, весь родъ покойнаго. Каждый родовичъ обязанъ хоть разъ въ годъ посѣтить юрту умершаго для совершения баты, а главное, долженъ привезти съ собой подарокъ, сообразный съ достоинствомъ умершаго. Не пріѣхать — значитъ нанести кровную обиду всему роду. До исполненія киргизомъ этого обычая, никто изъ родственниковъ покойнаго не можетъ посѣщать его. Если какая нибудь крайность помѣшаетъ быть на батѣ самому, то онъ долженъ послать для этого другаго киргиза и передать черезъ него подарокъ.

Подъѣзжая къ аулу умершаго, исправный киргизъ посылаетъ кого-нибудь впередъ извѣстить семейство умершаго, что онъ пріѣхалъ прочесть бату. Одинъ изъ семейства выходитъ встрѣчать пріѣзжаго, а женщины, пріодѣвшись, садятся въ юртѣ, по обѣимъ сторонамъ входа, и начинаютъ плачь, продолжая его до тѣхъ поръ, пока гость не исполнитъ баты и не уговоритъ ихъ замолчать. Послѣ этого, онъ вручаетъ семейству подарокъ, халатъ, кусокъ матеріи, лошадь, корову, верблюда, или барана и т. под. Все это собирается и хранится отдѣльно и должно быть употреблено на предстоящій ашъ.

За мѣсяцъ или за два до аша, родственники умершаго рассылаютъ приглашеніе родамъ, непременно черезъ ихъ вождей, принять участіе въ тризнѣ. Въ то же время приступаютъ къ выбору мѣста для сбора гостей, сортируютъ скотъ для угощенія и для разныхъ призовъ, опредѣляютъ заранѣе роль каждаго отдѣла и подѣ - отдѣленія въ родѣ, а также мѣру и характеръ участія ихъ въ расходахъ на тризну. Затѣмъ приступаютъ къ устройству самаго праздника. На мѣстѣ, избранномъ для отправленія аша, ставятъ почетнымъ гостямъ отдѣльныя юрты, число которыхъ доходитъ иногда до 1000. Остальные же гости должны размѣститься въ вибиткахъ прикочевавшихъ родовъ. При этомъ, для порядка, заранѣе опредѣляютъ: какіе отдѣлы и подѣ - отдѣленія какихъ гостей принимаютъ, такъ что уже каждый заранѣе знаетъ свое мѣсто.

Всѣ юрты размѣщаются по огромному кругу. Въ серединѣ ставятъ палатку, гдѣ каждый изъ гостей, въ теченіи аша, обязанъ прочесть бату по умершемъ. Недалекѣ отъ этой палатки, ставятъ другую большую юрту, надъ которой выставляютъ флагъ умершаго и въ которой помѣщается старшая жена покойнаго, съ ея дѣтьми. Она должна выть и причитать здѣсь и утромъ, и вечеромъ. По другую сторону молитвенной палатки ставится юрта безъ знамени, для младшихъ женъ покойнаго. Въ обѣихъ этихъ юртахъ поселяются также родственницы женъ, разиѣщаясь по родству съ ними. Обыкновенно, обѣ юрты раздѣляются на двѣ половины: открытая предназначена для вдовъ и старыхъ женщинъ, а молодя и дѣвушки помѣщаются за перегородкой. Женщины живутъ въ этихъ юртахъ во все время аша, занимаются разговорами и помогаютъ вдовамъ причитывать и плакать, когда тѣ устанутъ. Если у умершаго есть взрослая дочь, то она поетъ пѣсню, рассказывая въ ней болѣе замѣчательные случаи изъ жизни умершаго. Мужчины размѣщаются по юртамъ почетныхъ гостей и по вибиткамъ прикочевавшихъ киргизовъ, группируясь по родамъ отдѣламъ и подѣ - отдѣленіямъ.

Праздникъ аша продолжается семь дней.

Первые шесть дней, все помѣтившіеся не въ палаткахъ почетныхъ гостей, а въ кибиткахъ прикочевавшихъ родовъ, питаются чѣмъ Богъ послалъ. Почетнымъ же гостямъ отпускаютъ для ежедневнаго продовольствія на каждую юрту по два барана въ день. Болѣе почетнымъ присылаютъ, кромѣ того, рису, чаю, орѣховъ, кумысу и проч., одѣляютъ ихъ также кониной, такъ какъ это мясо считается лакомствомъ. Въ послѣдній же день аша, въ счетъ собранныхъ подарковъ продовольствуется уже весь народъ, т. е. не только живущіе въ выставленныхъ юртахъ, но и тѣ, которые живутъ по кибиткамъ прикочевавшихъ ауловъ. Для прокормленія ихъ заготавливаютъ варенное мясо еще до наступленія аша; варятъ мясо въ теченіи нѣсколькихъ дней. Обыкновенно приходится рѣзать 20 — 30 лошадей и до 1000 барановъ. Заготовленное такимъ образомъ мясо сохраняется до седьмага дня аша и роздается наканунѣ, вечеромъ шестаго дня.

Кромѣ угощенія, во время аша каждый день бываютъ какія-нибудь игры, состязанія, скачки, и, наконецъ, въ утро послѣдняго, седьмага дня, ашъ завершается большой скачкой-*байгой*, которая собственно и составляетъ славу тризны. Состязанія, въ теченіи аша, идутъ въ такомъ порядкѣ:

Первый день, обыкновенно, проходитъ въ сборѣ и размѣщеніи гостей.

Во второй день назначается стрѣльба въ ямбу, китайскую монету. Ямба привязывается за три нитки въ верхушкѣ трехъ-саженной мачты. Всадники должны сбить ямбу пулею или стрѣлою на полномъ скаку. Сбившій ямбу, получаетъ ее въ призъ себѣ, при всеобщемъ участіи народа.

На третій день устроивается скачка трехъ-лѣтнихъ лошадей (*кумаковъ*). Скачутъ дѣти на разстояніи 20-30 верстъ. Призовъ выставляется 9, большею частію мелкихъ; первый призъ состоитъ,

обыкновенно, изъ верблюдовъ; послѣдній—изъ двухгодовалого жеребенка. Въ тотъ же день устраивается *кызъ-качаръ*-скачка за дѣвушкою. Молодые дѣвушки и молодые джигиты собираются группами верхомъ на коняхъ. Одна изъ лучшихъ наѣздницъ выскакиваетъ и мчится впередъ; за нею гонится избранный товарищами лучший джигитъ. Если онъ успѣетъ догнать красавицу, то цѣдуетъ ее, усаживаетъ къ себѣ на лошадь и тихимъ шагомъ возвращается съ нею обратно, при общихъ восторженныхъ привѣтствіяхъ. Если же погоня его не удалась, то дѣвушка, доскакавъ до барьера, быстро поворачиваетъ назадъ, и тогда лихой джигитъ долженъ, въ свою очередь, поскорѣе спастись отъ нея; ловкая наѣздница, догоняя джигита, что есть силы бьетъ его нагайкой, и иногда, при общемъ восторгѣ присутствующихъ, сбиваетъ ему шанку. Послѣ этого, проваливагося джигита прогоняютъ съ поля состязанія нагайками.

Въ четвертый день происходитъ *союмъ*—поединокъ на пикахъ. Для поединка выбираютъ два ловкіе джигита, непременно изъ различныхъ родовъ и неродственники между собою. Соперники надѣваютъ на себя кольчугу, нѣсколько халатовъ, голову обвязываютъ платками, и, такъ какъ побѣда доставляетъ славу всему роду побѣдителя, то имъ даютъ самыхъ лучшихъ лошадей. Бойцы вооружаются длинными шестами съ тупымъ концомъ. Народъ размѣщается вокругъ, оставляя арену для бойцовъ, которые выѣзжаютъ на нее съ противоположныхъ сторонъ. Цѣль поединка — выбить противника изъ сѣдла; но такъ какъ киргизы все отличные наѣздники, то дѣло это трудное. Поэтому, соперники нарываютъ или убить одинъ другаго, или нанести противнику такой ударъ въ бокъ или лицо, чтобы ему уже нельзя было драться. Если же при этомъ у одного изъ бойцовъ выбьютъ глазъ, то это ничего, дозволяется перевязать глазъ и, если боецъ желаетъ, можетъ снова вступить въ бой. Отказъ въ этомъ равносителенъ пораженію. Ярость и азартъ бойцовъ въ поединкѣ на пикахъ всецѣло сообщаются зрителямъ, страсти родовъ разгораются,

и тутъ достаточно малѣйшаго повода, чтобы вызвать всеобщую свалку въ народѣ. Побѣжденнымъ въ поединкѣ считается только убитый или выбитый изъ сѣдла. Призомъ за такую битву служитъ 1 верблюдъ и 8 лошадей, но большею частію 2 или 3 верблюда. Въ тотъ же день происходитъ иногда борьба киргизскихъ батырей. Два силача выходятъ въ однихъ шароварахъ, перетянутыхъ кушаками, и измѣривши другъ друга глазами, схватываются. Иногда одинъ удачный приѣмъ рѣшаетъ борьбу. Но нерѣдко силы у обоихъ равны. Поэтому борцы долго ходятъ, перегибая одинъ другаго. Между тѣмъ толпа подстрекаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ, гиканьемъ. Тогда-какойнибудь изъ борцовъ, уловивъ удобную минуту, отбрасываетъ противника въ сторону, или, приподнявъ, осадить такъ крѣпко, что заставитъ его упасть. Иногда побѣжденный и послѣ этого не сдается, и тогда оба противника валяются по землѣ, покуда которыйнибудь не осилитъ.

Въ пятый день происходитъ скачка четырехъ-лѣтнихъ лошадей. Призы небольшие. Расстояніе до 50 верстъ въ оба конца. Въ тотъ же день повторяется иногда *кызъ-качаръ*—скачка за дѣвушкой.

Шестой день весь проходитъ въ приготовленіяхъ къ большой скалкѣ—«байгѣ», и въ назначеніи призовъ, число которыхъ бываетъ обыкновенно 15. Вечеромъ, какъ уже было упомянуто, роздаютъ вареное мясо народу.

Седьмой день составляетъ сущность аша и обходится дороже всѣхъ дней. Въ этотъ день призы назначаются огромные. Иногда одинъ первый призъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: краснаго товара на 100 рублей, 30 верблюдовъ, 100 лошадей, 30 коровъ и 500 барановъ. Нерѣдко для перваго приза выставляется цѣлая юрта, убранная коврами и шелковыми тканями, и при ней 500 гуницъ и 300 лошадей. Бываютъ и такія байги, на которыхъ первый призъ состоитъ изъ 100 верблюдовъ, 100 лошадей, 100 коровъ, 100 барановъ, 100 рублей, 100 кокановъ, 100 аршинъ сукна, 100 ар-

шинъ шаи (канауса) и 100 концовъ маты. Слѣдующіе призы изъ числа 15 значительно меньше. Послѣдній призъ составляютъ 2 или 3 лошади. Такая непомѣрная разниця между первымъ и прочими призами заставляеть всѣхъ бить на первенство и прибѣгать съ этой цѣлью ко всевозможнымъ уловкамъ.

Киргизы готовятъ лошадей къ байгѣ 3 и 4 мѣсяца. Все это время ихъ поятъ лошадинымъ молокомъ, кормятъ только овсомъ, туго стягиваютъ животъ, окутываютъ теплой войлочной попоной, чтобы возбудить испарину, и ежедневно, утромъ и вечеромъ дѣлають имъ проѣздки. Для этого мальчики лѣтъ 9—10 скачутъ на нихъ, съ каждымъ днемъ увеличивая разстояніе. Эти же мальчики участвуютъ потомъ и въ самой байгѣ, въ качествѣ наѣздниковъ. Имъ владутъ, вмѣсто сѣдла однѣ попоны, и чтобы мальчикъ могъ вынести весь карьеръ, его перетягиваютъ кушакомъ крестообразно.

Во избѣжаніе путаницы при раздачѣ призовъ, разстояніе назначаютъ огромное, отъ 80—100 верстъ въ оба конца. При этотъ скачка происходитъ не по кругу, а въ прямомъ направленіи, по степной дорогѣ. Число участвующихъ скакуновъ всегда произвольно.

Скачка верхъ наслажденія для киргиза! Онъ смотритъ на нее съ лихорадочнымъ напряженіемъ. Хозяину также лестно отличиться скакуномъ. Молва о хорошей лошади разносится далеко по степи. Да и по самому свойству киргизскаго быта, бѣгунцы имѣютъ у нихъ важное значеніе и нерѣдко выручаютъ киргиза изъ опасности, спасая ему жизнь. Поэтому понятно то лихорадочное нетерпѣніе, съ какимъ всѣ киргизы ждуть байги.

Въ назначенный часъ, завѣдующій байгой—«гайдавши», имѣющій при себѣ на всякій случай нѣсколько перемѣнныхъ лошадей и наблюдающій за правильностью скачки, подаетъ сигналъ сбора, разѣзжая передъ зрителями и трубя въ «сурну», деревянную трубу съ рѣзкимъ, невыносимымъ звукомъ. Когда наѣздики собрались, они проѣзжаютъ разъ или два передъ зрителями, которые любятъ

ея скакунами и предсказываютъ имъ успѣхъ или неуспѣхъ, но при этомъ пари никогда не держатъ. Затѣмъ по знаку «гайдаши», всѣ бѣгунцы крупной рысью отправляются до заранѣе выбраннаго мѣста, съ котораго долженъ начаться бѣгъ. Мѣсто это назначается въ разстояніи 40 — 50 верстъ, такъ что лошадямъ приходится пробѣжать въ одинъ приемъ, туда и обратно, отъ 80 — 100 верстъ! Достигнувъ назначеннаго мѣста «гайдаши» устанавливаетъ бѣгунцовъ рядомъ и наблюдаетъ, чтобы не выѣхалъ кто-нибудь впередъ; затѣмъ пускаютъ всѣхъ бѣгунцовъ разомъ..

Едва только увидитъ толпа мчащихся всадниковъ, какъ приходитъ просто въ изступленіе! Крики или, лучше сказать ревъ оглушительный наполняетъ воздухъ и разносится далеко по степи!

Но при всей замѣчательной выносливости и неутомимости киргизскихъ лошадей, только немногіе скакуны могутъ выдержать эту необычайно дикую скачку на такомъ огромномъ разстояніи. Большая часть лошадей гибнетъ, не проскакавъ и половины разстоянія до флага. А если которыя и приходятъ, то лучшія только легкой рысью, а прочія — шагомъ. Случается, что наѣзники идутъ пѣшкомъ и погоняютъ лошадь, лишь бы она добрела до цѣли... Можетъ быть ни одна лошадь и не доскакала бы до нея, если бы, по киргизскому обыкновенію, имъ не помогли и не дотащили до флага. Чтобы выиграть первый призъ, киргизы прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, даже къ насилію. Особенно популярнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ считается *кутерма*. Человѣкъ 20 родственниковъ хозяина лошади выѣзжаютъ верхомъ на встрѣчу ей, верстъ за 20 — 30 отъ флага, и, выждавъ своего протеже, на всѣхъ скаку снимаютъ съ него мальчика, чтобы облегчить лошадь; затѣмъ человѣкъ пять подхватываетъ ее за *чумбуры* (арканы), и, скача впередъ тянутъ ее за собою, а остальные родственники, слѣдуя съ боку, попускаютъ лошадь впередъ крикомъ, визгомъ и нагайками. Такимъ образомъ, въ скачкѣ, мало по малу, принимаетъ участіе почти весь

собравшійся народъ; одни скачутъ, чтобы помочь лошади дотащиться до мѣста, другіе это дѣлаютъ изъ любопытства, и какъ тѣ, такъ и другіе сопровождаютъ скачку пронзительнымъ крикомъ, визгомъ, гиканьемъ, гамомъ..

Если впередъ скачетъ одна лошадь, безъ этихъ провожатыхъ, то ее, не стѣсняясь, останавливаютъ, мальчика сбиваютъ, а иногда даже убиваютъ... Однимъ словомъ, принимаются всѣ мѣры, законныя и незаконныя, чтобы только выиграть первый призъ! За то многія изъ доскакавшихъ до флага лошадей падаютъ тутъ же, другія едва волочатъ ноги... По обычаю, существовавшему до занятія края русскими, было принято давать призъ, даже если лошадь сама и не дошла до флага, а привезли ее голову..

Этой скачкой завершается ашъ, и гости уже прямо ѣдутъ по домамъ, не заѣзжая въ юрты. Случается, что наследники покойнаго, воздавъ ему честь, возвращаются домой нищими.

Музыка киргизовъ почти вся заключается въ «сурнѣ», деревянной трубѣ, имѣющей величину и форму кларнета, въ узкій конецъ которой вставляется гусиное перо. Этотъ инструментъ, издающій пронзительный звукъ, употребляется по большей части въ дорогѣ; вромѣ того есть струнный инструментъ, въ родѣ нашей балалайки. На войнѣ и барантѣ «сурна» замѣняетъ сигнальный рожокъ. Богатыя киргизы непременно имѣютъ каждый своего *сурначи*, который разгоняетъ ихъ думы, наигрывая пѣсни о славныхъ подвигахъ ихъ самихъ и ихъ предковъ.

Пѣсни киргизскія, распѣваемые чрезвычайно монотоннымъ и то-селивымъ голосомъ, состоятъ обыкновенно изъ импровизацій, въ которыхъ рассказывается о подвигахъ батырей, о взаимныхъ распряхъ киргизскихъ племенъ и родовъ, о свободѣ, о завоеваніяхъ русскихъ и т. под.

КАВКАЗСКІЕ ЖИТЕЛИ.

За чертою области войска Донскаго начинается кавказскій край, то есть широкій перешеекъ протянувшійся отъ Чернаго до Каспійскаго моря и ограниченный съ сѣвера областью Донскаго войска и Астраханскою губерніею, а съ юга границею Россіи съ Турціею и Персіею. По характеру своему этотъ перешеекъ самую природою раздѣленъ на три характеристичныя отдѣльныя части: *Предкавказье*, — продолженіе равнинныхъ степей южной Россіи; *Кавказъ* — горный хребетъ съ своими отрогами, протянувшійся на тысячу верстъ отъ Тамани до Баку, и наконецъ *Закавказье* — лежащее по южную сторону хребта до государственныхъ границъ.

Сѣверная часть Предкавказья есть степь безлѣсная и почти безводная, всѣ рѣчки которой бѣдны водою, весьма дурнаго качества и въ лѣтнее время почти всѣ высыхаютъ. Хотя во всѣхъ поселеніяхъ, расположенныхъ по теченію этихъ рѣчекъ, господствуетъ постоянный смрадъ отъ гнющей воды, видъ жителей однако здоровый, изъ чего можно заключить, что въ гигиеническомъ отношеніи вода эта не производитъ дурныхъ послѣдствій.

Зимую морозы доходятъ здѣсь до 20°; вьюги и мятели свободно гуляютъ по степи и самый путь держится съ декабря до начала марта.

По мѣрѣ движенія на югъ степной характеръ мало по малу исчезаетъ. Сначала вдали виднѣются деревья, самая мѣстность дѣлается волнистою; это — возвышенная плоскость, перерѣзанная балками и оврагами. Съ Георгіевска и Пятигорска мѣстность дѣлается еще разнообразнѣе: появляются рѣчки, лѣса, рощи и вообще страна становится видимо плодороднѣе. Эта вторая полоса имѣетъ слишкомъ 800 верстъ длины и на ней лежатъ обширныя равнины, Кубанская, Закубанская, Кабардинская, Владикавказская и Чеченская. Плодородная почва, роскошныя травы и теплый климатъ составляютъ отличительную принадлежность и характеристику этой мѣстности.

Хотя близость снѣговыхъ горъ и бываетъ причиною, что на высокихъ плоскостяхъ этой части морозы доходятъ до 20°, тѣмъ не менѣе полоса эта, обильная лѣсомъ, наполнена фруктовыми деревьями между которыми не рѣдко встрѣтитъ черносливъ, персики, абрикосы, шелковицу, груши, бергамоты и виноградъ. Урожай здѣсь громадные, а трава высотой въ ростъ человѣка.

Кавказскій хребетъ съ его отрогами составляетъ громадный естественный рубежъ, раздѣляющій диагонально весь перешеекъ на двѣ неравныя части: сѣверную и южную. Съ кабардинскихъ полей кавказскій хребетъ представляетъ поразительно художественный видъ. Вѣчно снѣжныя вершины его ярво рисуются на небѣ и блестятъ солнечнымъ свѣтомъ, прихотливо играющимъ во впадинахъ, по выпуклостямъ, и переходящимъ то въ нѣжно голубой, то туманно-синій и бѣлый. Начинаясь у Анапы, горы идутъ въ юговосточномъ направленіи, и изъ общаго пространства края въ 8,000 квадратныхъ миль занимаютъ 3,857 миль; остальное пространство остается на долю равнинъ и плоскихъ возвышенностей.

Сѣверная или передняя гряда состоитъ изъ низшихъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, называющихся *Черными* горами; за ними почти параллельно идутъ болѣе высокія горы, болѣе крутыя и обрывистыя, а въ срединѣ пролегаетъ главный Кавказскій хребетъ. По южную сторону главнаго хребта опять тянутся голыя, крутыя и обрывистыя горы, а еще далѣе за ними лѣсистыя, отъ подножія которыхъ и начинается *Закавказскій* край. Высочайшія вершины Кавказскаго хребта суть: *Казбекъ*, поднимающійся на 16,546 футовъ, и *Элборусъ*—на 18,571 футовъ.

Отъ горы Барбало въ главномъ хребтѣ отдѣляется вѣтвь въ сѣверовосточномъ направлеиіи, извѣстная подъ названіемъ Андійскаго хребта. Треугольное пространство, ограниченное Андійскимъ хребтомъ, главнымъ кавказскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, есть Дагестанъ. Онъ состоитъ изъ хаоса горъ, безлѣсныхъ и каменистыхъ.

Все Закавказье, то есть пространство по южную сторону Кавказскаго хребта до самой турецкой и персидской границъ, за исключеніемъ небольшихъ частей, наполнено горами. Горы, наполняющія это пространство, извѣстны подъ именемъ Малаго Кавказа.

Племенной составъ жителей Кавказскаго и Закавказскаго края чрезвычайно разнообразенъ. Въ сѣверозападной части Кавказскаго перешейка по обѣимъ сторонамъ хребта — живутъ *адиге* или *черкесы*. Отъ предгорій Эльбруса до верховій Сунжи — живетъ тоже племя подъ названіемъ *кабардинцевъ*. По берегу Чернаго моря въ сосѣдствѣ съ черкесами живутъ *убыхи*; далѣе *абхазцы*; южнѣе кабардинцевъ — *осетины*; по бассейну Сунжи — *чеченцы*, а въ сосѣдствѣ съ ними — *кумыки*; Дагестанъ занятъ аварскимъ племенемъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ *лезгинскаго*.

Въ Закавказскомъ краѣ къ абхазскому племени примыкаютъ *сванеты*, а все пространство на югъ отъ Абхазіи, отъ Чернаго моря и

почти до сліянія рѣки Куры съ Алазанью, занято племенемъ картвельскимъ или грузинскимъ, къ которому кромѣ *грузинъ* принадлежатъ: *имеретинцы*, *мингрельцы* и *гурійцы*. Нѣкоторые къ грузинскому же племени относятъ: *тушинъ*, *шаповъ* и *хеосуровъ*. Часть ахалцыхскаго уѣзда и уголь между Курю и Араксомъ, равно какъ и вся возвышенная плоскость Малаго Кавказа, населены *армянами*, перемѣшанными съ другими племенами. Между грузинами и армянами поселились *персіяне* и *татары*.

Таковы главныя племена и народности Кавказскаго перешейка. Но необходимо замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ племенъ дробятся на множество отдѣльныхъ обществъ, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя населяютъ горы. Тамъ каждая долина рѣки представляетъ собою какъ бы отдѣльное общество, имѣющее весьма мало сношеній съ сосѣдами. Такая раздѣльность объясняется характеромъ природы Кавказскаго края. Значительная высота горныхъ хребтовъ дѣлаетъ доступъ къ нѣкоторымъ обществамъ весьма затруднительнымъ. Часто только одна пѣшеходная тропа соединяетъ два общества, но и та бываетъ доступна только въ теченіи двухъ, а много четырехъ мѣсяцевъ; въ остальное время года глубокія пропасти, заваленныя рыхлымъ снѣгомъ, сглаживаются, и каждый шагъ путника дѣлается опаснымъ. Вьюги и мятели, сбрасывающія съ сосѣднихъ горныхъ хребтовъ снѣговыя завалы, сильныя и порывистыя вѣтры, свирѣпствующіе на перевалахъ, дѣлаютъ сообщеніе съ сосѣдами невозможнымъ. Предоставленные исключительно самимъ себѣ, одинокіе въ своей жизни, запертые со всѣхъ сторонъ въ своей котловинѣ, жители усвоили себѣ дикій и суровый характеръ, какъ дика и сурова окружающая ихъ природа. Эта уединенность и замкнутость суть единственныя причины, что многія поколѣнія одного и того же племени живутъ различною жизнью, имѣютъ неодинаковыя нравы и обычаи и даже говорятъ особымъ нарѣчіемъ, нерѣдко трудно понимаемымъ сосѣдями-единоплеменниками.

Описаніе народовъ Кавказа мы начнемъ съ черкесовъ, которые въ прежнее время занимали Черноморское побережье и склоны Кавказскаго хребта. Съ покореніемъ Кавказа большинство черкесскихъ племенъ удалилось въ Турцію, а оставшіяся въ небольшомъ числѣ выселены изъ горъ на плоскость.

XXX. ЧЕРКЕСЫ ИЛИ АДЫГЕ.

Характеръ, бытъ и религія.

До полного покоренія Кавказа, Черноморскій кавказскій берегъ, значительная часть обоихъ склоновъ Кавказскаго хребта, Кубанская равнина и большая половина Кабардинской плоскости были заняты племенемъ, которое, по завоеваніи всего Кавказа, отчасти удалилось въ Турцію, а частью было выселено изъ горъ на плоскость. Племя это черкесы, которые сами себя называютъ адыге, что на всѣхъ нарѣчіяхъ этого племени означаетъ островъ. Происхождение названія черкесъ объясняютъ различно. Одни стараются объяснить начало этого названія отъ Чера и Кеса, по преданіямъ бывшихъ, будто бы, первыми родоначальниками адыгскаго народа; другіе говорятъ, что черкесъ есть слово татарское, данное отъ рѣчки Черекъ, извѣстной кровопролитными битвами, происходившими между татарами и кабардинцами; наконецъ дагестанцы и всѣ остальные жители Закавказья называютъ черкесовъ «саръ-кясъ», что означаетъ сорви-голова, головорѣзь. Отъ послѣдняго названія произошло испорченное слово черкесъ, данное народу, отъ хищническихъ нападений котораго сосѣди весьма много терпѣли.

Откуда бы ни произошло названіе черкесъ, оно стало однако у насъ гораздо популярнѣйшимъ и болѣе употребительнымъ, чѣмъ

КАВАРДИНЕЦЪ.

ГРУЗИНСКІЕ ТИЦЫ.

слово адыге, служащее выраженіемъ одинаковости происхожденія и одноплеменности многихъ отдѣльныхъ поколѣній черкесскаго народа, которыя не отличаются другъ отъ друга ни языкомъ, ни нравами и обычаями.

Многочисленное черкесское племя (адыге) раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ поколѣній, извѣстныхъ подъ различными именами и названіями, какъ-то: кабардинцы, живущіе въ Большой и Малой Кабардѣ; бесленеевцы, мохосевцы, хатюкойцы, темиргоевцы, абадзехи, шапсуги, бжедухи, убыхи и разныя другія болѣе мелкія племена.

Внутренняя жизнь черкеса была всегда тревожна, всегда взволнована; постоянно какой нибудь вопросъ да занималъ общество. То народное собраніе подымало на ноги весь народъ, или въ аулѣ происходило какое-нибудь разбирательство; то ходила въ народѣ ложная, преувеличенная вѣсть о грозящей опасности; то сборъ партій, то набѣгъ; то дѣйствительное вторженіе нашихъ войскъ въ ихъ предѣлы, или наконецъ, появленіе въ горахъ шейха (святаго), проповѣдывавшаго покаяніе.

Между черкесами встрѣчалось много такихъ лицъ, которыя выросли безъ призранія, безъ воспитанія и религіи, и не имѣли рѣшительно никакой собственности; никто не могъ сказать откуда явились такіе люди. Желая сдѣлать свое существованіе не только возможнымъ, но и пріятнымъ, они, вромѣ воровства, не имѣли никакихъ другихъ средствъ. Это были бездомные бродяги, или *абреки*. Обстоятельства ихъ, естественнымъ образомъ, сложились такъ, что жить и воровать было для нихъ одно и то же; воровать у непріятеля или у своихъ,—все равно: въ этомъ заключалась цѣль ихъ существованія и единственное занятіе.

Обычай мстить за кровь, или кровомщеніе, было необузданное чувство и вмѣстѣ обязанность, налагаемая честью, общественнымъ мнѣніемъ и личнымъ убѣжденіемъ cadaго черкеса.

При совершеніи кровомщенія не было ничего рыцарскаго и откровеннаго. Кровоместникъ (зе-пи) убивалъ изъ засады, истреблялъ хлѣбъ и сѣно враждебнаго ему семейству, зажигалъ ночью савли, крадъ дѣтей и продавалъ ихъ въ рабство и неволю. Все это дѣлалось воровски, скрытно, съ удаленіемъ отъ себя, по возможности, всякой опасности. Предпримчивый кровоместникъ, въ теченіи короткаго времени, могъ столько надѣлать вреда, что обидившее его семейство принуждено бывало просить черезъ посредниковъ мира и удовлетворить обиженнаго установленною обычаемъ платою за кровь.

Для кровомщенія нѣтъ ни дружбы, ни родства, нѣтъ и опредѣленнаго времени, въ которое должна быть совершена месть. Проходятъ годы и десятки ихъ, происшествіе забывается среди общества, но не забываетъ его кровоместникъ и ищетъ удобнаго случая къ мщенію.

Въ прежнее время, черкесы всѣ исповѣдывали христіанскую религію. Пѣсни, сказки и преданія черкесовъ свидѣтельствуютъ, что христіанство введено было при Юстиніанѣ; что при немъ воздвигнуты были храмы, постановлены священники (шогени), изъ которыхъ главный, съ званіемъ епископа (шехниеъ), по преданію жилъ въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости Нальчика, на мѣстѣ и до сихъ поръ извѣстномъ народу подъ именемъ дѣсистаго кургана.

Потерявъ нить истинныхъ христіанскихъ обрядовъ, черкесы не могли оставаться вовсе безъ религіи, въ состояніи несродномъ человечеству, и потому примѣшали къ своимъ религіознымъ вѣрованіямъ понятіе о многобожій, установили посты и праздники въ честь разныхъ святыхъ и почитаемыхъ ими боговъ и, такимъ образомъ, незамѣтно для нихъ самихъ, отпали совершенно отъ христіанства.

Въ такомъ положеніи были религіозныя понятія черкесовъ, когда,

въ началѣ XVIII столѣтія, въ предѣлы ихъ страны стало проникать ученіе Магомета.

Исламъ не коснулся однако большей части простаго класса черкесскаго народа, особенно бывшихъ жителей морскаго побережья и гористыхъ ущелій. Они оставались безъ опредѣленнаго вѣрованія, придерживались обрядовъ жертвоприношенія и возліянія. Деревянный, особой формы крестъ, прислоненный къ дереву, былъ единственнымъ символомъ ихъ поклоненія. У нихъ не было ни церквей, ни особыхъ молитвенныхъ домовъ или жертвенниковъ.

Вообще жители морскаго побережья и горныхъ ущелій, не имѣя опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, составили свою собственную религію, состоящую изъ смѣси язычества, христіанства и исламу.

Шаткость религіозныхъ убѣжденій и жизнь, проводимая въ постоянной опасности, сообщили черкесу такія особенности характера, которыя, въ основаніи своемъ, противорѣчатъ другъ другу. Храбрые по природѣ, привыкшіе съ дѣтства бороться съ опасностью, черкесы въ высшей степени пренебрегали самохвальствомъ.

Будучи чрезвычайно впечатлительны, черкесъ легко увлекается но весьма скоро и приходитъ въ себя. Въ обращеніи съ соплеменниками онъ вѣжливъ, почтителенъ къ старшимъ, откровененъ, говоритъ смѣло и рѣзко то, что думаетъ. Въ обращеніи съ русскими былъ всегда вѣроломъ, холоденъ, натянутъ. Легкомысленный на общанія, о скоромъ исполненіи обѣщаннаго мало думалъ. Страхъ дѣйствовалъ на черкеса мгновенно и сильно, но онъ скоро оправлялся и потомъ, съ необыкновенною настойчивостью продолжалъ прежнее, какъ бы дорого за это ему ни пришлось заплатить. Съ необыкновенною гибкостью переходилъ онъ отъ пирушки къ дѣятельности, отъ молитвы къ воровству, отъ благочестія къ злодѣянію. Религія была его единственная опора; но когда онъ не боялся наблюденія за собою соотечественниковъ, то весьма легко уклонялся отъ исполненія

религіозныхъ обрядовъ и правилъ. Эта черта характера проявлялась и въ бою.

Когда черкесъ находился въ составѣ партіи и принужденъ былъ сражаться въ присутствіи своихъ товарищей, то выказывалъ удивительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвованія. Онъ зналъ, что подвиги его видятъ все, что храбрость его съ избыткомъ будетъ вознаграждена общою молвою; но на одиночномъ хищничествѣ, гдѣ не было свидѣтелей его поведенія, черкесъ не всегда хлопоталъ о блескѣ подвига, а старался скорѣе убить, ограбить или уграсть что попало, и за тѣмъ убраться, избѣгая погони.

Черкесъ всегда былъ жаденъ къ деньгамъ, за деньги рѣшался на убійство, на измѣну; но, получивъ деньги, готовъ былъ раздать ихъ кому попадется, съ щедростью и легкомысліемъ. Ведя непрерывную войну съ русскими, черкесы часто за деньги были лучшими проводниками для купцовъ, доставлявшихъ рогатый скотъ гарнизонамъ различныхъ нашихъ крѣпостей.

Примѣры скупости были весьма рѣдки между черкесами; да и нельзя было быть скупымъ, когда въ обычаѣ народа укоренилось правило, что порядочный человѣкъ долженъ подарить вещь нуждающемуся по первому его слову или намеку. И если, съ одной стороны, черкесъ не дорожилъ своимъ имуществомъ, то, съ другой стороны, когда дѣло шло на споръ, касалось его самолюбія, онъ готовъ былъ тягаться двадцать лѣтъ за какого-нибудь украденнаго у него теленка, лишь бы только не уступить противнику, и тогда спорамъ и разбирательствамъ не было конца. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ страннымъ образомъ соединялись: любовь къ приобрѣтенію, достигавшая до сутяжничества, и щедрость, доведенная чуть ли не до отрицанія права на свою собственность. Не смотря на видимое легкомысліе, черкесъ обладаетъ характеромъ энергическимъ и многостороннимъ, въ которомъ скрывается твердая настойчивость и необыкновенное терпѣніе. Последнее, особенно въ страданіяхъ, счи-

тается у черкесовъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ молодаго чело-
вѣка. Равнодушіе, съ которымъ они переносятъ боль, доходить до
такой степени, что, въ этомъ случаѣ, легко было узнать между ними
европейца, который могъ быть столько же безстрашенъ, какъ и чер-
кесъ, но никогда не могъ сравниться съ нимъ въ терпѣливости.

Одежда черкеса состоитъ изъ мохнатой бараньей шапки, обшитой
галуномъ и прикрывающей бритую его голову; изъ бешмета, черкес-
ки, ноговиць и сафьянныхъ чевяковъ, по преимуществу красныхъ.

На черкескѣ, по обѣимъ сторонамъ груди, пришиваются гнѣзда
для патроновъ, помѣщаемыхъ въ *казырякъ*, т. е. деревянныхъ гиль-
захъ. На поясѣ привѣшивается жирница, отвертка и небольшая сум-
ка, наполненная разнаго рода вещами, дозволяющими всаднику вычи-
стить оружіе, не слѣзая съ лошади.

Оружіе черкеса состоитъ изъ винтовки, пистолетовъ, кинжала и
пашки. Последнее оружіе черкесъ очень любитъ и владѣеть имъ въ
совершенствѣ. Пашка остра, какъ бритва, и страшна въ рукахъ на-
ѣздника, потому что ударъ его почти всегда бываетъ смертеленъ,
кинжалъ всегда за поясомъ, даже въ домашнемъ быту.

Все это отличается хорошимъ вкусомъ, изяществомъ покроя, въ
особенности чевяки, то есть обувь безъ подошвы.

На последнюю черкесы обращаютъ особенное вниманіе въ своемъ
нарядѣ. Чевяки шьются обыкновенно нѣсколько меньше ноги и, пе-
редъ надѣваніемъ, предварительно размачиваются въ водѣ, натира-
ются внутри мыломъ и, сырые, натягиваются на ногу подобно пер-
чаткамъ. Надѣвшій новые чевяки, долженъ выждать, лежа, пока они
высохнувъ, примутъ форму ноги. Подъ чевяки впоследствии подши-
ваютъ самую легкую и мягкую подошву.

Не смотря на то, что черкесъ былъ съ ногъ до головы обвѣшанъ
оружіемъ, оно приговялось такъ, что одно оружіе не мѣшало другому;
ничто на немъ не бряцало, не болталось, а это было весьма важно
во время ночныхъ набѣговъ и засадъ. Его пашка, покоявшаяся въ сафь-

янныхъ *нахвахъ* (ножны), не звучала; его винтовка, скрытая въ буроч-
номъ чаклѣ, не блестѣла; его чевякъ, мягкій и гибкій, какъ лапа тигра,
не стучалъ; его конь, охлажденный ножомъ кастратора, не ржалъ въ
засадѣ, и, наконецъ, его языкъ, скудный гласными буквами и соста-
вленный изъ односложныхъ словъ, не издавалъ рѣзкихъ звуковъ при
сговорѣ, сопутствовавшемъ ночному нападенію.

Домъ черкеса состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ низкими
дверьми и маленькими окнами безъ стеколъ и весьма рѣдко затяну-
тыхъ пузырями. Плотно запираемые ставнями, окна служили болѣе
для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается на дворѣ, чѣмъ для освѣ-
щенія комнатъ: главный свѣтъ проходилъ черезъ двери, растворен-
ныя настежь лѣтомъ и зимою; на ночь двери запирались и закола-
чивались изнутри деревянными клиньями, отчего въ аулахъ каждый
вечеръ поднимался всеобщій стукъ, заканчивавшій собою дневную
дѣятельность его жителей. Около одной изъ стѣнъ комнаты устрое-
но было полукруглоеили четырехугольное углубленіе въ землѣ для
огня, надъ которымъ висѣла высокая труба, едѣланная изъ плотня,
обмазаннаго глиною; полъ земляной, но такъ хорошо убитый, что не
давалъ пыли. Вокругъ печи придѣланы полки, а иногда повѣшенъ
цѣлый шкафъ, на полкахъ котораго становилась домашняя утварь и
посуда, а оружіе и одежда вѣшались на гвоздяхъ. Широкая, низкая
кровать, покрытая войлокомъ и коврами, и небольшіе круглые столы,
разставленные по разнымъ мѣстамъ комнаты, составляли всю ме-
бель туземца, а стоявшая на дворѣ четырехугольная маленькая, на
двухъ колесахъ арба, запрягаемая парю воловъ, — его экипажъ.
Вдоль стѣнъ, на полкахъ, становилась, какъ украшеніе, европейская
посуда, и если хозяинъ былъ человѣкъ зажиточный, то колонна та-
релокъ, ничѣмъ непокрытая и разложенная на самомъ видномъ мѣ-
стѣ полки, свидѣтельствовала о его достаткѣ.

Хозяинъ, его жены и взрослые дѣти имѣли свое отдѣльное помѣ-
щеніе; но посторонній человѣкъ не проникалъ въ эти отдѣленія, по-

священные исключительно семейной жизни; если же при этомъ хозяинъ былъ человекъ богатый, то онъ укрывалъ свою семью отъ посторонняго глаза особымъ заборомъ, которымъ обносилъ сабли и хозяйственныя постройки. Постройки эти состояли изъ кладовой и хлѣва для овецъ.

Внѣ ограды или забора у богатыхъ, и въ дальнемъ углу ея у бѣдныхъ, строился *хаджимижъ* — пріемный домъ для гостей, или *кунахская*. Самая значительная часть имущества и лучшая его часть шла у черкеса на убранство этой комнаты.

Устройство кунаской и ея убранство не отличалось ничѣмъ отъ устройства обыкновенныхъ черкесскихъ домовъ; только камышевыя циновки, ковры, тюфяки и подушки, составлявшія самую значительную и роскошную часть домашнихъ принадлежностей черкеса, свидѣтельствовали о заботѣ хозяина сдѣлать это помѣщеніе, по возможности, роскошнымъ и удобнымъ.

Гостепрѣимство развито было между черкесами въ самой широкой степени и составляло одну изъ важнѣйшихъ добродѣтелей этого народа. Гость былъ священою особою для хозяина, который обязывался угостить, охранить его отъ оскорбленій и готовъ былъ жертвовать для него жизнью, даже и въ томъ случаѣ, если-бы онъ былъ преступникъ или кровный его врагъ. Стоило только преступнику войти въ первую встрѣтившуюся ему саклю — и онъ подъ защитою: онъ безопасенъ отъ преслѣдованій.

Красота черкешенокъ съ давнихъ поръ не находила соперницъ; правильныя черты лица, стройный станъ, маленькія руки и ноги, поступь, походка и всѣ движенія являли что-то гордое и благородное. Всѣ, кто только могъ видѣть черкесскихъ женщинъ, свидѣтельствуютъ, что между ними встрѣчаются такія красавицы, при видѣ которыхъ невольно останавливаешься, пораженный изумленіемъ. «Про черкешенокъ» — говоритъ очевидецъ — «можно сказать, что онѣ вообще хороши, имѣютъ замѣчательныя способности, чрезвычайно

страстны, но въ то же время обладаютъ необыкновенною силою воли».

Конечно, понятіе о красотѣ женщинъ есть понятіе относительное; нельзя сказать, чтобы всѣ черкесскія женщины безъ исключенія были красивы, но, во всякомъ случаѣ, онѣ служатъ лучшими представителями прекраснѣйшаго блага, или, такъ называемаго, кавказскаго племени. Красотѣ ихъ очень много вредитъ оспа, для предохраненія отъ которой не предпринималось никакихъ мѣръ; плоскость стана отнимаетъ также много красоты. Обычай надѣвать на дѣвушку корсетъ съ ранняго возраста и не снимать его до замужества, дѣлаетъ то, что грудь красавицы не развивается, слѣдовательно, красота женщины теряетъ многое.

Корсетъ этотъ, надѣваемый подъ рубашку, носитъ названіе пшакафтанъ (дѣвичій кафтанъ). Пшакафтанъ состоитъ изъ кожаннаго, холщеваго или изъ какой другой матеріи корсета, съ шнуровкою спереди и съ двумя гибкими деревянными пластинками, сжимающими обѣ груди. Плоская талія и неполная грудь, по понятіямъ черкесовъ, первое условіе красоты дѣвушки. Знатныя дѣвушки шьютъ иногда корсетъ изъ краснаго сафьяна или бархата и обшиваютъ его серебряными и золотыми галунами; въ послѣднемъ случаѣ онъ бываетъ съ короткими полами и серебряными застежками на груди. Такой корсетъ надѣвается сверхъ рубашки, подъ верхнюю одежду, и преимущественно въ дни праздниковъ. Хотя корсетъ вмѣстѣ съ ростою дитяти перемѣняется и надѣвается съ единственною цѣлію дать дѣвушкѣ стройность и гибкость стана, но, сообщая красоту въ одномъ, препятствуетъ развитію груди и дѣлаетъ ее чрезвычайно плоскою, а главное стѣсняетъ движенія дѣвушки.

По выходѣ замужъ дѣвушки, молодой супругъ распарываетъ еинжаломъ шнуръ корсета, но дѣлаетъ это съ особенною осторожностью, чтобы не захватить тѣла и сафьяна. Неловкость или ошибка, въ этомъ случаѣ, ставится молодому въ большое безчестіе. Рассказываютъ, что

послѣ снятія корсета, у молодой замужней женщины грудь вырастаетъ въ двѣ недѣли.

У абадзеховъ и у нѣкоторыхъ шапсугскихъ фамилій дѣвушки не носятъ корсетовъ; оттого и женщины ихъ болѣе красивы и кокетливы.

Черкесскій женскій костюмъ чрезвычайно живописенъ. Поверхъ широкихъ, сѣуженныхъ къ низу, шароваровъ, надѣвается длинная бѣлая рубашка изъ бязи (бумажнаго холста) или кисеи, разрѣзанная на груди, съ широкими рукавами и съ небольшимъ стоячимъ воротничкомъ. По талии рубашка стягивается широкимъ поясомъ съ серебряною пряжкой. Сверхъ рубашки надѣвается шелковый бешметъ какого-нибудь яркаго цвѣта. Бешметъ шьется короче колѣна, съ короткими выше локтя рукавами, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными или другими металлическими застежками. На ногахъ легкіе красные, сафьянные чевяки, обшитые галуномъ; на головѣ круглая шапочка, съ небольшимъ околышемъ изъ смушекъ, обложенная серебрянымъ галуномъ; верхъ шапочки повить бѣлою кисейною чалмою, съ длинными концами, падающими за спину. Изъ-подъ шапочки выются всегда распущенные по плечамъ волосы и придаютъ много прелести костюму и красотѣ дѣвушки.

Черкесскія дѣвушки очень цѣломудренны, не смотря на предоставленную имъ свободу, и весьма рѣдко впадали въ ошибку. Нравственность черкесскихъ женъ также довольно строга; но примѣры нарушенія супружеской вѣрности бывали нерѣдки, въ особенности у шапсуговъ, гдѣ женщины необыкновенно хороши. Тамъ, несмотря на ревность мужей, невѣрность женъ часто служила поводомъ къ кровавымъ сценамъ; не менѣе того, шапсуги любили волокитство. Еще не такъ давно женщины пользовались у нихъ гораздо большею свободою и каждая должна была имѣть фаворита. Это служило вывѣскою достоинства женщины, и мужья гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами. Теперь не то: любовь къ постороннему мужчине считается чувствомъ неприличнымъ, и надо скрывать ее въ

тайнѣ. Но то, что позволялось женщинамъ, то считалось во все время постыднымъ для дѣвушки, и потому онѣ всегда тщательно сохраняли свое цѣломудріе. Съ раннихъ лѣтъ все мечты дѣвушки были направлены къ одной цѣли: выйти замужъ за безстрашнаго воина и чистою попасть въ его объятія. Малѣйшее увлеченіе со стороны мужчины приводило дѣвушку въ робость, и она съ неудовольствіемъ и страхомъ отталкивала отъ себя соблазнителя.

Черкесы вообще неопрятны; носятъ, не снимая съ плечъ, бешметы испещренные заплатами, и нагольные тулупы со множествомъ разнаго рода насѣкомыхъ; въ ихъ бараньей шапкѣ содержится чуть не цѣлый возъ сѣна, щепокъ, отрубей и множество другихъ веществъ. Бѣдность и недостатокъ въ одеждѣ такъ были велики у абадзеховъ что только половина изъ нихъ имѣли рубашки, а остальные носили одну черкеску, не снимая съ плечъ. Дѣти, до десятилѣтняго возраста, особенно у крестьянъ, ходили или голыми, или въ одной рубашкѣ. Въ теплой одеждѣ и въ шубахъ нужда была такъ велика, что изъ трехъ-тысячнаго сборища абадзеховъ, для одного набѣга на нашу линію, достигли до рѣки Лабы не болѣе тысячи человекъ, а остальные принуждены были возвращаться домой съ половины пути. Одежда абадзеховъ состояла, по преимуществу, изъ грубой бумажной ткани, вымѣниваемой ими у турокъ на женщинъ и дѣтей.

При такой бѣдности нельзя было и помышлять объ особенной чистотѣ. Черкесы высшаго класса и люди богатые держали себя гораздо чище, и между ними не встрѣчалось накомныхъ болѣзней. Во всехъ же сословіяхъ черкесскаго народа женщины отличались большею опрятностію, чѣмъ мужчины, не смотря на то, что исполняли почти все домашнія и грязныя работы. За неимѣніемъ бань, женщины безпрестанно полоскались въ большихъ, совершенно плоскихъ, мѣдныхъ тазакъ и содержали свою одежду въ исправности и чистотѣ.

Но жилище было не для мужчины, который рѣдко бывалъ дома, а обыкновенно проводилъ время въ набѣгахъ и разбояхъ.

Если же и былъ дома, то проводилъ весь день въ кунахской, гдѣ лежалъ или чистилъ оружіе, поправлялъ конскую сбрую, а чапе ничего не дѣлалъ. Въ минуты совершеннаго бездѣлья, онъ стругалъ ножемъ палочку или напѣвалъ пѣсню. Ему дѣла не было до того, что происходило въ семьѣ, съ которой онъ рѣдко видѣлся и ходилъ къ женѣ только вечеромъ. На послѣдней лежала обязанность смотрѣть за хозяйствомъ. Она ткала сукно, холстъ и одѣвала дѣтей и мужа съ ногъ до головы. Если у черкеса было нѣсколько женъ, то каждая изъ нихъ занимала отдѣльное помѣщеніе, имѣла особое хозяйство и поочередно обязана была готовить для мужа пищу и относить ему въ кунахскую.

Семейныя отношенія у черкесовъ были вообще грубы и деспотичны, а отцовская власть на семейство неограничена. Глава семейства имѣлъ право не только лишить сына наслѣдства, но убить его, не подвергаясь за то ни передъ кѣмъ никакой ответственности.

Жена могла бесѣдовать съ мужемъ только ночью, во время супружескихъ свиданій; присутствіе же мужа въ ея покояхъ днемъ считалось предосудительнымъ. Жена не имѣла права проститься съ умершимъ мужемъ; ей не позволялось быть въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Мертваго сына матери дозволялось видѣть, но близко подходить къ нему

Кабардинка.

или проститься съ нимъ—нельзя.—По суровымъ и воинственнымъ нравамъ черкесовъ, считалось неприличнымъ мужу показываться вмѣстѣ съ женою внѣ дома, а отцу ласкаться дѣтей своихъ при постороннихъ.

Черкесы чрезвычайно щекотливы относительно женской добродѣтели, ея нравственности, и мстили за оскорбленіе женщины жестоко. Обида, нанесенная семейству обезчещеніемъ женщины или дѣвушки могла быть, впрочемъ, покончена миролюбивымъ соглашеніемъ, и тогда обидчикъ платилъ пеню изъ двадцати четырехъ головъ крупнаго скота; въ противномъ случаѣ, одно оружіе смывало безчестіе, и всѣ способы для удовлетворенія обиженнаго были позволительны. Нарушеніе супружеской вѣрности замужнею женщиною считалось тяжкимъ преступленіемъ, которое влекло за собою нерѣдко смерть женщины, а иногда рабство. Участники въ подобномъ преступленіи также убивали. Казнить преступную жену предоставлялось самому мужу. Въ прежнее время, онъ обрѣзывалъ женѣ кончикъ носа и выгонялъ изъ дому. Въ этомъ отношеніи, виды наказаній женщины были чрезвычайно разнообразны и вполне предоставлены своеволю мужа. Онъ имѣлъ право убить преступную жену, не навлекая на себя кровомщенія и не дѣлаясь ответственнымъ передъ ея родственниками. Онъ могъ и просто развестись съ женою, не подвергая ее наказанію.

Изъ увеселеній черкесы знали танцы, музыку и пѣніе.

Черкесы любятъ поэзію и пѣсни. Въ прежнее время у нихъ были поэты, гекоко—слагатели народныхъ пѣсень. Они были, по большей части, простолюдины и рѣдко знали языкъ священниковъ—людей грамотныхъ. Такіе поэты высоко были чтимы князьями и дворянствомъ; они ходили въ бой и были впереди войскъ. Князья любили имѣть при себѣ пѣвцовъ и гордились ими. Умѣнье сочинить пѣсню во всѣ времена глубоко уважалось.

Уважая поэтовъ-импровизаторовъ и благоговѣя передъ ними, черкесы не уважали самихъ пѣвцовъ, исполнителей народной поэзіи. Изъ высшаго класса никто не соглашался быть пѣвцомъ и заниматься этого рода профессіею, хотя знаніе народныхъ пѣсень вмѣнялось каждому дворянину въ необходимость. Съ именемъ пѣвца черкесъ соединялъ понятіе о шутѣ или о канатномъ плясунѣ. Разъѣзжая по ауламъ, пѣвцы собирали отъ жителей подаяніе, въ которомъ, большею частію, не нуждались вовсе и позволяли себѣ шутки и остроты, иногда весьма неблагопристойныя. Впрочемъ, и между пѣвцами были такіе, которые пользовались всеобщимъ уваженіемъ, и если не могли поднять въ глазахъ народа своего званія, за то и не подвергали себя всеобщему посмѣянію.

Рожденіе ребенка не составляло у черкесовъ ни особенной важности, ни особенной радости; оно не сопровождается никакими особенными церемоніями. При рожденіи младенца его оставляли однѣ сутки на воздухѣ безъ всякаго призрѣнія. Одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей, родственниковъ или пріятелей, даритъ счастливому отцу корову лошадь или овцу, смотря по состоянію, приноситъ хлѣбъ, виво и другіе съѣстные припасы, и получаетъ за то право дать имя новорожденному. Имена новорожденнымъ даются совершенно произвольно. Вліятельные и богатые люди часто даютъ имена по названіямъ тѣхъ племенъ, у которыхъ воспитывается ихъ сынъ или живутъ сами: такъ встрѣчаются имена Бесленей, Убухъ и другія.

Давшій имя ребенку, у нѣкоторыхъ племенъ черкесскаго народа считается какъ-бы вторымъ отцомъ новорожденнаго. На принесенныя имъ кушанья затѣвается пирушка, которая собственно и обозначаетъ семейную радость въ обыденной жизни горца.

Если новорожденный есть первенецъ, то отецъ мужа снимаетъ съ своей неврѣстки носимую ею на гловѣ небольшую шапочку съ околышемъ изъ смушекъ, повязываетъ ей голову косынкою и даритъ молодыхъ скотомъ или другимъ имуществомъ.

По прошествіи года, новорожденному мужскаго пола подносятъ оружіе, и если онъ его принимаетъ, то это считается признакомъ его воинственности, составляетъ истинное наслажденіе для родителей и часто служитъ поводомъ къ празднествамъ и различнаго рода увеселеніямъ.

Бѣдные черкесы воспитываютъ дѣтей дома, и тогда мальчикъ до семилѣтняго возраста находится при матери, а послѣ этого поступаетъ въ распоряженіе отца, который учитъ его владѣть ножомъ, вижзаломъ, верховой ѣздѣ и военнымъ упражненіямъ.

Князь и дворяне, тотчасъ послѣ рожденія, отдають мальчика на воспитаніе одному изъ достойнѣйшихъ своихъ подвластныхъ, а чаще всего къ одному изъ лицъ, принадлежащихъ другимъ обществамъ. Воспитатель ребенка носитъ названіе *аталыка*, и охотниковъ взять на себя эту обязанность бываетъ очень много, и тѣмъ больше, чѣмъ знаменитѣе и уважаемѣе отецъ новорожденнаго.

Принявшій ребенка на воспитаніе пріобрѣтаетъ всѣ права кровнаго родства, а потому понятно, отчего такъ много является лицъ желающихъ породниться съ вліятельнымъ или богатымъ княземъ. Связь по аталычеству считается у черкесовъ священною. Не только семейство аталыка становится роднымъ своему воспитаннику, но часто считается, что жители цѣлаго селенія, общества и даже страны считаютъ себя аталыками воспитаннаго между ними ребенка знатной фамиліи.

Черкесы рѣдко рано выдавали дочерей замужъ, и предоставляли

часто имъ право самимъ выбрать жениха. На аульныхъ свадьбахъ дѣвушка можетъ видѣть молодыхъ людей, которые въ свою очередь, давали ей замѣтить свою любовь взглядами и выстрѣлами въ честь ея, когда она танцевала; но разговоръ и какія-бы то ни было объясненія съ дѣвушкою не допускаются. Черезъ друзей и довѣренныхъ лицъ молодой человѣкъ узнаетъ чувства дѣвушки, и тогда уже сватается. Хотя въ большей части случаевъ родители и не препятствуютъ дочери выбирать жениха, но случается нерѣдко, что, давъ слово одному, способствуютъ и другому, болѣе богатому и знатному въ похищеніи своей дочери, а дѣвушка разъ похищенная, становится женою похитителя. Такая продажа дочерей хотя рѣдко, но случалась у черкесовъ и вызывала, со стороны обиженнаго жениха кровавыя мщенія.

По основнымъ началамъ гражданскаго и уголовнаго права черкесовъ, невѣста составляетъ неотъемлемую собственность жениха. Если въ то время, когда невѣста находилась еще въ домѣ родителей, она была похищена другимъ, то женихъ не только въ правѣ преслѣдовать похитителя, но обязанъ мстить ему. Такое оскорбленіе принадлежитъ къ числу нестерпимыхъ обидъ и, для возстановленія своей чести, женихъ, по обычаю страны, долженъ рѣшиться на самыя крайнія мѣры, чтобы только получить удовлетвореніе. Ссоры подобнаго рода вызвали всегда со стороны обиженнаго ужасныя сцены. Родители, содѣйствовавшіе похищенію, лишались калыма (выкупа за дочь), а невѣста принадлежала по праву первому жениху, если похититель не успѣвалъ на ней жениться.

Сутки, проведенныя дѣвушкою въ домѣ похитителя, дѣлали ее законною женою. Тогда никто не въ правѣ отнять ее и дѣло обыкновенно кончается третейскимъ судомъ который назначаетъ калымъ (выкупъ), слѣдующій въ уплату семейству. Плата назначалась соразмѣрно достатку жениха, и потому очень часто бывала меньше той, которую ему пришлось-бы заплатить, если-бы онъ вздумалъ жениться путемъ обыкновеннаго сватовства.

Сватовство съ колыбели хотя весьма рѣдко, но случается и у черкесовъ; обыкновенно вскорѣ послѣ рожденія дочери, друзья условливаются, что когда у одного вырастетъ сынъ, а у другаго дочь достигнетъ совершеннолѣтія, то сочетать ихъ бракомъ. Проходило время; молодые люди, обрученныя словами родителей, подростали, не подозрѣвая, что судьба ихъ рѣшена. Съ наступленіемъ мальчику 17, а дѣвушкѣ 16 лѣтъ имъ объявляли о скоромъ счастіи ихъ ожидающемъ, и несчастные, часто не выдавшіе другъ друга, исполняютъ волю своихъ родителей.

Послѣ сватовства, спустя нѣкоторое время, происходятъ смотрины и обрученіе.

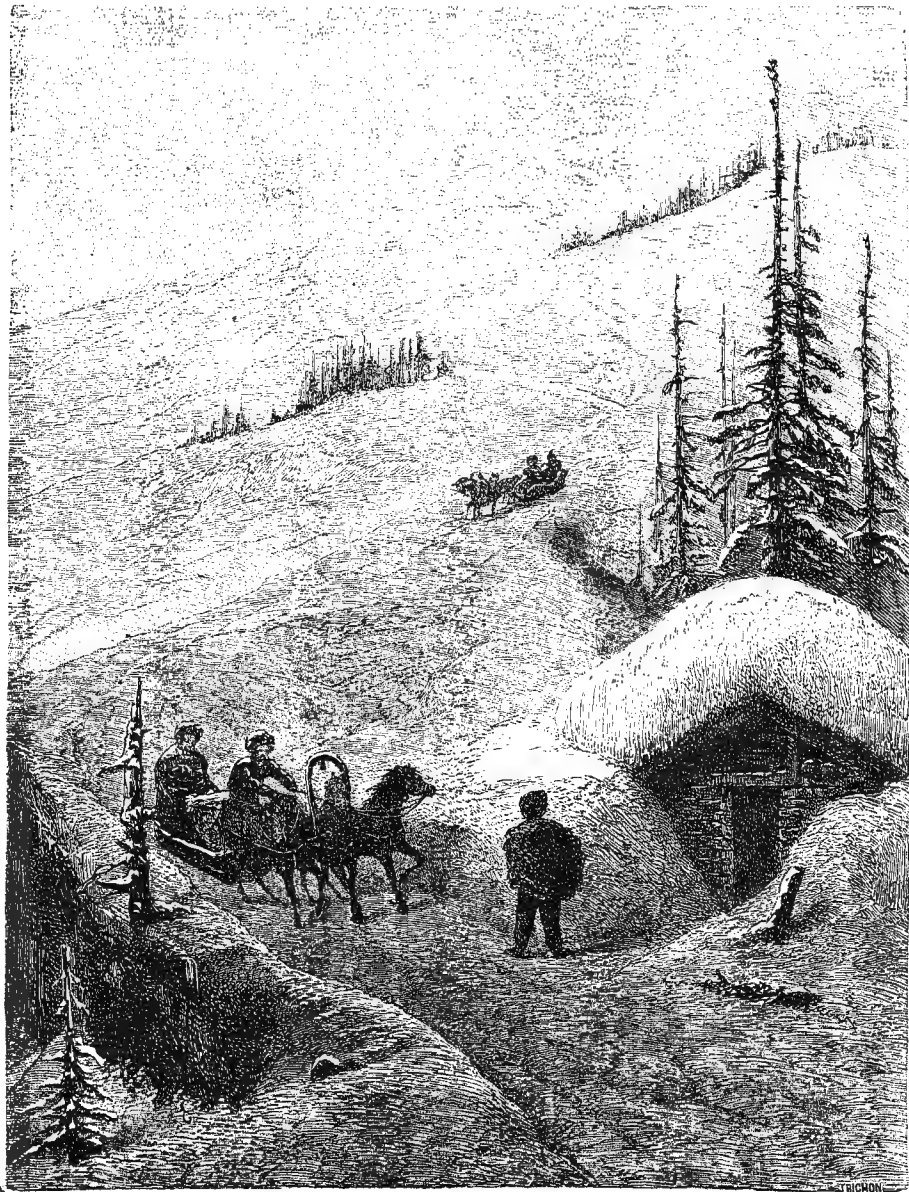
Въ назначенный день женихъ является въ домъ невѣсты и проводитъ время среди пиршества, сопровождаемаго обильнымъ количествомъ яствъ, вина, пляскою и пѣніемъ.

Съ наступленіемъ вечера, подружки наряжаютъ невѣсту, выводятъ ее къ пирующимъ и ставятъ противъ жениха. Присутствующіе медленно подвигаютъ невѣсту къ жениху, и когда они достаточно приблизятся другъ къ другу, тогда гасятъ огонь въ комнатѣ и соединяютъ ихъ руки. Въ этомъ собственно и состоитъ обрядъ обрученія, при которомъ родители невѣсты не присутствуютъ.

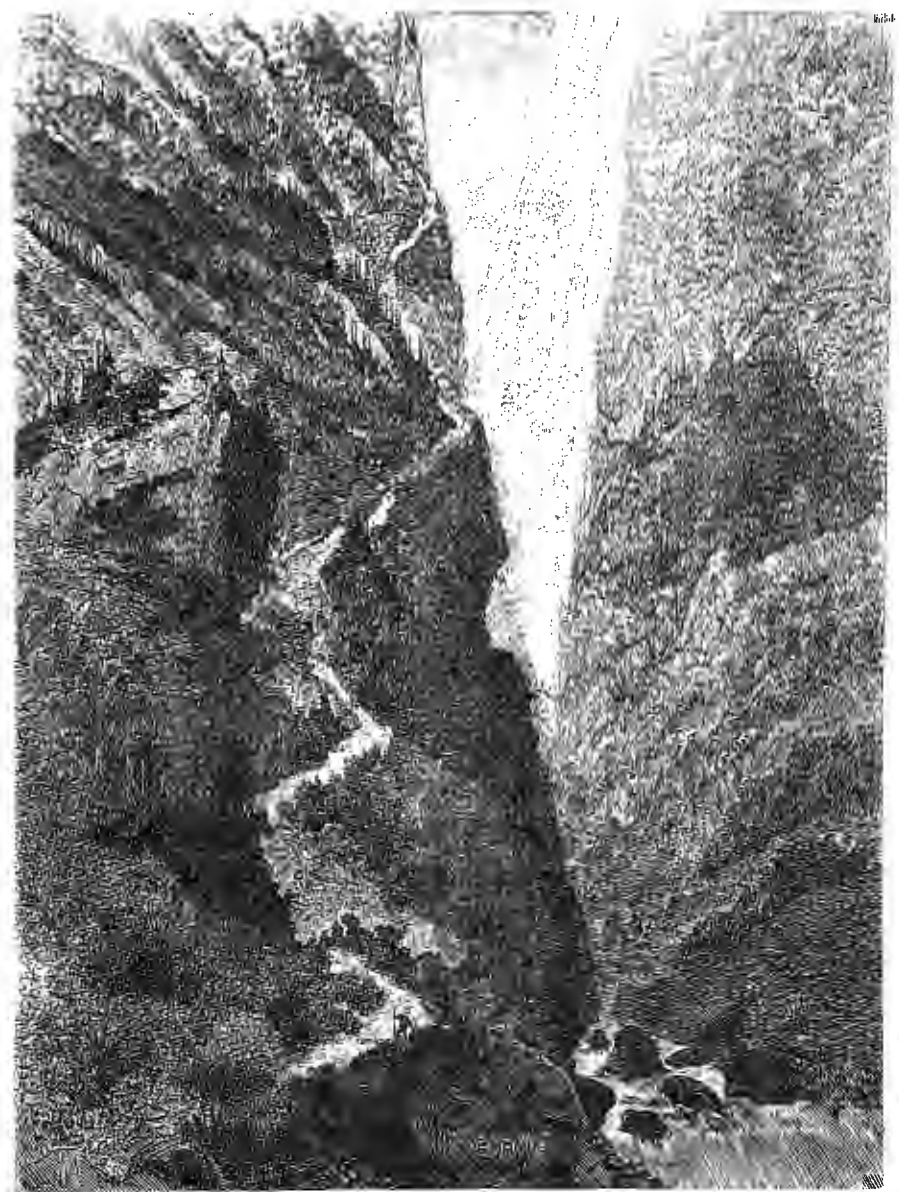
Послѣ обрученія женихъ приглашаетъ къ себѣ родителей невѣсты для того, чтобы условиться о калымѣ, т. е. выкупѣ, платимомъ обыкновенно женихомъ родителямъ невѣсты.

Каждый черкесъ женится внѣ своего дома; невѣста привозится обыкновенно въ домъ уважаемаго человѣка, гдѣ и совершается бракосочетаніе. Затѣмъ, если мужъ новобрачной имѣетъ родителей или старшаго брата, то удаляется въ домъ одного изъ своихъ пріятелей и оттуда, въ сопровожденіи молодаго человѣка, посѣщаетъ свою супругу, но не иначе, какъ по захожденіи солнца.

Вообще у всѣхъ черкесовъ, кромѣ христіанъ, мужу дозволяется видѣться съ женою только тайкомъ, пробравшись ночью на сви-

ВЕРШИНА СУРАМА.

СУРАМСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

даніе, какъ воръ, и, сохрани Богъ, если разсвѣтъ застанетъ его въ саклѣ жены. Тогда молодежь, узнавшая объ этомъ, сейчасъ же начинаетъ въ насмѣшку стрѣлять по трубѣ женской сакли и сбивать ее пулями до самой крыши. Обычай этотъ особенно строго соблюдается въ первые дни женитьбы. Видѣть жену днемъ, входить къ ней въ саклю и разговаривать съ нею въ присутствіи другихъ считается предосудительнымъ: это могъ позволить себѣ только простолюдинъ, и то пожилой, но князь и дворянинъ—никогда.

Когда черкесъ умираетъ, то въ саклю сходятся всѣ родственники и знакомые умершаго, оплакиваютъ его, бьютъ себя въ грудь и голову, царапаютъ лицо и тѣмъ выказываютъ свою горестъ. Такія знаки глубокой печали оставляютъ на себѣ преимущественно жена и родственники покойнаго. Случается часто, что синія пятна отъ ударовъ по тѣлу и жестокія раны на изувѣченныхъ мѣстахъ долгое время свидѣтельствуютъ о горести постигшей семейство.

Всѣ женщины аула считаютъ своею обязанностію придти въ саклю умершаго, чтобы умножить скорбь и увеличить число плачущихъ. Приходящіе начинаютъ свой протяжный вопль, не доходя дома, съ плачемъ входятъ въ домъ, но, подойдя къ тѣлу покойника, остаются тамъ недолго. Плачъ посѣтителей превращается только по выходѣ изъ дома умершаго, или же по просьбѣ стариковъ, занятыхъ приготовленіемъ тѣла къ погребенію.

Жители побережья Чернаго моря, и вообще не магометане, не сопровождали похоронъ никакими религиозными обрядами. Покойника зашивали въ холстъ, относили на кладбище, головою впередъ, и зарывали безъ всякой молитвы.

Абадзехи закрывали покойника доскою, засыпали ее землею, а поверхъ ея наваливали каменья. По понятіямъ ихъ, каменья, положенныя на могилѣ покойнаго, «помогутъ ему затушить вѣчный огонь

въ день страшнаго суда, въ который предназначено всѣмъ камнямъ превратиться въ воду».

Присутствующіе на похоронахъ возвращаются въ саклю покойнаго, въ которой, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, разстилаютъ цыновку, кладутъ на нее подушки, и, если покойникъ былъ мужчина, то на подушкахъ размѣщаютъ оружіе и висеть съ табакомъ. Желающіе приходятъ во всякое время оплакивать покойника, набиваютъ трубку даровымъ табакомъ, и, покуривая ее проводятъ, такъ время сидя или лежа на цыновкѣ. Эта церемонія продолжается, смотря по состоянію родныхъ умершаго, иногда недѣлю, мѣсяцъ, а иногда и годъ, словомъ до тѣхъ поръ, пока родные не успѣваютъ приготовить достаточный запасъ для послѣднихъ поминовѣй, продолжающихся, по большей части, около трехъ дней.

Обычай оплакиванія существовалъ прежде и между черкесами магометанами, но въ послѣднее время духовенство запретило громкія изъявленія горести и преслѣдовало пѣсни, поминки и джигитовку.

Теперь, послѣ смерти магометанина-черкеса, тотчасъ же призываютъ муллу, который вмѣстѣ съ своими учениками и помощниками моетъ тѣло. На покойника надѣваютъ родъ савана или мѣша, открытаго съ обоихъ концовъ и извѣстнаго подъ именемъ *кефина*. Тѣло вымываютъ самымъ тщательнымъ образомъ такъ, что даже обрѣзаютъ покойному ногти. Тѣло женщины моютъ и готовятъ къ погребенію старухи.

Со дня смерти родственники чуждаются увеселеній, сохраняютъ печальный видъ и, одѣвшись въ трауръ, носятъ его: жена по мужу и аталыкъ по своему питомцу въ теченіи года, причемъ первая во все время траура не можетъ спать на мягкой постели; мужъ же, по народному обычаю, не долженъ плакать о смерти жены, и если высказываетъ свою печаль во время болѣзни или смерти ея, то подвергается всеобщимъ насмѣшкамъ.

Въ прежнее время на седьмой день совершались первыя поминки, а на сороковой день вторыя. Третьи или большія поминки совершались иногда въ шестидесятый день со дня смерти, но преимущественно по истеченіи года. На первыхъ двухъ поминкахъ читали коранъ, потомъ пили, ѣли, и, насытившись вдоволь, расходились по домамъ.

Суровая, но величественная природа породила въ горахъ вѣру въ существованіе множества духовъ: каждая рѣчка имѣетъ свою богиню (гоуаше), многія ущелья—своихъ духовъ. Нѣкоторые туземцы рассказываютъ, что существуютъ богини покровительницы ворожей и колдуній, и что послѣднія обращаются съ мольбами къ какому-то тремъ божественнымъ сестрицамъ (тхашерейихъ-шерейрхумъ). У черкесовъ существуютъ и русалки, которыхъ они представляютъ себѣ прекраснѣйшими и очаровательными женщинами.

Среди суевѣрія черкесскаго народа особенно важную роль играютъ гадальщицы и колдуны, или вѣдьмы. Гаданьемъ обыкновенно занимаются старухи, къ помощи которыхъ чаще всего прибѣгаютъ несчастные влюбленные.

Если, съ одной стороны, подобные гадальщики возбуждаютъ удивленіе и уваженіе къ себѣ суевѣрнаго народа, то, съ другой стороны, черкесы жестоко преслѣдуютъ колдуновъ и вѣдьмъ. Такихъ людей они называютъ удде, признаютъ ихъ злыми и истребляющими своихъ собственныхъ дѣтей. Удде можетъ быть и мужчина, и женщина; послѣднія бывають чаще. Онѣ находятъ въ сношеніи съ нечистымъ и могутъ послать на человѣка всякую невзгону. Изнурительныя дѣтскія болѣзни, зараза, падежъ скота и прочія несчастія приписывались дѣйствію дурнаго ихъ глаза. Поймать колдуна или колдунью на мѣстѣ преступленія нѣтъ возможности, потому что, по понятію черкеса, они, при помощи нечистаго духа, имѣютъ способ-

ность превращаться въ собакъ, кошекъ, волковъ и даже дѣлаться невидимками.

Въ заключеніе сказаннаго о суевѣріи черкесскаго народа нельзя не упомянуть о томъ страхѣ, который успѣли внушить народу мудлы относительно картинъ всякаго рода, въ особенности портретовъ и вообще изображенія человѣческихъ фигуръ.

Очерки животныхъ, цвѣтовъ и разнаго рода видовъ черкесы еще переносятъ, но какъ только увидятъ запрещенные кораномъ суреты — какъ они называютъ картины — съ изображеніемъ фигуры человѣка, такъ тотчасъ же стараются соскоблить или замарать ихъ.

— Откуда берешь ты смѣлость, сказалъ однажды черкесъ своему русскому плѣнному, такъ сходно изображать человѣка созданнаго по подобію Аллаха? Души ты не можешь вѣдь дать твоему изображенію. Смотри, когда ты умрешь, на томъ свѣтѣ твои суреты отнимутъ у тебѣ покой, требуя для себя безсмертной души; а откуда ты ее возьмешь?...

XXXI. А Б Х А З Ц Ы ИЛИ А З Е Г А .

Характеръ страны и народный бытъ.

Хребетъ Кавказскихъ горъ, постепенно удаляясь отъ Чернаго моря, даетъ мѣсто прекраснѣйшимъ, плодороднымъ равнинамъ. Обнаженныя горы и скалистый берегъ, пересекаемый множествомъ ущелій, не даютъ здѣсь путника. Напротивъ, онъ видитъ передъ собою вѣчно неувядаемую зелень, которой не лишены даже и самыя высокія отроги горъ, спускающіеся къ морю и покрытыя большою растительностію.

Эта благодатная страна населена племенами абхазскими, или племенем азета, которое, подобно черкесамъ, подраздѣляется на множество мелкихъ племенъ, извѣстныхъ подъ разными названіями. Всего въ абхазскомъ населеніи можно считать около 200,000 душъ.

Занимая пространство верстъ на 30 въ ширину и около 120 верстъ въ длину, Абхазія составляетъ одинъ изъ рѣдкихъ и прекраснѣйшихъ уголковъ Закавказья, по богатству и разнообразію природы. Здѣсь есть горы, съ покрытыми вѣчно снѣжными вершинами, и вѣчно зеленѣющія долины, бездонныя пропасти съ шумными водопадами, непроходимые дѣвственные лѣса со множествомъ ручьевъ и рѣчекъ, и, наконецъ, Черное море — съ гаванью Сухумомъ, гдѣ на берегу, подъ открытымъ небомъ, вы встрѣтите въ апрѣлѣ цвѣтушія деревья чая и другія тропическія растенія.

Равномѣрное распредѣленіе тепла и обиліе влажности дѣлаютъ почву весьма плодородною, отличающеюся разнообразіемъ и грандіозностію растительности. Рядомъ съ сосною въ Абхазіи растутъ маслина, шелковичное и чайное дерево.

Въ нѣкоторыхъ ущельяхъ и по склонамъ горъ, въ особенности около Сухума, растутъ буквое дерево и лавръ, сохраняющіе зелень круглый годъ. Въ казенномъ саду Сухума растутъ въ грунтѣ и даютъ цвѣты камелии и мирты.

Богатая, производительная сила природы даетъ средство расти винограду въ большомъ изобиліи и почти безъ всякаго ухода. Абхазецъ пускаетъ свои виноградныя лозы на большія деревья, и, въ такомъ видѣ онѣ, сами собою, достигаютъ до гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ только и состоитъ весь трудъ абхазца по уходу за виноградомъ, который всетаки выходитъ хорошаго качества. Приготовленное, самымъ первобытнымъ способомъ, изъ такого винограда, вино, въ особенности извѣстное прежде подъ именемъ бомборскаго, а теперь выдѣлываемое въ селеніи Лехне (Соукъ-су), выво-

дится въ значительномъ количествѣ и имѣетъ хорошій сбытъ въ Крыму.

Такая роскошь природы доставила абхазцу возможность, не прикладывая труда, пользоваться обильными ея плодами. Стада рогатого скота, табуны лошадей и отары овецъ круглый годъ питаются подножнымъ кормомъ, то подымаясь на горныя возвышенности, убѣгая отъ лѣтнаго зноя долинъ, то спускаясь въ ущелья и равнины подъ защиту горъ и лѣса отъ зимней стужи и непогоды.

Та-же лѣнь препятствуетъ абхазцу заняться, какъ слѣдуетъ, и земледѣліемъ. Онъ не спѣшитъ, съ наступленіемъ весны, взяться за плугъ или соху, чтобы вспахать свое поле и засеять его; онъ даже не имѣетъ и понятія, что такое плугъ. Воздѣлываніе своего участка земли онъ производитъ или просто заступомъ, или сохою, съ особымъ деревяннымъ лемешомъ, составляющимъ исключительное изобрѣтеніе и принадлежность только одной Абхазіи. Вырубивъ дерево съ изогнутымъ пенькомъ, туземецъ заостряетъ пенькъ клиномъ, «въ длинному концу придѣлываетъ приспособленіе изъ веревокъ для тяги, и такимъ орудіемъ, съ помощію буйволовъ, бороздитъ землю.

Поступая такимъ образомъ, абхазецъ не боится неурожая. Онъ знаетъ, что жена его, на которой лежатъ всѣ тяжелыя работы, вскопаетъ такимъ способомъ, и кое-какъ, около его дома пол-десятины а на этой пол-десятинѣ Богъ даруетъ ему столько кукурузы и гоміи (родъ проса), что его будетъ слишкомъ достаточно на годовую порцію всей его семьи.

Богатая природа Абхазіи должна-бы была служить источникомъ богатства, довольства и даже роскоши для ея жителей, но, въ дѣйствительности, она служитъ для туземца лишь причиною крайней бѣдности. Увѣренный въ ея производительности, абхазецъ предается крайней лѣни. Онъ или, вѣрнѣе, его жена засеиваетъ поле въ такомъ скудномъ количествѣ, что, при огромныхъ урожаяхъ, едва можетъ прокормить свое семейство до новаго хлѣба.

Абхазецъ въ теченіе года работаетъ много-много 20 или 30 дней, а остальное время проводитъ въ безпечной бродяжнической жизни. Прибрежные жители занимаются рыбною ловлею, преимущественно у устья горныхъ рѣкъ, изобилующихъ лососиною, которая жарится, обыкновенно, на вертелѣ и составляетъ весьма лакомую пищу. Лѣтомъ, около морскихъ береговъ появляется множество дельфиновъ, которые въ хорошую погоду держатся на поверхности воды и играютъ, вертятся колесомъ. Жители Абхазіи пользуются этимъ временемъ, выѣзжаютъ въ море на своихъ каюкахъ, лодкахъ, выдолбленныхъ изъ одного куска дерева, охватываютъ довольно большое пространство длиною сѣтью, съ поплавками наверху и тяжестью внизу, заставляющими ее сохранять въ водѣ вертикальное положеніе. Въ средину охваченнаго пространства выѣзжаютъ два-три каюка и ловцы бьютъ баграми находящихся въ немъ дельфиновъ, жиръ которыхъ продается туркамъ и грекамъ. «Этотъ способъ ловли не безопасенъ, потому-что каюки иногда тонутъ подъ тяжестью добычи и опрокидываются, когда дельфины ударяютъ въ нихъ, кружась въ водѣ; но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей острововъ Южнаго океана».

Деревень, въ европейскомъ смыслѣ, не встрѣчается въ Абхазіи. Населеніе не сосредоточивается въ дружныхъ, скученныхъ жилищахъ, а, напротивъ того, каждая сакля, со своими незатѣйливыми службами и небольшими огородами, стоитъ совершенно особнякомъ и не имѣетъ связи съ другими. Деревня, не смотря на то, что абхазцы живутъ небольшими группами, отъ пяти до десяти семействъ, разсыпается по холмамъ и косогорамъ на значительное разстояніе, и оттого мѣстность принимаетъ видъ огромнаго и великолѣпнаго парка, посреди котораго какъ будто устроены лачужки для сторожей. Дорога рѣдко когда идетъ мимо жилья, и случается, что проѣзжій, находясь посреди деревни, не видитъ ни одного строения.

Дома въ Абхазіи похожи на плохо устроенную корзину, въ ко-

торой сучья деревьевъ до такой степени дурно переплетены между собою, что образуютъ множество отверстій, въ которыя можно просунуть кулакъ. Сплета себѣ изъ хвороста квадратную или круглую, смотря по вкусу, клѣтушку, накрывъ ее сверху камышемъ, кукурузными листьями или, наконецъ, папоротникомъ, абхазецъ считаетъ, что построилъ себѣ домъ, лучше котораго и желать нечего. Передъ дверью онъ дѣлаетъ небольшой навѣсъ; внутри, у одной изъ стѣнъ—очагъ съ такою-же плетеною трубою, и сакля готова. Въ ней онъ проваляется кое-какъ зиму, лежа около очага на войлокѣ или бурѣ, и лучшаго помѣщенія онъ не желаетъ и не ищетъ. Постройка такой сакли стоитъ одной коровы. Низенькая перегородка дѣлитъ саклю на двѣ половины, которыя, смотря по достатку хозяина, назначаются: одна для мужчинъ, другая—для женщинъ, или большая для людей, меньшая — для скота. Съ двухъ сторонъ, по стѣнамъ сакли, ставятся длинныя, деревянные скамьи, изъ которыхъ на одной лежитъ перина или войлокъ:— это мебель сакли. Посрединѣ, на земляномъ полу, раскладывается костеръ и служитъ для обогрѣванія семейства; надъ костромъ виситъ жалѣзная цѣпь съ крючкомъ, для поддерживанія котла. Свѣтъ костра, сквозя черезъ стѣны, отсвѣчивается ночью на деревьяхъ красноватымъ цвѣтомъ и, смѣшиваясь съ міриадами свѣтляковъ, искрящихся въ землѣ, представляетъ издали довольно фантастическую картину. Въ углахъ стоятъ сундуки, преимущественно краснаго цвѣта, окованные желѣзомъ и заключающіе въ себѣ все фамиліное имущество; возлѣ нихъ стоятъ кадья съ кислымъ молокомъ, любимымъ напиткомъ туземца. На дырвыхъ стѣнахъ, надъ нарами, виситъ оружіе: ружье въ чехлѣ, пашка и кинжалъ; тутъ-же приклеена какая-нибудь грубая лубочная картинка, изображающая черта съ двумя рогами и глупо растопыренными руками, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Надъ головами протянута веревка, черезъ которую перекинута плата и разнаго рода тряпки.

Неподалеку от такого дома видна еще клѣтушка или корзина, величиною до одной кубической сажени—это амбаръ абхаца. Онъ сплетенъ также изъ сучьевъ и поставленъ на четырехъ столбахъ, до одной сажени высотой. Последнее необходимо для предохраненія небольшихъ запасовъ хлѣба отъ истребленія его мышами и крысами.

Дома князей, зажиточныхъ и извѣстныхъ дворянъ отличаются нѣсколько большимъ удобствомъ. Жилища такого рода составляютъ два строенія: большое—асасайра (гостиная) и малое—ашхора. Вообще, жилище абхаца бѣдно и не чисто, а сами жители крайне нечистоплотны; даже богатые абхацы не очень заботятся о чистотѣ въ одеждѣ, въ домѣ.

Одежда абхаца весьма близко подходитъ къ черкесской, но абхазецъ чисто и щегольски никогда не одѣвается. На немъ почти всегда надѣта оборванная, вѣчно дырявая подъ мышкою черкесска, спитая изъ грубаго сукна домашняго приготовленія; узкое, короткое нижнее платье, съ ноговицами другаго цвѣта, остроколючая шапка, всегда прикрытая баулыкомъ, и рыжая бурка — вотъ и весь его костюмъ. Жители селеній, ближайшихъ къ Мингреліи, носятъ иногда мингрельскія и имеретинскія шапочки, но предпочитаютъ, впрочемъ, свой національный костюмъ. На ногахъ, не всегда однако-же, туземецъ носитъ пастолы — обувь, средняя между русскимъ лаптемъ и турецкимъ башмакомъ. Пастолы изготовляются изъ сырой кожи, прикрѣпляются къ ногѣ ремнями и вооружены шпорою. Князья носятъ черныя или красныя черкесскія чевяки.

Абхазецъ вооруженъ кинжаломъ, который носитъ за поясомъ, пашку — у бедра, ружье — за плечами; а на поясъ онъ надѣваетъ пороховницу и металлическій ящичекъ, въ которомъ онъ носитъ сало для смазыванія пуль.

Цвѣтъ лица его смуглый, ростъ средній, волосы черны и пере-

путаны, вся фигура костяста и сухошава; большинство мужчинъ брѣетъ головы. Жители Сухума и его окрестностей имѣютъ цвѣтъ лица блѣдно-желтоватый.

Красота мужчинъ въ Абхазіи преобладаетъ надъ красотой женщинъ, тогда какъ у абазинъ наоборотъ. Тамъ женщины и дѣвушки прекрасны въ полномъ значеніи этого слова; онѣ рослы и стройны до очарованія. Здѣсь между женщинами встрѣчается много лицъ замѣчательной красоты.

Тури, скупая горскихъ красавицъ, предпочитали всѣмъ другимъ абазинкамъ и червешенкамъ.

Женщины въ Абхазіи, какъ и вездѣ, гораздо чистоплотнѣе и опрятнѣе мужчинъ. Исполняя всѣ полевые и черныя работы, и занимаясь всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, абхацки одѣты въ чистое ситцевое платье, покроемъ своимъ подходящее къ европейской одеждѣ, и бѣлья покрывала.

Абазинны вообще не имѣли привычки скрывать своихъ женщинъ, но въ Абхазіи помѣщики и князья, придерживаясь магометанскому обычаю, скрываютъ своихъ женъ отъ посторонняго глаза и показываютъ даже и врачу ручку своей больной жены не иначе, какъ сквозъ прорѣзанное въ ширмѣ отверстіе. Жены-же простыхъ крестьянъ показываются довольно свободно, а молодыхъ дѣвушекъ и вовсе не прячутъ.

Незамужнія женщины у крестьянъ не закрываютъ свои лица и черныя, острые глаза; а замужнія, хотя и обязаны закрываться, но при встрѣчѣ съ мужчиною, показываютъ только желаніе прикрыть себя платкомъ или руками, но на дѣлѣ не исполняютъ и этого. Всѣ женщины заплетаютъ волосы въ косу и повязываютъ голову платкомъ, носятъ шали или греческія курточки и обуваются въ аккуратно сшитыя чевяки собственной работы. Женщина-абхацка ловко ѣздитъ верхомъ на мужскомъ сѣдлѣ, потому-что обѣ экипажахъ

кроиъ своей неуклюжей, двухъ-колесной арбы, абхазецъ не имѣтъ попятія.

Красивыхъ женщинъ въ Абхазіи мало, и онѣ вообще весьма скоро старѣются. Въ нихъ нѣтъ граціи, деликатности, нѣжности и свободы. Отъ тяжелыхъ работъ, которыя исполняетъ женщина въ домашнемъ быту, она огрубѣла, а постоянно висящая надъ нею власть мужа, который имѣетъ надъ женою право жизни и смерти, сдѣлала то, что во всѣхъ ея движеніяхъ и поступкахъ выказывается что-то робкое, нерѣшительное.

Въ прежнее время турки въ большомъ числѣ вывозили абхазскихъ женщинъ, и вывели лучшіе типы. На долю абхаза осталась посредственность, весьма скоро старѣющаяся.

Подобно чересамъ, абхазцы сжимаютъ грудь молодыхъ дѣвушекъ особымъ корсетомъ.

Религія и обычаи.

Все народонаселеніе абхазскаго племени, въ религіозномъ отношеніи, дѣлится на три части: православныхъ христіанъ, магометанъ и язычниковъ, или людей, не исповѣдующихъ никакой религіи, а поклоняющихся божествамъ, ими самими созданнымъ.

У жителей собственно Абхазіи точно также остались слѣды въ-ропаній всѣхъ народовъ, господствовавшихъ надъ ихъ страню. Какъ христіанинъ, такъ и магометанинъ, одинаково исполняютъ только наружные обряды своей религіи, да и тѣ въ искаженномъ видѣ; въ сущность своей религіи ни одинъ абхазецъ никогда не считалъ нужнымъ заглядывать.

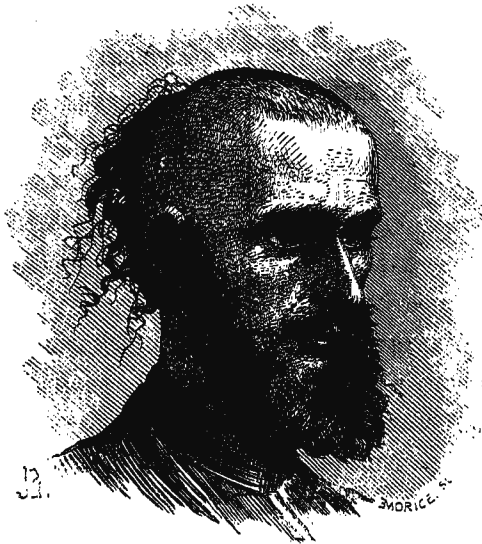
При всѣхъ усиліяхъ, турки, во время владѣнія краемъ, не могли

совершенно изгладить изъ памяти народа воспоминаніе христіанства, но магометанская религія хотя, и не имѣла въ краѣ значительнаго успѣха, все-таки поколебала христіанство.

Православную вѣру теперь исповѣдываютъ всѣ члены владѣтельнаго дома, за исключеніемъ одного бѣднаго и небольшого семейства, живущаго въ Пицундскомъ округѣ и придерживающагося исламизма. Между дворянами седьмая или восьмая часть христіане, а остальные магометане. Изъ крестьянъ — пятая часть христіанъ, пятая — магометанъ, а три пятыхъ язычники. Изъ этого видно, что магометанское ученіе, въ свою очередь, не нашло много ревностныхъ послѣдователей, и господствующею религіею въ странѣ всетаки осталась языческая, къ которой принадлежатъ и теперь большая часть народонаселенія.

Какъ правила христіанской религіи плохо исполняются туземцами, также точно исполняется ими и коранъ Магомета. Рѣдко абхазецъ ходитъ въ православную церковь, а еще рѣже показывается въ мечети. Абхазецъ-христіанинъ не считаетъ грѣхомъ подвараулить гдѣ-нибудь, въ скрытномъ мѣстѣ, и убить человѣка изъ-за пустой мести, по нѣсколькѣ лѣтъ не быть на исповѣди и у св. причастія,

и ѣсть постное только при недостаткѣ скоромнаго. Съ другой стороны, абхазецъ-магометанинъ ѣстъ съ большимъ аппетитомъ свинину, пьетъ вино, не соблюдаетъ постовъ, не терпитъ многоженства, но за то позволяетъ себѣ мѣнять женъ при каждомъ удобномъ случаѣ и, наконецъ, совершаетъ намазъ тогда, когда ему нравится, а больше всего тогда, когда находится въ обществѣ уважаемаго имъ турка.

АБХАЗЕЦЪ.

Абхазцы до такой степени безразлично и равнодушно относятся къ религіи, что она ни въ какомъ отношеніи не налагаетъ различія между жителями.

Въ одномъ и томъ-же семействѣ можно встрѣтить весьма часто и христіанина, и магометанина, живущихъ между собою въ совершенномъ согласіи. Мусульманинъ не чуждается брака съ христіанкою, и послѣ того каждый сохраняетъ свою религію. Во многихъ семействахъ часть дѣтей слѣдуетъ христіанскому ученію, другая — магометанскому, безъ всякихъ семейныхъ раздоровъ.

Такое тѣсное сближеніе двухъ противоположныхъ религій, во избѣжаніе соблазна и разныхъ недоразумѣній, заставило христіанъ и магометанъ праздновать вмѣстѣ Рождество Христово, Пасху, Духовъ день, совершать байрамъ, поститься въ рамазанъ и великій постъ.

Суевѣріе и языческіе обряды проявляются во всѣхъ праздникахъ, гдѣ жертвоприношенія, какъ главный догматъ религіи, составляютъ непремѣнную принадлежность.

Св. Георгій пользуется особымъ почетомъ между всеми абхазцами, какого-бы вѣроисповѣданія они ни были. У каждаго хозяина есть въ стадѣ лучшая корова съ обрѣзаннымъ ухомъ, и сохраняется отдѣльно самый большой кувшинъ, наполненный чистымъ, краснымъ винограднымъ сокомъ. Вино это и приплодъ отъ коровы назначаются для жертвоприношенія Св. Георгію. Если посвященная корова отелится бычкомъ, то онъ идетъ въ жертву, а если телочкою, тогда для жертвы откармливаютъ барашка.

Абхазцы, всѣхъ исповѣданій, вѣрятъ въ народную молву, что солгавшій передъ иконою великомученика Георгія и передъ иконами монастырей Пицундскаго и Иллорскаго, не избѣгнетъ наказанія. На этомъ основана у нихъ и вѣтвя въ важныхъ случаяхъ.

Въ народѣ укоренилось безчисленное множество суевѣрій и пред-

разсудковъ, неразрывныхъ съ понятіями людей невѣжественныхъ, грубыхъ и дикихъ.

Гонить-ли пастухъ свое стадо на лѣто въ горы, или спускаетъ ихъ оттуда осенью—онъ, по народному обычаю, приноситъ жертву Афѣ (богъ грома, молніи и вообще всѣхъ атмосферическихъ явленій), заваливаетъ барана, прося бога предохранить его стада отъ громоваго истребленія. Мясо принесенной жертвы употребляется въ пищу лицомъ, принесившимъ жертву. Случится-ли въ Абхазіи засуха — народъ обращается съ просьбою къ дѣвушкамъ добыть имъ дождя. Одѣвшисъ въ лучшія свои платья и раздѣлившисъ на три части, дѣвушки идутъ тогда къ рѣчкѣ, гдѣ одна часть устраиваетъ изъ вѣтвей плотъ, другая подноситъ къ плоту сухую солому, а третья занимается приготовленіемъ кувлы, въ видѣ женщины. Затѣмъ приводятъ эшака, покрываютъ его бѣлою простынею и сажаютъ на него куклу. Одна изъ присутствующихъ беретъ за поводъ узды, двѣ становятся съ боковъ эшака, для поддерживанія кувлы, а остальные, раздѣлившисъ на двѣ части, становятся по обѣ стороны эшака, и въ такомъ видѣ ведутъ его къ плоту.

— Воды дашь! воды дашь! поютъ они хоромъ, воду дождевую маргаритку красную, сынъ владыки (или владѣтеля жаждетъ немного воды, немного воды). (Дзивау дзывава, дзири ква ква, мыкрылдъ алпъ ахъ, и на дыдышвойтъ дзы-хучиъ, дзы-чучиъ).

У плота снимаютъ съ эшака куклу, сажаютъ ее на плотъ, зажигаютъ на немъ солому и, въ такомъ видѣ, пускаютъ его по теченію воды. Потомъ заставляютъ эшака выкупаться въ той-же рѣчкѣ, и какъ онъ всегда противится этому, то дѣвушки вгоняютъ его хлыстами. Переплывъ рѣку и выйдя на противоположный берегъ, эшакъ почти всегда начинаетъ ревътъ, что принимается за хорошій признакъ, и дѣвушки увѣряютъ себя, что дождь непремѣнно будетъ, и радостно возвращаясь домой, поютъ народныя пѣсни.

Подобно сосѣдямъ своимъ, черкесамъ, абхазцы признаютъ суще-

ствование различнаго рода духовъ и вѣрятъ въ существованіе духа покровителя горъ.

Суевѣріе народа обезпечило существованіе женщинъ — гадальщицъ, ворожей и знахарокъ. Такая старуха есть въ каждомъ аулѣ: она и лекарка, сваха, бабка и гадальщица. Онѣ лучшія посредницы во всѣхъ горскихъ любовныхъ похищеніяхъ. Передать тайну юной горянки предмету ея страсти — молодому наѣзднику; добыть травы силотворной или питья, зелья приворотнаго, на случай, еслибы поладилось завербовать чье-нибудь сердце, это ихъ дѣло.

Придавая большое значеніе гаданію, абхазцы вѣрятъ въ существованіе колдуновъ, вѣдьмъ и водяныхъ. Последніе носятъ названіе дзызла и водятся въ омутахъ, рѣкахъ и особенно подъ мельницами.

Абхазецъ вообще грубъ и невѣжественъ; въ немъ нѣтъ стойкости и твердости характера; онъ непостояненъ, не смѣлъ и даже робокъ, вѣроломъ, остороженъ и всегда покоренъ передъ сильнѣйшимъ.

Ума у абхазцевъ немного, и къ тому-же они мало способны къ умственному развитію; но у нихъ много пракческаго смысла, и тотъ небольшой кругъ понятій, который имъ доступенъ, разработанъ ими отлично.

Вся цѣль, вся жизнь абхазца направлена, по большей части, на приобрѣтеніе, по возможности даровое, какихъ-либо вещественныхъ выгодъ. Отличительныя черты его: воровство, корыстолюбіе въ самыхъ мелочныхъ разбѣрахъ, и отсутствіе честнаго труда и любознательности. Воровство считается молодечествомъ и удалствомъ. Самымъ лучшимъ человѣкомъ въ краѣ считается тотъ, кто произвелъ болѣе разбоевъ и убійствъ. Вся слава состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, изъ одной засады въ другую, воровать имущество неосторожныхъ лицъ, ихъ скотъ, а при удачѣ и самихъ поселянъ, для продажи въ неволю.

— Ты еще, кажется, ни одной лошади не сумѣлъ украсть, говоритъ часто въ укоръ дѣвушка молодому парню — ни одного плѣннаго не продалъ.

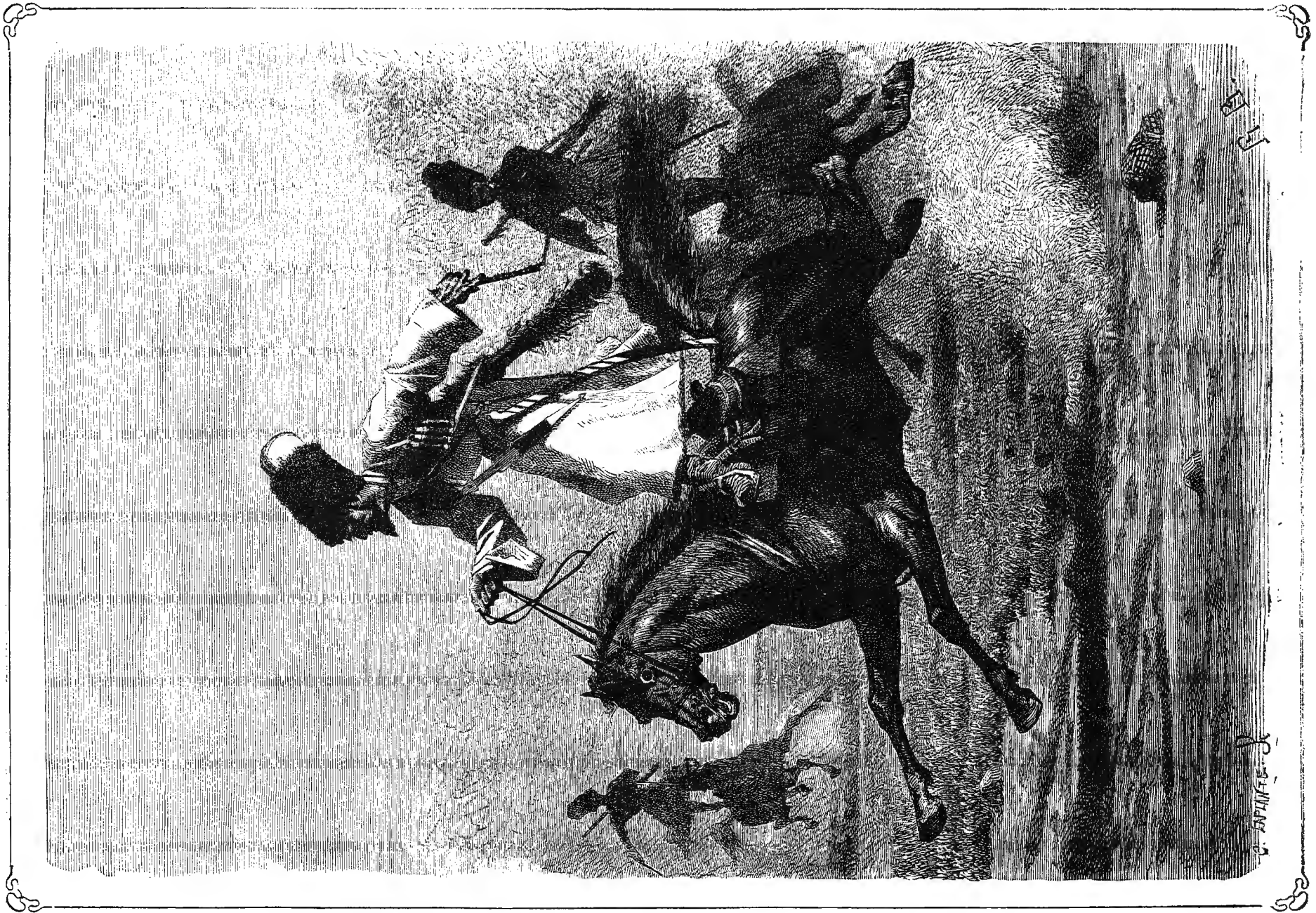
— Помоги тебѣ Богъ, говоритъ мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ шашку, — помоги тебѣ Богъ этою шашкою приобрѣсти много добычи и днемъ, и ночью.

Характеръ абхазца глубоко испорченъ. Не смотря на эту испорченность, на многія безнравственныя черты въ народѣ, нельзя все-таки отрицать въ немъ извѣстной доли благородства.

Князья и дворяне, въ особенности тѣ, которые получили воспитаніе, вѣжливы и честны.

Вообще абхазцы держатъ себя свободно, говорятъ съ каждымъ безъ стѣсненія, подбоченившись или опершись на ружье. Гордость и сознаніе собственнаго достоинства проглядываютъ во всѣхъ движеніяхъ абазипскаго племени, которое отличается большою суровостью и воинственностью.

Не смотря на нѣкоторую наружную свободу, предоставленную женщинѣ, она, въ полномъ смыслѣ, раба своего мужа и, въ крестьянскомъ быту, выполняетъ всѣ тяжелыя работы. Какъ въ Абазіи, такъ и въ Абхазіи одинаково смотрятъ на женщину, которая, въ глазахъ мужа, не болѣе, какъ старшее въ домѣ рабочее животное, о которомъ можно гораздо менѣе заботиться, чѣмъ о лошади. Женщина не знаетъ ласкъ ни мужа, ни сыновей, которые, по большей части, со дня рожденія, отрываются отъ груди матери и отдаются на воспитаніе въ чужія руки, въ чужой домъ, и даже въ своей родинѣ. Чувство сыновней любви не можетъ развиваться въ такихъ дѣтяхъ, и она неизвѣстна абхазцамъ. Жена не можетъ вступать съ мужемъ въ разговоръ, пока ее не спросятъ; не имѣетъ права судить при немъ и при постороннемъ лицѣ; не получаетъ даже отъ мужа непосредственныхъ приказаній, а всегда черезъ кого-нибудь другаго. Услыша голосъ мужа издали, она обязана выйти къ нему на встрѣчу

ЧЕРКЕССКАЯ ДИВЛЮТОВКА.

и ожидать его стоя, держать его коня, разсѣдлатъ и присмотрѣть за нимъ.

Не смотря на то, что женщина проводитъ всю свою жизнь подъ гнетомъ мужа, удивительная чистота нравовъ — принадлежность женщины всѣхъ племенъ абхазскаго народа. Ни рабство, ни тяжкіе труды не могутъ заставить жену забыть свой долгъ и измѣнить мужу. Подобная измѣна влечетъ за собою или смерть отъ руки мужа, или продажу въ неволю. Если гдѣ и встрѣчается измѣна, то въ приморскихъ мѣстечкахъ, гдѣ всегда находятся такіа почтенныя старушки, которыя помогаютъ своимъ пріятельницамъ водить за носъ мужей.

Въ нравственномъ отношеніи женщина стоитъ всетаки неизмѣримо выше мужчины. Послѣдній знаетъ это, и, не смотря на то, что оказываетъ презрѣніе женщинѣ, онъ внутренно гордится ея нравственною чистотою.

Не связанный никакими особенными понятіями о религіи, абхазецъ видитъ въ бракъ средство избавиться отъ труда и передать его женѣ. Въ силу такой точки зрѣнія на бракъ въ Абхазіи установился обычай не жениться на дѣвушкѣ, а держать ее, тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ тѣмъ, въ домѣ, какъ жену. Мужчина, съ дозволенія родителей, беретъ къ себѣ ихъ дочь, живетъ съ нею, какъ съ женою, но женится на ней только тогда, когда она выкажетъ свои способности быть хорошею хозяйкою. Такое испытаніе можетъ продолжаться годъ и болѣе. Хотя большинство абхазцевъ, въ строгомъ смыслѣ, и не принадлежитъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, они всетаки не придерживаются многоженства, а ограничиваются одною женою. Бываютъ случаи семейной жизни съ двумя женами, но тогда вторая жена поступаетъ въ домъ не иначе, какъ съ согласія первой, которая и остается хозяйкою въ домѣ.

Обычай не позволяетъ абхазцу говорить родителямъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ; скромность-же запрещаетъ самому искать

себѣ невѣсту или объясняться съ нею. Молодой человѣкъ повѣряетъ тайну желанія жениться одному изъ своихъ родственниковъ, или же родители, или родственники молодого человѣка сами вывѣдываютъ отъ него эту тайну.

Получивъ согласіе, родители стараются прискаты невѣсту. Если она въ одной и той-же деревнѣ, то, желающій жениться, зная ее хорошо, встрѣчаясь на гуляньяхъ и народныхъ праздникахъ, заявляетъ родителямъ, нравится-ли она ему или нѣтъ. Если-же невѣста живетъ въ другомъ аулѣ, то молодой человѣкъ отправляется туда подъ видомъ путника. Онъ старается придти въ домъ родителей невѣсты поздно вечеромъ, подъ видомъ запоздалаго гостя, котораго, по установившемуся обычаю гостепріимства, принимаютъ со всѣмъ радушіемъ, не спрашивая, кто онъ, куда и откуда идетъ.

Гость для абхазца считается особою священной: былъ-ли то другъ (достъ) или недругъ — онъ одинаково находилъ защиту и безопасность подъ крышею дома того хозяина, къ которому пріѣхалъ.

Есть еще оригинальная черта въ душѣ абхазца: будучи гостепріименъ, абхазецъ не любитъ вечернихъ странниковъ и посѣтителей. Подъѣзжайте къ саклѣ абхазца вечеромъ и просите пріюта, — хозяинъ навѣрно всѣми средствами будетъ стараться отдѣлаться.

Молодые дѣвушки Абхазіи замѣняютъ обыкновенно въ семействѣ прислугу, и потому молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ домъ подъ видомъ гостя, можетъ хорошо и легко рассмотреть избранную его родителями невѣсту и высказать о ней свое мнѣніе.

Бракъ не имѣетъ никакихъ прочныхъ основаній въ семейной жизни абхазца. Правда, родственники замужней женщины защищаютъ ее отъ произвола мужа, но защита эта слаба и ничтожна. Мужъ можетъ прогнать свою жену, когда ему вздумается, и взять себѣ другую. Онъ считаетъ совершенно естественнымъ развестись съ такою женою, которая часто и продолжительно болѣетъ, или такою, которая не родитъ ему сына. Въ первомъ случаѣ, переселившись опять

къ своимъ родственникамъ, она, по выздоровленіи, не теряетъ еще права возвратиться въ домъ мужа; но во второмъ — такой возвратъ рѣдко бываетъ возможенъ. Мужъ, во время отсутствія жены, беретъ себѣ другую, живетъ съ нею, приживаетъ дѣтей, и случается, что если первая жена рѣшится возвратиться къ мужу, то застаеть дома цѣлое чуждое ей семейство.

Впрочемъ, подобное происшествіе никого изъ семьи не поражаетъ: она остается и мужъ живетъ съ обѣими. Такіе случаи одинаково встрѣчаются какъ у христіанъ, магометанъ, такъ и у язычниковъ.

Въ домашней жизни все почти хозяйство лежитъ на обязанности женщины. Весь тяжкій и грязный трудъ, какъ собственно въ Абхазіи, такъ и въ горахъ, исполняютъ женщины. Мужъ знаетъ винтовку, кинжалъ да шашку, а жена все остальное. Если бы даже случилось, что убогая крыша сакли абазина протекла, то нарядникъ скорѣе рѣшится погибнуть отъ дождя и сырости, чѣмъ запачкать руки въ глинѣ и замазать дыру въ крышѣ.

Абхазецъ не родится, не женится и не умираетъ безъ выстрѣла и звона шашки. Иногда мужъ не знаетъ о предстоящей и скорой прибыли въ семействѣ. Обычай народа сдѣлалъ это обстоятельство тайною для мужа.

Жена тщательно скрывала отъ него беременность и, своимъ разрѣшеніемъ, готовила ему пріятный и неожиданный сюрпризъ. Чувствуя приближеніе родовъ, женщина тихо вставала съ постели, зажигала огонь, прокрадывалась къ винтовкѣ мужа, снимала ее со стѣны и стрѣляла въ дверь сакли. По числу дыръ пробитыхъ въ

двери можно собрать точныя свѣденія о числѣ потомства каждаго абхазца.

Поцѣловавъ жену, которая только въ этомъ случаѣ имѣла законное право на ласку, мужъ вскидывалъ на плечо винтовку и отправлялся за бабкой. Втолкнувъ послѣднюю въ свою саклю, будущій отецъ новорожденного оставался за порогомъ, ожидая слабого призывнаго голоса родильницы. Съ первымъ призывомъ жены, мужъ бросался въ саклю и останавливался на порогѣ.

— Отвага или красота? спрашивалъ онъ бабку.

— Отвага, отвѣчала та.

Мужъ спѣшилъ къ женѣ, поцѣловалъ ее, щедро дарилъ бабку, а самого себя поздравлялъ съ сыномъ.

Но если случалось, что на вопросъ его бабка отвѣчала: красота, — что означало рожденіе дочери, то онъ обязанъ былъ или поцѣловать бабку, или откупиться отъ сладости поцѣлуя, по преимуществу весьма ветхой старухи.

Не оказывая впрочемъ ни сыну, ни дочери особыхъ ласкъ, онъ въ душѣ гордится сыномъ и презираетъ дочь.

Въ семейномъ быту власть родительская неограниченна. Уваженіе къ отцу и старшимъ составляютъ исключительную черту народнаго характера и семейной жизни. Взрослый и даже женатый сынъ не имѣетъ право садиться въ присутствіи отца и старшаго брата. Вообще младшій обязанъ всегда уступить старшему лучшее мѣсто, въ почетномъ углу дома, а въ толпѣ пропускать его. Отецъ не отвѣ-

АБХАЗЕЦЪ.

часть ни передъ кѣмъ за жизнь своего ребенка. Въ этомъ отношеніи абхазцы совершенно сходны съ черкесами. Отецъ и здѣсь не долженъ ласкать дѣтей: ласка считается выраженіемъ слабого характера. Отъ этого отецъ является въ семействѣ человѣкомъ угрюмымъ, суровымъ, властелиномъ гордымъ и деспотичнымъ. Если злоупотребленія родительской власти случаются не часто, то причиною тому обычай отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужія семейства. Между князьями и дворянами обычай этотъ, во всѣхъ племенахъ абхазскаго народа, былъ явленіемъ обыкновеннымъ, а простой народъ также придерживался этого при возможности и средствахъ.

По понятію абхазцевъ, дитя, отданное на воспитаніе, до совершеннолѣтія не должно знать своихъ родителей и близкихъ родственниковъ, а отцу и матери приласкать его считается большимъ неприличіемъ и даже порокомъ.

Отданный на воспитаніе мальчикъ оставался въ чужомъ домѣ до четырнадцатилѣтняго возраста и затѣмъ, съ разными церемоніями, возвращался въ домъ родительскій.

Въ домѣ, гдѣ бываетъ покойникъ, собираются мужчины и женщины, садятся вокругъ гроба, проводятъ всю ночь въ пѣніи разныхъ пѣсень, въ которыхъ, какъ говорятъ, даже зачастую ругаютъ умершаго, и когда одни изъ присутствующихъ плачутъ, другіе смѣются и поютъ.

Въ то время какъ всѣ присутствующіе веселятся, поютъ и смѣются, жена покойнаго, чтобы не потерять всякое уваженіе въ народѣ, обязана оплакивать мужа, съ выраженіями отчаянія и самоистязанія.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, около котораго толпится не малое число мужчинъ и женщинъ, пріѣзжающій на похороны останавливается, слѣзаетъ съ лошади и проситъ увѣдомить вдову о своемъ пріѣздѣ.

Черезъ нѣсколько времени изъ дома слышится громкій плачь,

дверь отворяется и, рыдая и заливаясь слезами, выходитъ жена покойнаго. Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, родственницъ покойнаго или неутѣшной вдовы, окружаютъ и поддерживаютъ ее. Волосы ея распущены и на ней надѣта длинная, черная шерстяная рубашка съ открытою грудью; лицо, грудь и руки испарапаны и избиты до крови.

Выслушавъ выраженіе участія и скорби, которая принимаетъ пріѣзжій въ постигшемъ ея горѣ, вдова вводитъ его въ комнату, гдѣ плачь и рыданіе, сопровождаемые ударами въ лицо и грудь, снова возобновляются съ удвоенною силой и продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока вдова не придетъ въ изнеможеніе. Эти сцены должны повторяться съ каждымъ новымъ пріѣзжимъ до самыхъ похоронъ.

Между абхазцами, даже и христианами, до сихъ поръ поддерживается обычай хоронить умершихъ по лѣсамъ или близъ дорогъ, или близъ домовъ, но не въ церковной оградѣ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ похоронъ, семейство умершаго обязано совершить поминки по немъ. На поминки собирается множество народа, они продолжаютъ не менѣе трехъ сутокъ, въ теченіе которыхъ всѣ живутъ на счетъ родственниковъ умершаго. Поэтому, какъ бы въ покрытіе издержекъ и расходовъ, каждый гость обязанъ сдѣлать посильный подарокъ. Онъ приноситъ то, чѣмъ богатъ: оружіе, сукно, холстъ, матерію, лошадей, скотину, барановъ, домашнюю птицу, зерно и проч.

Поминки происходятъ почти всегда на открытой полянѣ, гдѣ-нибудь по близости деревни.

На третій день поминокъ назначается скачка, которою и заканчивается тризна по умершемъ. Въ скачкѣ принимаютъ участіе исключительно мальчики отъ 12 до 14 лѣтняго возраста. На лошадяхъ, осѣдланныхъ черкесскими сѣдлами, но безъ подушекъ, для того чтобы не сидѣть, а стоять въ стременахъ, скачутъ они на значительное разстояніе отъ 30 до 50 верстъ, туда и обратно, по мѣст-

ности чрезвычайно пересѣченной. Состязающихся въ скачкѣ почти всегда сопровождаетъ огромная толпа любителей и охотниковъ. Скачущіе могутъ побуждать своихъ лошадей крикомъ, гикомъ и топаньемъ, не касаясь лошади плетью. Вся ватага, состоящая часто болѣе чѣмъ изъ сотни всадниковъ, несется черезъ бугры и рытвины по полямъ и по лѣсу, на гору и подъ гору, думая только объ одномъ, какъ бы придти первому и получить призъ часто весьма не цѣнный.

Рѣдко такая скачка обходится безъ несчастія. Мальчики падаютъ съ лошадей, убиваются до смерти и за одаѣми поминками слѣдуютъ другія, на которыхъ повторяется снова та же бѣшенная скачка.

Вдова умершаго, по обычаю абхазцевъ, можетъ выйти замужъ за роднаго брата покойнаго, если на то существуетъ обоюдное согласіе. Но если согласія этого нѣтъ и вдова остается въ затруднительномъ положеніи относительно матеріальнаго благосостоянія, то въ Абхазіи существуетъ прекрасный обычай, по которому жители аула всегда помогутъ ей посѣять и убрать хлѣбъ и обезпечить ея существованіе. Забота о бѣдныхъ развита въ народѣ и составляетъ одну изъ хорошихъ сторонъ общественной жизни абхаза. Здѣсь нѣтъ нищихъ, какъ мы привыкли видѣть въ другихъ мѣстахъ, и бѣдные всегда получаютъ пособіе отъ общества.

ЖХХІІ. Н О Г А Й Ц Ы.

Характеръ и народный бытъ.

Ногайцы живутъ въ Ставропольской губерніи, по Кубани, между Лабой и Кубанью и на Кумынской плоскости. Ихъ считается болѣе 80,000 душъ.

По образу жизни, ногайцы раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ.

Неудобство земель причиною того, какъ закубанскіе, такъ и всѣ остальные ногайцы, или вовсе не занимаются земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, или занимаются ими весьма мало.

Главное занятіе ногайцевъ состоитъ въ скотоводствѣ и уходѣ за скотомъ. Бѣдные, не имѣющіе его, идутъ лѣтомъ въ заработки, и тысячи ихъ расходятся по окрестнымъ селамъ сосѣднихъ уѣздовъ и казачьихъ полковъ. Тамъ они пасутъ стада и табуны лошадей, убираютъ виноградъ и выжимаютъ вино.

Ногайцы, ведущіе жизнь осѣдлую, довольно безобразны: постоянное сидѣнье на корточкахъ возлѣ огня, нечистота и дымъ, скудная пища, всеобщая бѣдность и недостатокъ движенія — все это дѣлаетъ плоскія и изможенные ихъ лица крайне безобразными. Напротивъ того, ногайцы, кочующіе лѣтомъ по широкимъ степямъ, какъ

напримѣръ, кара-ногайцы, едишеульцы, довольно красивы. Кара-ногаецъ, по большей части, высокаго роста и статенъ. Каріе глаза, прямой съ небольшимъ горбомъ носъ, средняя толщина, бритая голова черная рѣдкая борода и усы составляютъ отличительныя черты его лица.

Ногайцы вообще вкрадчивы, скрытны и корыстолюбивы; за кирпичъ чая готовы возстать на самаго близкаго родственника. Корыстолюбіе ихъ не высказывается въ стремленіи въ приобрѣтенію прилежаніемъ и трудомъ, а напротивъ того, въ желаніи нажить все легчайшимъ способомъ—воровствомъ и хищничествомъ. Будучи лѣнны до высочайшей степени, они проводятъ большую часть времени въ праздности: сидятъ въ кибиткахъ или разъѣзжаютъ въ степи по ауламъ.

Гостепримство хотя и считается у нихъ добродѣтелью, но безъ расчета ногаецъ не исчислетъ чурека для гостя и очень часто обокрадетъ его точно также, какъ и гость не стѣсняется обокрасть хозяина. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна или лентъ—это такія вещи, которыя составляютъ предметы желанія одного и зависти другаго.

Главную и любимую пищу кара-ногайца составляетъ кирпичный чай; какъ русскій человѣкъ безъ хлѣба, такъ кара-ногаецъ безъ чая обойтись не можетъ; хлѣба кара-ногайцы не употребляютъ вовсе или очень мало. Кромѣ чая, кара-ногайцы ѣдятъ вареное пшено, небольшія пышки, варенныя въ салѣ, и бишбармакъ—бушанье, приготовленное изъ баранины и сарачинскаго пшена. Мясо ѣдятъ только въ дни годовыхъ и торжественныхъ праздниковъ, да и то только богатые. Пьютъ бузу, приготовляемую изъ пшена, и аракъ—родъ спиртнаго напитка, приготовляемаго изъ молока, и отчасти кумыса.

Ногаецъ можетъ быть очень воздержанъ въ пищѣ, въ теченіи даже нѣсколькихъ дней; можетъ довольствоваться одною пышкой или чу-

рекомъ, но за то, если представится случай, будетъ пить чай, сколько бы ему ни предлагали, и съѣстъ несмѣтное количество пищи.

Всѣ ногайцы лѣнны, но кара-ногайцы и едишеульцы отличаются особою лѣнностію и неспособностію къ продолжительному труду. Лѣтомъ они предаются полнѣйшей бездѣятельности: по цѣлымъ днямъ сидятъ возлѣ кибитокъ съ небольшими трубочками во рту и слушаютъ *хабаръ* (новости), въ которыхъ нѣтъ недостатка.

Каждое извѣстіе съ быстротою молніи разлетается во всѣ мѣста кочевья кара-ногайцевъ.

Бездѣятельность и отсутствіе правильныхъ занятій породили въ народѣ страсть къ воровству, мошенничеству и клаузамъ.

Ногайцы съ виду кажутся весьма простыми, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно изворотливы.

Кара-ногайцы не грабятъ, не убиваютъ: они занимаются, по преимуществу, тѣмъ, что называется мелкимъ воровствомъ. Его дѣло стащить гдѣ-нибудь лошадь, скотину или барашка: но онъ никогда почти не нападаетъ на человѣка и никогда не употребляетъ въ дѣло оружія. Къ послѣднему онъ прибѣгаетъ только для защиты своихъ стадъ отъ звѣрей и себя отъ внѣшнихъ враговъ, которыми окруженъ со всѣхъ сторонъ, и которыхъ привыкъ бояться съ малолѣтства.

Понятія о стыдѣ у ногайцевъ совершенно не существуетъ. Ласковое обращеніе съ ними выводитъ ихъ изъ границъ подчиненности.

По образу жизни ногайцы болѣе осѣдлы, чѣмъ калмыки. Хотя очень немногіе изъ ногайцевъ живутъ въ земляно-соломенныхъ, а тѣмъ болѣе деревянныхъ сакляхъ; но за то почти всѣ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ и одинокихъ, имѣютъ въ ряду своихъ кибитокъ базы, окопанныя кругомъ и обнесенныя ими просто глиняными или глиняно-кирпичными стѣнами. У нихъ есть конюшни, въ кото-

рыхъ съ достаточнымъ удобствомъ помѣщается малый, а при нуждѣ и рогатый скотъ.

Осѣдлые ногайцы живутъ въ мазанкахъ, расположенныхъ обыкновенно весьма неправильно и тѣсно. Закубанскіе же ногайцы всѣ живутъ осѣдло въ домахъ, такъ что въ аулахъ ихъ рѣдко можно встрѣтить кибитку.

Все семейство кочующаго кара-ногайца, какъ бы велико ни было, помѣщается въ одной кибиткѣ; только у нѣкоторыхъ, болѣе богатыхъ, имѣется другая кибитка для низшихъ членовъ семьи, кладовой и кухни. Въ кибиткѣ всегда грязно, душно и тѣсно.

Кибитка кара-ногайца обита снаружи войлокомъ и для входа имѣетъ небольшое отверстіе, закрываемое также войлокомъ. Вверху кибитки сдѣлана отдушина для прохода дыма; въ ненастную погоду она закрывается большимъ кускомъ полости, прикрѣпленной къ жердямъ кибитки. Такой домъ не болѣе какъ въ полчаса можетъ быть разобранъ и уложенъ на арбу; на другую арбу еще скорѣе укладываютъ хурда-мурда, т. е. домашнюю рухлядь, и семейство готово въ ходъ.

Если подобное жилище очень удобно лѣтомъ, за то зимою оно весьма плохо защищаетъ отъ стужи, страшной степной вьюги и сильнаго холоднаго вѣтра, врывающагося со свистомъ въ дырѣя кибитки. Тогда дѣти кара-ногайца, голыя или въ однѣхъ оборванныхъ рубашенкахъ, прячутся подъ овчины и дрожатъ какъ листъ, а хозяинъ кибитки, съ болѣе взрослыми членами семьи, сидитъ скорчившись возлѣ скромнаго огонька и отогрѣваетъ околѣвшія свои руки.

Во время продолжительныхъ *шурановъ* (жестокихъ степныхъ мятежей), въ кибитку, гдѣ съ трудомъ помѣщается семейство ногайца, загоняются телята, бараны, козы для предохраненія ихъ отъ гибели. Крупный скотъ, лошади и верблюды, оставляются на произволъ судьбы. Нерѣдко гибнутъ цѣлыя стада, и изъ богатаго, ногаецъ на дру-

гой день дѣлается такимъ же байгушемъ (нищимъ), какъ и многіе его собраты.

Каждый ногаецъ можетъ имѣть нѣсколькихъ женъ, и всѣ онѣ, по магометанскому закону, не только рабы своего мужа, но и старшаго члена въ семействѣ.

Между женщинами въ семействѣ существуетъ также чинопочитаніе. Младшая слушаетъ старшую, и жена хозяина повелѣваетъ всѣмъ женщинами и, даже, младшими женами своего мужа, если у него ихъ нѣсколько.

Супружеская нравственность народа стоитъ на высокой степени: незаконно-рожденныхъ дѣтей почти нѣтъ между ногайцами, и въ особенности между кара-ногайцами.

Исповѣдуя магометанскую религію, ногайцы принадлежатъ къ двумъ сектамъ: сунитской и шитской.

Религіозные обряды и праздники закубанскихъ, да и вообще всѣхъ ногайцевъ, будучи совершенно сходны и одинаковы съ обрядами прочихъ магометанъ суннитскаго толка, весьма немногочисленны.

Изъ гражданскихъ праздниковъ можно упомянуть только о встрѣчѣ новаго года, который ногайцы празднуютъ 10-го сентября по нашему стилю.

Будучи сходны съ прочими кавказскими племенами по религіи, ногайцы сходны съ ними по суевѣрію и предрассудкамъ, такъ что въ этомъ отношеніи ногайцы не имѣютъ много характеристическихъ особенностей.

Свадьбѣ обыкновенно предшествуетъ сватовство, которое ногайцы заводятъ между собою еще тогда, когда жениху и невѣстѣ бываетъ не болѣе семи лѣтъ отъ роду, а иногда и ранѣе этого срока. Отецъ мальчика отдаетъ по уговору калымъ за невѣсту отцу дѣвочки или тотчасъ, или въ извѣстный срокъ; мулла читаетъ молитву и дѣти считаются обрученными. Подобныя преждевременныя условія

ведутъ къ большимъ неудобствамъ. Браки совершаются большею частію между семействами одинаковаго состоянія.

Похищеніе невѣсты изъ дома родителей считается большимъ удалствомъ, и часто смѣльчакъ дорого расплачивается за свой отважный поступокъ.

Если калымъ въ срокъ не уплаченъ, то отецъ невѣсты вправѣ отказать жениху и заключить условіе съ другимъ ногойцемъ. Обрученные часто растутъ, не зная другъ друга; женихъ можетъ посѣщать невѣсту; но оставаться съ нею наединѣ или вступить въ связь — не допускается ни въ какомъ случаѣ. Самая свадьба не сопровождается нынѣ ни какими характеристическими особенностями. Передъ свадьбою отецъ жениха прежде всего приглашаетъ нѣсколько довѣренныхъ лицъ со стороны невѣсты и, въ сопровожденіи духовнаго лица, отправляется къ ея родителямъ.

НОГАЕЦЪ.

По прочтеніи краткой молитвы, дѣвушку сажаютъ въ нарочно приготовленную для нея брачную арбу, раскрашенную иногда въ разные цвѣта и называемую *куйме*; въ эту же арбу укладывается и все имущество невѣсты, если его не много, а въ противномъ случаѣ снаряжаютъ нѣсколько арбъ.

Если невѣста — дѣвушка, то надъ брачною арбою устанавливаютъ кибитку, *отайу*, а если выходитъ за-мужъ вдова, то ее отправляютъ въ домъ жениха въ открытой арбѣ. Передъ отправленіемъ поѣзда, на прощанье провизжитъ передъ невѣстою домра — двухструнная балалайка, туземный цѣвецъ пропоетъ пѣсню и охотники поплясать покажутъ свое искусство. Затѣмъ арба сопровождается не только родственниками ми и знакомыми, но и огромною толпою народа, которому дѣлаются разные подарки, смотря по состоянію новобрачныхъ. Отъ степе-

ни достаточности брачующихся зависит многочисленность их свиты.

Джигитовка и скачка на перегонки другъ съ другомъ составляютъ исключительное разнообразіе брачнаго поѣзда.

Если женихъ и невѣста не богаты, то первый посѣщаетъ свою невѣсту въ ея домѣ до тѣхъ поръ, пока не выплатить калымъ, и потомъ уже перевозитъ къ себѣ свою суженую.

Въ свадебныхъ увеселеніяхъ ногайцевъ нѣтъ удали, проворства, а напротивъ того: въ нихъ лежитъ что-то тихое и спокойное, какъ и сама степь, гдѣ они кочуютъ.

Ногаецъ только въ случаѣ крайней необходимости станетъ говорить съ своею женою при постороннихъ, а новобрачный какъ будто боится и совѣстится взглянуть днемъ на жену.

При рожденіи ребенка родственники и друзья отца новорожденнаго становились, въ прежнее время, у воротъ отцовскаго дома и производили ужасный шумъ и бряцанье молотками въ пустыне котлы, чтобы тѣмъ, какъ говорятъ ногайцы, устрашить и прогнать отъ дитяти дьявола. Теперь этотъ обычай почти вышелъ изъ употребленія.

Новорожденному дается имя отцомъ или вѣмъ либо изъ постороннихъ уважаемыхъ лицъ. По магометанскому закону, младенецъ мужскаго пола можетъ оставаться необрѣзаннымъ до 2-хъ и даже до 8-ми лѣтъ, смотря по желанію родителей.

Для производства такой операціи приглашается или духовное лицо, или искусные въ этомъ дѣлѣ.

Когда ногаецъ умираетъ, то родственники, съ послѣднимъ его вздохомъ, тотчасъ извѣщаютъ своихъ близкихъ друзей и знакомыхъ о постигшемъ ихъ несчастіи.

Отовсюду собирается огромная толпа, особенно если умершій, передъ своею кончиною, завѣщалъ хорошій капиталъ для своихъ похоронъ и поминокъ, бывающихъ по окончаніи года.

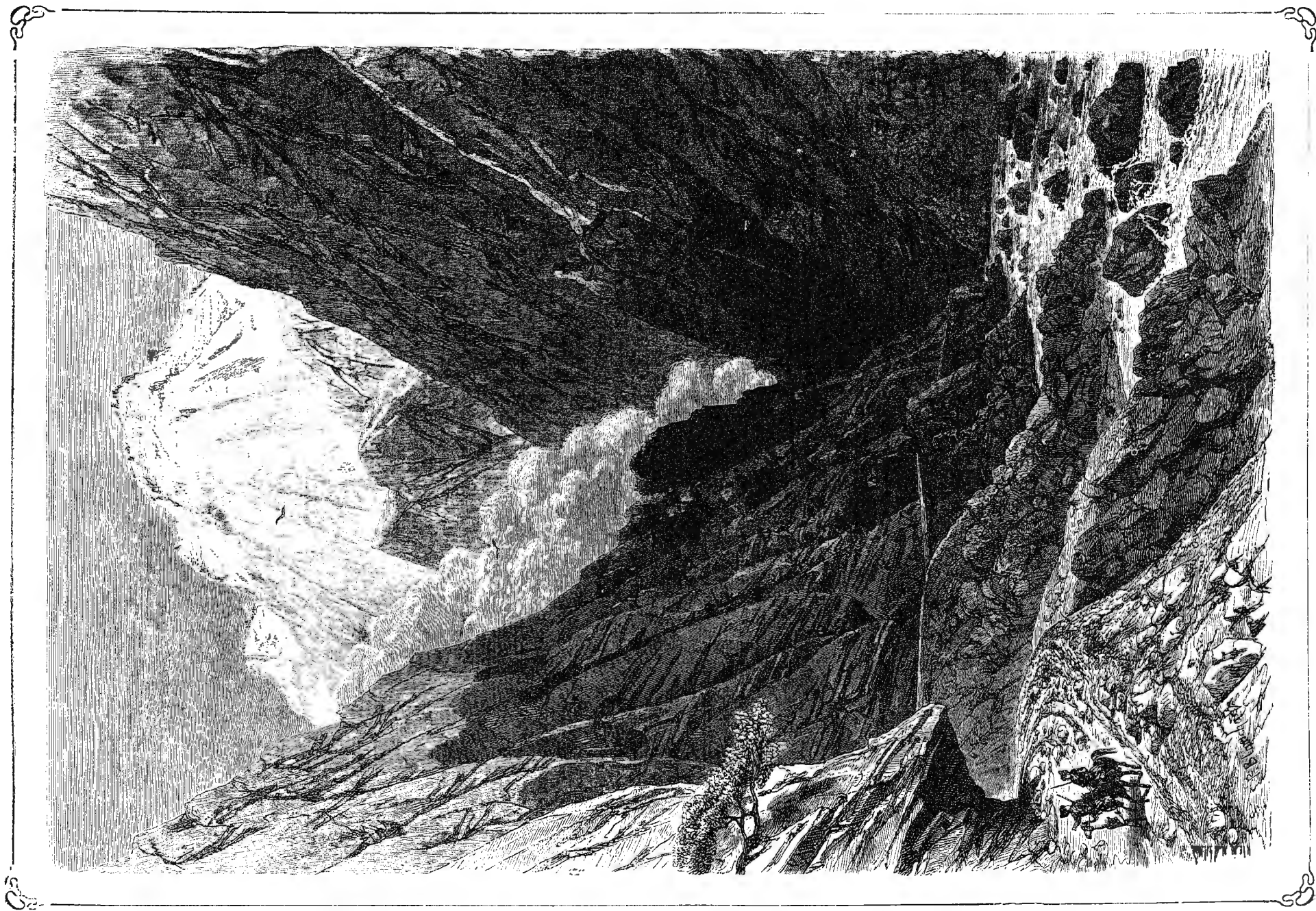
Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до кибитки или сакли покойника, посѣтители сходятъ съ своихъ лошадей и своимъ раздражительнымъ стономъ, крикомъ, и отчаяннымъ сѣтованіемъ, даютъ знать о своемъ прибытіи для того, чтобы раздѣлить общую горестъ съ осиротѣвшимъ семействомъ. Прочтя затѣмъ обычные стихи изъ корана, посѣтитель входитъ въ домъ умершаго, гдѣ раздаются постоянный плачь и рыданія. Затѣмъ по окончаніи оплакиванія, покойника относятъ на кладбище и опускаютъ въ могилу, надъ которою ногайцы ставятъ камень, вышиною въ аршинъ или немногимъ болѣе, но никакихъ похоронныхъ обрядовъ не совершаютъ.

Часто мужчины, родственники покойнаго, въ знакъ своей скорби и печали, надѣваютъ на голову траурную шапку особаго покроя. Эта шапка снимается по истеченіи года со дня погребенія того, въ честь кого была надѣта. Нѣкоторые ногайцы носятъ, впрочемъ, шапку эту, какъ принадлежность вседневнаго костюма.

По истеченіи года со дня смерти множество народа собирается на поминки, которыя главнымъ образомъ состоятъ въ питьѣ и ѣдѣ.

У кара-ногайцевъ, послѣ смерти покойника, обмываютъ и зашиваютъ все тѣло его, кромѣ головы, въ кусокъ коленкору или бязи. Едва только вѣсть о смерти кого нибудь разнесется по аулу, какъ всѣ аульныя кошки привязываются и держатся въ такомъ заключеніи до самаго погребенія покойника, изъ опасенія, чтобы которая нибудь изъ нихъ не перескочила черезъ его тѣло. Ногайцы вѣрятъ, что если кошка перепрыгнетъ черезъ тѣло, то умершій будетъ по ночамъ посѣщать свое семейство. Поэтому каждый, изъ опасенія встрѣтить покойнаго гуляющимъ, привязываетъ свою кошку.

Мулла, наибъ или даже кадій, смотря по состоянію и достоинству умершаго, читаютъ молитвы, послѣ которыхъ въ сопровожденіи родственниковъ - мужчинъ, ѣдущихъ верхомъ, и женщинъ въ арбахъ или идущихъ пѣшкомъ, покойника владутъ на арбу, везутъ на кладбище,

ДАРЬЯЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

устроенное непременно на курганѣ, для того, чтобы сократить путь правовѣрному въ рай, обѣщанный ему кораномъ.

Во время печальной процессіи никто не плачетъ, а всѣ воспоминаютъ только одни похвальные качества умершаго. По прочтеніи духовнымъ лицомъ особой молитвы, покойника опускаютъ въ могилу и владутъ въ небольшое углубленіе, сдѣланное въ могилѣ съ южной стороны. По возвращеніи присутствующихъ въ домъ умершаго открывается женскій плачь необходимый для того, чтобы оплакать и проводить душу умершаго. Плачь этотъ продолжается не болѣе полчаса, т. е. столько времени, сколько необходимо по понятію кара-ногайца для того, чтобы душа достигла до мѣста своего назначенія.

Поба женщины плачутъ, мужчины, сѣвши въ вержошь, уничтожаютъ въ значительномъ количествѣ маханъ (вареная баранина), зашивая его шорбомъ (отваръ изъ бараньяго мяса, нѣчто въ родѣ бульона) и аракомъ (родъ водки дѣлаемой изъ проса или пшена). За ѣдою до отвала слѣдуютъ еще нѣсколько возаханій о покойномъ, и затѣмъ всѣ расходятся.

Убитый на войнѣ или кѣмъ либо изъ злодѣевъ считается праведникомъ и его, не обмывая, зашиваютъ окравленного въ мѣшокъ и опускаютъ въ могилу. Душа такого счастливца попадаетъ въ рай съ послѣднимъ его вздохомъ. Надъ могилой такого покойника ставится флагъ для указанія каждому правовѣрному, что здѣсь покоится праведный.

По окончаніи шести недѣль со дня смерти дѣлаются поминки отрываемыя молитвою, которую читаетъ мулла, а затѣмъ слѣдуетъ плачь женщинъ и обычное угощеніе. Вещи и другія мелочи, принадлежавшія покойному раздаются въ этотъ день нищимъ и, начиная съ этого дня, вдова можетъ снова выйти замужъ, а родственники снять трауръ, состоящій обыкновенно изъ чернаго платка у женщинъ, и черной шапки у мужчинъ.

XXXIII. С В А Н Е Т Ы или Ш А Н Ы.

Религіозный и семейный бытъ народа.

По сосѣдству съ абхазскимъ племенемъ и на востокъ отъ него, въ верховьяхъ р. Ингура и его притоковъ, поселились сванеты, народъ до сихъ поръ еще мало извѣстный, по крайней ограниченности извѣстныхъ о немъ этнографическихъ свѣдѣній.

Часть сванетовъ, поселившаяся въ верховьяхъ р. Цхенис-Цхали и бывшая прежде подвластною владѣтелямъ Мингреліи, называется Дадіановскою Сванетією. Остальное населеніе, размѣстившееся по верховьямъ Ингура и многочисленнымъ его притокамъ, раздѣляется на Вольную и Княжескую Сванетію.

Страна эта есть одна изъ самыхъ возвышенныхъ мѣстъ, обитаемыхъ въ горахъ Кавказа, и представляетъ собою ущелье, обнесенное со всѣхъ сторонъ горами и простирающееся въ длину до 110, а въ ширину до 50 верстъ, съ населеніемъ до 11 т. душъ.

Суровость скалъ и самого ущелья иногда смѣняется разнообразными видами богатой растительности на небольшихъ полянкахъ, попадающихся при впаденіи въ Ингуръ его притоковъ. Здѣсь растутъ мелколиственная пальма, каштанъ, стройный букъ и высокоподнимающіяся хвойныя породы лѣса, а подъ ними пріютились рододендронъ, остролисть и т. п.

Замкнутая въ котловинѣ Кавказскаго хребта, Сванетія считается однимъ изъ самыхъ дикихъ мѣстъ Кавказа, какъ въ топографическомъ отношеніи, такъ и относительно нравовъ ея жителей. Въ то-

пографическомъ отношеніи Сванетія занимаетъ центральное положеніе въ западномъ Кавказѣ до того уединенное, замкнутое, что страна эта представляется какъ бы отдѣльнымъ островомъ среди цѣлаго океана горъ. Такая замкнутость имѣла и имѣетъ большое вліяніе на характеръ, нравы и обычаи народа. Сванеть также недоступенъ и дикъ, какъ и природа его окружающая. Доступъ въ Сванетію возможенъ только въ теченіи короткаго лѣта и почти прекращается въ теченіи продолжительной зимы.

Въ Сванетіи, какъ и во всякой горной странѣ, много климатическихъ особенностей, въ зависимости отъ которыхъ находится и земледѣліе ея жителей. Склонные къ земледѣлію, сванеты содержатъ свои поля очень чисто и въ нихъ плевела попадаютъ весьма рѣдко.

Сванетія болѣе населена и лучше обработана, чѣмъ многія изъ горскихъ владѣній. Ничтожность промышленности заставила народъ обратиться къ единственному источнику пропитанія и богатства — хлѣбопашеству, и надо сказать, что трудъ землевладѣльца вознаграждается достаточно, хотя сванеть крайне лѣнивъ и потому бѣденъ.

Домъ сванета каменный и состоитъ изъ большой двухъ-этажной постройки, выбѣленной и съ окнами въ видѣ бойницъ.

Сванеты любятъ строить свои дома на выдающихся холмахъ около скалистыхъ обрывовъ, съ тѣмъ, чтобы господствовать надъ окружающею мѣстностію. Деревни ихъ раскинуты по террасамъ, на склонахъ горъ, и, по мѣрѣ удаленія въ горы и возвышенія надъ уровнемъ моря, они все болѣе скучиваются.

Домъ широкимъ своимъ бокомъ прилегаетъ къ четырехугольной высокой башнѣ, съ четырехъ сторонъ которой устроены въ самомъ верху ея амбразуры, а надъ амбразурами выступаютъ изъ стѣны небольшіе своды. Башни раздѣляются на нѣсколько этажей, но не составляютъ принадлежности домовъ всей Сванетіи, и тамъ, гдѣ туземецъ не имѣетъ надобности скрываться подъ ихъ защитою, башни не строятся.

Верхній этажъ дома отдѣляется отъ нижняго бревенчатымъ поломъ; такіе же полы разграничиваютъ на нѣсколько этажей и башню. Толстыя доски, съ вырубленными въ нихъ ступенями, замѣняютъ лѣстницы, по которымъ производится сообщеніе нижняго этажа съ верхнимъ какъ въ жиломъ домѣ, такъ и въ башняхъ. Съ наружной стороны къ дому приставлена такая же лѣстница, которая верхнимъ своимъ концомъ прислоняется противъ верхняго этажа къ деревянному балкону. Въ случаѣ нападенія, сванеть втаскиваетъ эту лѣстницу внутрь, забиваетъ двери изъ нижняго этажа въ верхній, и тогда домъ его обращается въ крѣпость. Полъ въ домѣ сванета каменный, комнаты просторны, но стѣны и потолки досыта отъ копоти и черны какъ уголь. Топка производится въ очагѣ, расположенномъ посреди комнаты и не имѣющемъ дымовой трубы.

Сванеть живетъ зимою въ нижнемъ этажѣ своего дома и загоняетъ туда же свой скотъ, а на лѣто переселяется въ верхній этажъ.

Внутри комнаты бѣдно, и при самомъ входѣ въ домъ, на пеньковыхъ веревкахъ, виситъ небольшой ящикъ (кубъ), сдѣланный въ видѣ домика, гдѣ хранится сыръ и свѣжее молоко.

Почти около каждаго дома есть огородъ, гдѣ сѣютъ коноплю и горохъ; четырехугольныя и даже квадратныя пашни, здѣсь и тамъ, раскинуты около деревни и обнесены изгородью.

Подлѣ дома устроены небольшіе сквозные деревянные амбары, крытые соломой, для сохраненія кукурузы, и часто, въ предохраненіе отъ сырости и мышей они, не касаясь пола, стоятъ на нѣсколькихъ столбахъ.

Свободное время, а въ особенности праздники, сванеть проводитъ въ стрѣльбѣ и попойкѣ. Попойки бывають днемъ и ночью то у одного, то у другаго. Обыкновенно домъ хозяина наполняется народомъ, который разиѣщается гдѣ попало: кто на землѣ, кто на скамейкахъ, устроенныхъ въ видѣ креселъ и дивановъ съ рѣзными спинками. Женщины тутъ-же пекутъ хлѣбъ на шиферныхъ плитахъ, утверж-

денныхъ на каменныхъ или желѣзныхъ столбахъ; мясо варится въ чугунныхъ котлахъ, повѣшенныхъ въ саклѣ на желѣзныхъ крючьяхъ.

Пища сванета проста и разнообразна. Она состоитъ изъ хлѣба, испеченаго изъ ржаной муки въ видѣ комковъ и безъ дрожжей; до чрезвычайности соленого сыра и арака—родъ водки, которую гонятъ изъ проса.

Существенныя увеселенія сванетовъ состоятъ въ сходбищахъ и пляскахъ. Пѣсни ихъ грубы, суровы и состоятъ въ прославленіи войны, народныхъ героев и охоты. По большей части онѣ рѣмованы и заимствованы у имеретинъ.

Дикая и суровая природа Сванетіи сдѣлала и обитателей ихъ не менѣе суровыми; они являются какимъ-то остаткомъ древняго чело-вѣчества, до котораго не коснулась ни одна пылинка просвѣщенія. Всѣ жители чрезвычайно привязаны къ своей родной почвѣ, и многіе изъ нихъ рѣдко посѣщаютъ сосѣдей.

Черты лица сванета напоминаютъ горныхъ грузинъ. Жители, въ особенности Княжеской Сванетіи, болѣе чѣмъ средняго роста, стройны и излишнюю толстоту считаютъ за порокъ, какъ слѣдствіе невоздержной жизни. Имѣя здоровой видъ, сванеты по большей части бѣлокуры, брѣютъ бороду, но оставляютъ усы, волосы стригутъ въ свобку и сзади немного подбриваютъ. Женщины также бѣлокуры и рѣдко встрѣчаются съ темнорусыми волосами, глаза голубые, носъ прямой, продолговатый, ротъ небольшой и вообще окладъ лица довольно правильный. Природа надѣлила сванетовъ значительною физическою силою, хорошими умственными способностями и быстрымъ соображеніемъ, но кругъ свѣдѣній ихъ чрезвычайно ограниченъ, какъ и языкъ ихъ. Не имѣя своей письменности, они употребляютъ грузинскія письма.

Можно сказать, что всѣ сванеты крещены, но далеко нельзя сказать, что всѣ они христіане. Нужно много усилій и значительное время для того, чтобы очистить отъ языческаго элемента религіоз-

ныя и нравственныя ихъ возрѣнія. Но въ Сванетіи сдѣлать это гораздо легче, чѣмъ среди другихъ горскихъ племенъ, потому что въ основаніи религіозныхъ возрѣній этого народа лежатъ все таки истинны христіанскаго ученія, хотъ и въ искаженномъ видѣ.

Въ настоящее время христіанство обратилось у сванетовъ въ чистое идолопоклонство. Они уважаютъ сохранившіеся образа, приписываютъ каждому изъ нихъ какое нибудь особое свойство и почитаютъ Спасителя, Богородицу, св. Георгія и архангела Гавріила. При видѣ иконы, на лицѣ сванета выражается благоговѣніе; но молясь, онъ не крестится и не снимаетъ шапки; считаетъ себя недостойнымъ, какъ грѣшникъ, поцѣловать икону, а при видѣ ея чмокаетъ губами, какъ бы цѣлуя окружающую ея воздухъ.

Съ потерю письменности, народъ потерялъ способность и умѣнье читать священныя книги, утратилъ настоящій смыслъ религіи, а неграмотные священники, передавая изустно своимъ дѣтямъ обряды религіи, искажали ихъ съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе.

Въ Сванетіи очень много храмовъ: даже въ самой незначительной деревнѣ находится ихъ по нѣскольку. Особенно наполнена ими Вольная Сванетія.

Церкви построены изъ грубо-вытесаннаго пористаго камня и покрыты тесомъ. Онѣ содержатся весьма неопрятно. Самый обрядъ богослуженія совершается только однимъ сословіемъ духовенства. Существованіе среди народа особаго класса духовенства принесло ту важную услугу, что оно ревниво оберегало свою, хотъ и искаженную, религію отъ вторженія всякихъ постороннихъ ученій. Слѣдствіемъ того было, что сванеты, не смотря на соблазны и примѣры нѣкоторыхъ изъ князей, остались чуждыми магометанскому ученію, пытавшемуся проникнуть къ нимъ съ сѣвернаго Кавказа. Такое противодѣйствіе со стороны духовенства значительно облегчило впоследствии крещеніе почти всѣхъ сванетовъ, такъ что въ 1865 году считалось только 300 душъ некрещенныхъ жителей.

Ни одеждой, ни образомъ жизни, духовенство не отличается отъ мірянъ.

Не смотря на значительный упадокъ христіанства, слѣды его остались въ отпраздненіи сванетами немногихъ годовыхъ и, въ значительномъ числѣ, церковныхъ празднествъ. Великій постъ въ большомъ уваженіи среди народа. Во все время поста жители не ѣдятъ ничего мяснаго, а употребляютъ въ пищу горохъ, бобы и разныя овощи.

Сванеты до чрезвычайности суевѣрны: вѣрятъ въ разныя примѣты и сновидѣнія, и охотники толковать ихъ. Они обращаютъ вниманіе на различныя предзнаменованія. Сванеть не пойдетъ иначе на грабежъ, какъ сначала попробуетъ счастья выстрѣломъ по птицѣ, и если не убьетъ ее, то остается дома, съ убѣжденіемъ, что не будетъ ему удачи въ предпріятіи.

Всѣ они отличныя стрѣлки до такой степени, что убить птицу не въ голову считается промахомъ. Дурная погода внушаетъ народу особый страхъ. Появленіе незнакомца во время дождя или посѣщеніе имъ въ такую погоду ихъ церкви, принимается жителями какъ знакъ не беснаго гнѣва. Чтобы не навлиять себѣ дождя или грозы во время похода, не слѣдуетъ, по понятію туземца, говорить между собою. Для этого сванеты обыкновенно ходятъ другъ за другомъ, поютъ духовныя пѣсни про себя и такъ тихо, чтобы передній не слышалъ задняго и обратно.

Съ наступленіемъ дождливой погоды, они дѣлаются неразговорчивы и прибѣгаютъ къ гаданію.

Нравственная сторона характера представляетъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ. Сванеть чрезвычайно впечатлительнень, помнить добро, признателень и всегда весель. Онъ гостепріимень, радушень, но любитъ попрошайничество и требуетъ вознагражденія за каждую незначительную услугу. Сванеты цѣломудренны, вѣрны своему слову и влятвѣ, но за то горды, мстительны, скрытны и суевѣрны въ выс-

шей степени. Гордость не мѣшаетъ имъ имѣть о себѣ самое низкое понятіе. Туземецъ не скрываетъ своего невѣжества и своихъ пороковъ, и при этомъ сознается, что у него нѣтъ рѣшимости и силы воли, чтобы исправить себя.

Лично они храбры, но неспособны къ дружному дѣйствію противъ враговъ; у нихъ нѣтъ единства дѣйствія.

Вообще характеръ сванета весьма непостояненъ: онъ то занимается хлѣбопашествомъ, то, бросивъ его, пускается въ торговлю, то ищетъ пропитанія въ одномъ грабежѣ. Въ немъ нѣтъ воинственности, нѣтъ отваги и того молодечества, которое внушаетъ презрѣніе къ опасности. Онъ не нападаетъ явно, но за кустомъ и камнемъ выжидаетъ противника, захватываетъ добычу тайкомъ и спасается безъ оглядки въ своихъ неприступныхъ горахъ.

Удивительное искусство ходить по горамъ и тропамъ скоро и много и терпѣніе въ перенесеніи трудовъ въ дорогѣ доставляютъ ему полную защиту отъ преслѣдованія и наказанія. Огромныя трещины горъ наполняются снѣгомъ, сглаживающимъ всѣ пропасти; порывистые вѣтры свирѣпствуютъ съ ужасною силою, а смѣлый сванеть, надѣвъ на ноги большія деревянныя тхеламзаури и пашись длиннымъ остроконечнымъ шестомъ, отправляется на разсвѣтѣ въ путь. Гдѣ для другаго нѣтъ никакой возможности пройти, тамъ сванеть, безъ особой усталости, сдѣлаетъ до 70-ти верстъ въ сутки, перенесетъ на себѣ тяжелые вьюки и пройдетъ черезъ глубокіе снѣга и страшныя пропасти съ такимъ же хладнокровіемъ и спокойствіемъ, какъ-бы гулялъ по своему двору. Во время пути онъ можетъ оставаться безъ пищи два и даже три дня, а при случаѣ съѣсть за однимъ обѣдомъ трехдневную порцію.

Костюмъ сванета мало чѣмъ отличается отъ костюма имеретинца и мингрельца.

Будучи некрасива, женщина въ тому же и нечистоплотна, но любить рядиться въ серебряныя или мѣдныя чапраты (грудное укра-

шеніе), и пуговицы изъ этихъ-же металловъ составляютъ любимѣйшее ея украшеніе.

По понятію сванета, красавица та, которая имѣтъ широкія плечи, маленькія ножки, полную грудь и тонкій станъ. Для сбереженія стройности стана, нѣкоторыя обшиваютъ дѣвушекъ, на десятомъ году отъ рожденія, сырою кожей отъ бедръ до груди. Въ такомъ положеніи дѣвушка остается до брачнаго ложа, и тогда женихъ разрѣзываетъ эту шнуровку кинжаломъ.

За жену сванетъ, по обычаю, долженъ заплатить 60 коровъ, — цѣна весьма большая и при значительномъ скотоводствѣ, а потому каждый предпочитаетъ взять ее силою, и часто за одну женщину, за право обладать ею, перерѣжутся предварительно множество претендентовъ. Тотъ-же недостатокъ прекраснаго пола вызвалъ и другой, не менѣе странный обычай. Если замужняя женщина понравится мужчине, то онъ ищетъ случая привязать пулю къ ея головному убору и, высказавъ этимъ способомъ притязаніе на нее, убиваетъ мужа и беретъ поправившуюся женщину къ себѣ.

Послѣ сговора и уплаты калыма, невѣста переходитъ въ домъ жениха. Тамъ молодыхъ сажаютъ, священникъ связываетъ полу платья жениха съ рукавомъ платья невѣсты. Произнося сначала «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», а потомъ: «слава Отцу, и Сыну и Святому Духу», поздравляетъ молодыхъ — и свадьба окончена.

Каждый сванетъ одновременно можетъ имѣть только одну жену; но если-бы ему захотѣлось жениться на другой, то это весьма легко исполнить: стоитъ только прогнать первую жену. Въ случаѣ смерти мужа, жена переходитъ къ его брату, и если переживетъ его, то ко второму, третьему и т. д., въ томъ случаѣ, если они холосты; но если братья умершаго женаты, то она свободна и воляна выйти замужъ за посторонняго. Въ послѣднемъ она не можетъ встрѣтить затрудненія, потому-что женщины въ Сванетіи очень рѣдки, и имѣтъ та-

кой старухи-вдовы, которая бы, послѣ смерти мужа, тотчасъ-же не нашла себѣ другаго, и очень часто молодаго.

Жена находится въ полномъ распоряженіи мужа. Онъ ея повелитель и судья, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть женщины. Спрашивать сванета о здоровьѣ жены, значитъ обидѣть его, и самому сдѣлать неприличный поступокъ; одни родственники могутъ спросить мужа о здоровьѣ жены, да и то не при постороннихъ. Мужъ считаетъ за стыдъ сидѣть вмѣстѣ съ женою и, вообще, неохотно говорить съ нею.

Не смотря на рабское положеніе женщины въ семействѣ, она пользуется нѣкоторою свободою и отличается непринужденностью при обращеніи съ посторонними. Въ противность всѣмъ горскимъ женщинамъ, сванетки легко вступаютъ въ разговоръ, шутятъ, прислуживаютъ и кокетничаютъ. Женщины принимаютъ участіе во всѣхъ народныхъ собраніяхъ и увеселеніяхъ, составляютъ хоры, поютъ, пляшутъ, нисколько не стѣсняясь и не дичась ни соплеменниковъ, ни чужеземцевъ.

Мужчина смотритъ на женщину, какъ на существо нечистое.

Сравнительно съ мужчинами, женщинъ весьма мало — отъ гнуснаго обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ. Обычай этотъ существовалъ между богатыми и бѣдными, между дворянами и крестьянами, и былъ вызванъ убѣжденіемъ, что убійство дѣвушекъ вознаграждается рожденіемъ сына; а сванеты, по своему положенію, нуждались въ мужскихъ рукахъ и, какъ всѣ неразвитыя племена, давали предпочтеніе мальчику передъ дѣвочкою. Обычай этотъ былъ такъ распространенъ, что можно было встрѣтить семейство, въ которомъ родители убили до пяти новорожденныхъ дѣвочекъ.

При жизни отца и братьевъ, женщина не имѣтъ права на выдѣлъ какой бы то ни было части изъ имѣнія; убить женщину считается низкимъ, а прекрасный полъ пользуется этимъ и принимаетъ участіе во всѣхъ ссорахъ и рѣзняхъ. Стоитъ только женщицѣ, безъ покрывала, съ рас-

пущенными волосами, броситься въ толпу враждующихъ, какъ кровопролитіе тотчасъ-же прекращается. Сванеть, скрывшійся отъ преслѣдованія въ женскомъ отдѣленіи дома, или прикоснувшійся до женщины рукою, остается невредимымъ. Никакое мщеніе, наказаніе, а тѣмъ болѣе убійство, не можетъ быть совершено въ присутствіи женщины. Ихъ посредничество принимается въ ссорѣ; но женщины не имѣютъ права быть свидѣтельницами въ процессахъ. Церковь считается оскверненною, если женщина войдетъ въ нее: она можетъ входить въ предѣлы, но не дальше. Столь презрительный взглядъ на женщину до такой степени укоренился въ средѣ сванетовъ, что сами женщины убѣждены въ томъ, что образа не вынесутъ ихъ присутствія.

Когда молодая жена родитъ въ первый разъ ребенка, тогда отецъ вручаетъ ей повязку и покрывало—исключительный нарядъ замужней женщины. Во время родовъ и послѣ ихъ, женщина, въ теченіи 40 дней считается нечистою и оставляется на произволъ; прикоснуться къ ней въ это время, пока священникъ не окропитъ ее водою, значитъ осквернить себя. Самое окропленіе производится издали, при помощи палки.

Родившійся ребенокъ считается до крещенія также нечистымъ. Крещеніе младенца производится весьма разнообразно въ различныхъ обществахъ: въ однихъ обществахъ оно ограничивается сотвореніемъ надъ новорожденнымъ крестнаго знаменія; въ другихъ младенца погружаютъ въ воду и помазываютъ муромъ изъ орѣхового масла. Обрядъ этотъ исполняетъ крестный отецъ. Есть и такія общества, у которыхъ крещеніе замѣняется тѣмъ, что отецъ кидаетъ въ колыбель новорожденного двѣ пули: одну за себя, другую за него.

Сванеты, особенно въ сѣверныхъ частяхъ владѣній, открыто пользуются правомъ сильнаго, для котораго жизнь человѣка не имѣетъ никакого значенія.

Убить человѣка за самую ничтожную вещь или плату, ничего не значить. Христіанская религія, принятая во второй разъ народомъ, пока еще не принесла плодовъ. Въ Вольной Сванетіи трудно найти человѣка, который бы не совершилъ нѣсколькихъ убійствъ. Оттого въ Сванетіи съ давнихъ временъ враждуютъ деревня противъ деревни, общество противъ общества. Сванеть въ домѣ и внѣ дома боится встрѣтиться съ кровоместникомъ. Какъ только садится солнце, онъ, боясь нападенія, загоняетъ свой скотъ и запираетъ ворота. Ночью онъ почти никогда или очень рѣдко выѣзжаетъ изъ дому.

Сванеть строить крѣпкое жилище съ массивною оградкою, съ единственною цѣлью дать своему семейству убѣжище во время нападеній. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ закладываетъ и забиваетъ нижнюю дверь, служащую для прохода скота, снимаетъ лѣстницеобразную доску отъ верхнихъ дверей, по которой обитатели входятъ и выходятъ, и все семейство, запасшись провіантомъ, запирается въ многоэтажной башнѣ. Изъ дому въ домъ отърывается стрѣльба, часто продолжающаяся по нѣскольку недель; люди и животныя одинаково подвергаются выстрѣламъ.

Во время подобной засады, дозволяется только постороннимъ свободный входъ въ оба враждующіе дома для снабженія тѣхъ и другихъ пищею и водою и для принятія мѣръ къ примиренію враждующихъ. Съ объявленіемъ мира, если случилось смертоубійство, то выборные опредѣляютъ цѣну крови, но это не мѣшаетъ получившему плату, отправить, при удобномъ случаѣ, на тотъ свѣтъ виновнаго въ смертоубійствѣ, а полученную плату бросить ему на дворъ. Эти раздѣбныя соотношенія довели сванетовъ до того, что иной не смѣетъ перейти черту своего поля, а когда воздѣлываетъ землю, то брать или другой родственникъ оберегаетъ его со взведеннымъ куркомъ у ружья. За то ни одинъ сванеть не разстается съ оружіемъ, и малѣйшая обида или ссора оканчивается выстрѣломъ.

Своеобразный характер сванетовъ выразился и въ похоронномъ обрядѣ. Каждый имѣеть на кладбищѣ или въ церковной оградѣ свой участокъ; занимать чужой участокъ не допускается, а неимѣющіе его хоронятся внѣ ограды. Въ самой церкви и у стѣнъ ея похороны строго воспрещены; дѣти моложе трехъ лѣтъ зарываются въ домъ или во дворъ. На общемъ кладбищѣ не хоронятъ незаконно-рожденныхъ, умершихъ неестественною смертію, и тѣла разлагающіяся вслѣдъ за кончиною. Въ дурную погоду не хоронятъ вовсе: покойникъ долженъ пролежать, пока не прояснится, и если дождь продолжителенъ, то вся деревня, помимо воли родныхъ, относятъ покойника и хоронятъ его въ какомъ-нибудь уединенномъ и пустынномъ мѣстѣ.

Если въ первую недѣлю послѣ похоронъ пойдетъ дождь, то покойника вынимаютъ изъ могилы и относятъ дальше: если это все не поможетъ прекращенію дурной погоды, то трупъ бросаютъ просто въ яму и, не зарывая его землею, закладываютъ досками и наваливаютъ камни.

Умершаго обмываютъ, брѣютъ, надѣваютъ на него платье, обрѣзаютъ ногти и, давъ въ руки свѣчи, кладутъ въ деревянный гробъ, Вся деревня собирается на похороны; приходятъ даже и тѣ, которые были во враждѣ съ покойнымъ.

Открывается обрядъ оплакиванія: толпа раздѣляется на кучки, которыя однѣ за другими входятъ въ домъ, становятся передъ покойникомъ на колѣна и начинаютъ голосить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сванетіи существуетъ оригинальный обычай устраивать оплакиваніе при жизни мнимаго покойника. Приготовивши пиръ, хозяинъ съзываетъ гостей, укутывается какъ покойникъ и, ставъ въ углу, остается въ неподвижномъ состояніи. Родные подходятъ къ нему по очереди и, съ громкими воплями и рыданіями, выхваляютъ доблести поображаемаго покойника.

Послѣ оплакиванія слѣдуетъ выпосъ: впереди ведутъ быка, коро-

ву или теленка, которые потомъ передаются священнику; затѣмъ слѣдуетъ мезаре съ колокольчикомъ, потомъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ. Присутствующіе подвигаются сзади медленно, въ известномъ порядкѣ: мужчины, снявъ шапки, а женщины—лечаки. Плачъ пѣніе молитвъ, съ акомпаниментомъ балайки, сливаются въ одинъ общій гулъ.

На кладбищѣ во время отпѣванія всѣ становятся на колѣни. Самое отпѣваніе состоитъ въ одномъ произнесеніи словъ: «Слава Отцу, и Сыну, и Святому духу» и въ прочтеніи нѣсколькихъ молитвъ, не принадлежащихъ, впрочемъ, исключительно этому случаю.

По окончаніи погребенія, всѣ отправляются въ домъ умершаго, гдѣ обѣдаютъ и напиваются. Родственники носятъ траурное черное платье; мужчины отращиваютъ бороды, на 6 или 7 мѣсяцевъ; дворяне носятъ трауръ два года, крестьяне менѣе. Мужчины не ѣдятъ мяса двѣ недѣли, а женщины иногда нѣсколько лѣтъ. Круглый годъ, за обѣдомъ и ужиномъ, оставляютъ на столѣ блюда для покойника, какъ бы ожидая его прихода, а каждую субботу относятъ на могилу хлѣбъ, аракъ и сыръ, дѣлающіеся достояніемъ священника, которому отдаютъ и все платье покойника послѣ общихъ поминокъ, дѣлаемыхъ въ концѣ года.

Если случится, что сванеть умретъ вдали отъ родины, то родственники употребляютъ все стараніе, чтобы перенести его останки на свое кладбище. Если же онъ похороненъ, то довольствуются соблюденіемъ весьма оригинальнаго обычая, происхожденіе котораго основано на вѣрованіи въ переселеніе душъ.

Однажды бывшій въ Кутайсѣ сванеть заболѣлъ, былъ отправленъ въ госпиталь, гдѣ и умеръ. Вскорѣ явились его родственники и просили выдать имъ тѣло покойника, но какъ оно было уже похоронено, то въ просьбѣ этой имъ было отказано. Тогда сванеты подошли къ кровати, на которой скопчался ихъ одноземецъ; ставши передъ ней на колѣни, они шептали какія-то слова и оплакивали умершаго;

потомъ пошли на кладбище въ его могилѣ, и надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежала его голова, вылили бутылку воды, выкопали небольшую яму, и посадили въ нее пѣтуха (для женщины сажаютъ курицу). Затѣмъ взяли съ могилы горсть выкопанной земли, завязали ее въ узелокъ, и, послѣ долгаго шептанія, понесли пѣтуха домой, наигрывая на чонгурѣ, напѣвая погребальную пѣсню и никому не отвѣчая на дѣлаемые имъ вопросы.

По ихъ понятію, этихъ обрядовъ совершенно достаточно, чтобы душа покойника переселилась въ пѣтуха. Они спѣшили отвести ее къ матери умершаго и тамъ уже совершали надъ пѣтухомъ и землею оплакиваніе и поминки, какъ бы надъ самимъ покойникомъ.

КАРТВЕЛЬСКОЕ ИЛИ ГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ.

Начиная отъ восточнаго берега Чернаго моря и почти до слиянія р. Куры съ Алазанью, все пространство между главнымъ хребтомъ и сѣверными скатами хребтовъ Аджарскаго и малаго Кавказа занято племенемъ картвельскимъ, или грузинскимъ.

При вступленіи въ подданство Россіи, картвельское племя раздѣлялось на четыре самостоятельныя части: собственно Грузію, или Грузинское царство, Имеретію, Мингрелію и Гурію, управлявшіяся отдѣльными самостоятельными владѣльцами.

Грузинская народность сохранилась въ Имеретіи и Мингреліи гораздо лучше, чѣмъ въ самой Грузіи. Въ этихъ частяхъ почти все населеніе принадлежитъ исключительно къ одному картвельскому племени, тогда какъ въ Грузіи народонаселеніе въ значительной степени перемѣшано съ татарами и армянами. Причиною тому историческая судьба Грузинскаго царства, подвергавшагося значительнымъ и частымъ раззореніямъ.

Такая пестрота населенія Грузіи была причиною того, что картвельская народность, въ территоріальномъ отношеніи, перемѣшалась съ другими народностями и, не сохранивъ той сплошной населенности, какая существуетъ въ Имеретіи и Мингреліи, удержала, однако же, свою особенность въ нравахъ и обычаяхъ.

Мы сначала опишемъ собственно грузинъ, а потомъ мингрельцевъ, имеретинцевъ и гурійцевъ.

По лошинамъ и скатамъ горъ раскинуты грузинскія деревни. Издали они кажутся неправильно насыпью или грудю развалинъ. Въ Карталинѣ многія села и деревни лишены садовъ; въ Кахетіи напротивъ того, всё строеніе тонуть въ зелени. Въ самомъ расположеніи деревни нѣтъ, собственно, ничего характеристичнаго, опредѣленнаго: двухъ-этажный домъ стоитъ рядомъ съ землянкою, едва видною отъ горизонта земли.

Каждый строится тамъ, гдѣ ему вздумается, не обращая вниманія на то, нарушитъ ли онъ удобство другихъ, или займетъ дорогу. Улицъ нѣтъ; проходы между домами такъ узки и наполнены такими рывинами, что одиночные всадники едва подвигаются впередъ, Грузины не имѣютъ привычки очищать улицъ; соръ и падалъ валяются въ глазахъ всѣхъ и своимъ разложеніемъ заражаютъ воздухъ.

Посреди плоскихъ крышъ домовъ возвышаются конусообразныя насыпи съ отверстіемъ для выхода дыма, а вокругъ нихъ набросаны связки хвороста и терновника, идущаго на топку. Досчатый курятникъ и плетеный кузовъ на сваяхъ для кукурузы, на кормъ птицамъ, суть необходимыя пристройки къ дому.

Хата (сакля) простолудина первобытной постройки. Она строится

изъ плетня, съ двумя отдѣленіями: одно для семейства, другое для кладовыхъ. Сакля доступна только со стороны входа. Крыша и заднія стѣнки приходятся въ уровень съ землею. Ее окружаютъ приземистый, колючій заборъ и деревья орѣшника, виноградника и плачучей ивы. Входъ въ саклю закрытъ навѣсомъ, устроеннымъ на небольшихъ столбикахъ, испещренныхъ весьма часто разными узорами.

Входная дверь ведетъ прежде всего въ дарбази—главную и самую большую комнату, посреди которой стоятъ два, а иногда и одинъ столбъ (дедабодзи), служащій опорю всему дому.

Приемная, гостиная, кухня и самая семейная жизнь селянина сосредоточиваются въ этой комнатѣ. Къ потолку придѣлана желѣзная цѣпь съ крючкомъ, на которомъ вѣшается котелъ. Въ барбази же разводится огонь или устраивается углубленіе, выложенное камнемъ, небольшой очагъ, служащій для приготовления пищи и согрѣванія во время холода. Вокругъ очага семья собирается обѣдать; здѣсь же она и спитъ. Полъ въ саклѣ земляной и неровный. Вдоль задней стѣны дарбази идутъ деревянныя полки съ симметрически разставленною посудю.

Посуда состоитъ изъ азарпеша, небольшой серебряной чашечки съ тонкою продолговатою ручкою. Азарпеша имѣетъ видъ суповой разливательной ложки, на которой часто написано во всю длину ея, кому принадлежитъ и что стоитъ. Другой сосудъ—кула, т. е. кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, сдѣланный изъ орѣховаго дерева, покрытаго краснымъ лакомъ, или изъ корня грушеваго дерева, съ пустотою ввутри.

Азарпеша и кула—сосуды, изъ которыхъ, по преимуществу, пьютъ вино. Когда пьютъ изъ кулы, то вино, стремясь изъ широкаго въ узкое и спиральное отверстіе, производитъ звукъ, похожій на воркованіе горлинки. Изъ кулы меньше выпьешь, за то скорѣе опьянѣешь.

Самый замѣчательный кубокъ грузинъ—это турій рогъ, часто

оправленный въ серебро; въ него помѣщается до полтунга вина (тунга 5 бутылокъ).

Остальная посуда состоитъ изъ деревянныхъ чашекъ грубой работы и глиняныхъ кувшиновъ, иногда натурального цвѣта, а иногда муравленыхъ.

Въ противоположной входу стѣнѣ сакли, устроена большая ниша, въ которую укладываютъ постель. Мебель составляютъ широкіе, но низкіе тахты (родъ дивана), сколоченные изъ досокъ. Тахты поставлены вдоль одной или двухъ стѣнъ, покрыты разноцвѣтными коврами, съ красною мутакою (продолговатая подушка). У третьей стѣны стоятъ сундуки, окованные желѣзомъ или обтянутые кожей, и кидобани (деревянный ящикъ) для храненія хлѣба. Тутъ же стоятъ кувшины для воды и другая мелкая утварь.

По стѣнамъ развѣшаны военные доспѣхи хозяина, покрытые весьма часто значительнымъ слоемъ копоти. Пища готовится въ самой саклѣ, въ висящемъ надъ очагомъ котлѣ, и оттого постоянное пребываніе въ комнатѣ дыма рѣжетъ глаза и коптитъ всю внутренность дома. Пламя, поднимаясь, нагрѣваетъ саклю. Къ балкѣ, упирающейся въ потолокъ, привѣшенъ глиняный или желѣзный шкаликъ съ растопленнымъ саломъ. Горящій фитиль его даетъ тусклый мерцающій свѣтъ и, вмѣстѣ съ пламенемъ костра, составляетъ все освѣщеніе сакли.

Городской домъ грузина нѣсколько отличается отъ деревенскаго. Почти каждый домъ имѣетъ балконъ съ деревяннымъ навѣсомъ и огражденъ съ улицы заборомъ. Со всѣхъ же прочихъ сторонъ къ нему плотно пристраиваются различнаго вида и величины дома сосѣдей; здѣсь, также какъ и въ деревняхъ, нѣтъ никакого однообразія. Небольшія ворота ведутъ на дворъ, весьма рѣдко вымощенный булыжникомъ. Отъ воротъ до самаго дома тянется крытая галлерей, часто до такой степени низкая, что по ней можно пройти только согнувшись. Самое жилище состоитъ изъ одного покоя, столь обширнаго,

что изъ него можно было бы сдѣлать нѣсколько комнатъ съ заломъ. Полъ или земляной, или выложенный кирпичемъ; потолокъ составляютъ или неотесанные брусья, или выструганныя доски. Для согрѣванія устроенъ каминъ (бухари), имѣющій большое отверстіе безъ рѣшетки. Выталкиваемый вѣтромъ, дымъ стелется по всей комнатѣ.

Въ комнатѣ подѣланы ниши; будучи прикрыты дверями, онѣ образуютъ шкафы. Вдоль стѣнъ стоятъ низкіе диваны (тахты), покрытые разноцвѣтными коврами. На стѣнахъ висятъ бубень (дайра) и другіе музыкальные инструменты; тутъ же винтовка съ патронташемъ и пороховница.

Подъ домомъ устроенъ темный, съ однимъ отверстіемъ, погребъ, въ которомъ хранятся все съѣстные припасы; сюда лѣтомъ ставятъ воду для прохлады всего жилья.

О переднихъ не имѣютъ и понятія: входныя двери ведутъ прямо въ жилую комнату. Для предохраненія отъ наружнаго холода, дверь завѣшиваютъ полостями. Тамъ, гдѣ въ домѣ нѣтъ камина, употребляютъ желѣзную или глиняную жаровню, часто причиняющую угарь.

Простая баранья шапка грузина, окрашенная въ черный цвѣтъ, какъ-то особенно заломлена на-бокъ. Рубашка изъ снятаго бумажнаго холста застегнута на правой сторонѣ голой шеи. Только во время сильныхъ холодовъ грузинъ повязываетъ шейный платокъ. Широкіе суконные шальвары поддерживаются на талии шнуркомъ съ кисточками и, по привычкѣ общей всемъ грузинамъ, торчатъ на виду. Ситцевый архалукъ застегнутъ на рукахъ и груди множествомъ мелкихъ пуговицъ и стянутъ тремя обхватами канаусоваго пояса, къ которому привѣшенъ кинжалъ. Сверхъ архалука надѣвается чехъ, которой рукововъ мужикъ никогда не закидываетъ за плечи. Икры его всегда обтянуты кожаными онучами; въ нихъ запущены концы исподень, которые у шиболки застегнуты тесемками, концами спускающимися внизъ.

Обыкновенно употребляются шкурные лапти, а въ торжественныхъ случаяхъ сапоги изъ сырцовою кожи, хотя и грубой работы, но съ подковами и ременными тесемками или пуговками. Поверхъ всего надѣвается мохнатая бурка, особенно любимая грузинами, съ перевязью изъ полшелкового платка на груди.

Грузинъ вообще неопрятенъ; въ продолженіи многихъ лѣтъ носить двѣ рубашки и неохотникъ мыть и стирать бѣлье. Надѣваетъ, новое платье только тогда, когда старое свалится съ плечъ или въ особенныхъ, торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, когда самъ женится, бываетъ на свадьбѣ, праздникѣ и т. д.

Костюмъ женщинъ очень живописенъ, но мы его не описываемъ ибо на рисункѣ это видно нагляднѣе.

Грузинъ любитъ попить, пообѣдать и поужинать въ компаніи. Одинъ онъ ѣсть очень мало, часто довольствуется сухимъ хлѣбомъ, зеленью и сыромъ. Для того же, чтобы пообѣдать въ компаніи, въ кругу пріятелей, грузинъ готовъ истратить за одинъ разъ сумму, ассигнованную на недѣльное его пропитаніе.

Передъ обѣдомъ всѣ умываютъ руки и затѣмъ обыкновенно располагаются на тахтахъ или вокругъ очага, на коврахъ или войлокахъ; ѣдятъ и пьютъ поджавши подъ себя ноги; шапкъ не снимается съ головы, рукава чехи закинута за плечи. Передъ обѣдающими растянута супра (скатерть), преимущественнаго синяго цвѣта, съ разными фигурами, неотличающимися изяществомъ рисунка. На ней, безъ приборовъ и безъ всякаго порядка, разбросаны чуреки, турьи рога, цвѣты и любимая грузинская зелень: эстрагонъ, крессъ-салатъ и другія травы. вмѣсто тарелокъ служатъ виноградные листья, или лаваша—тонкія и весьма длинныя прѣсныя лепешки. Ихъ пекутъ двухъ величинъ: поменьше для тарелокъ, а побольше употребляютъ вмѣсто салфетокъ.

Хозяйка разливаетъ и подаетъ блюда; три пальца замѣняютъ

вилки, а ножъ у каждаго неотлучно въ карманѣ, или въ особыхъ ножнахъ винжала.

Обѣдъ почти никогда не обходится безъ вина; каждому подносится кубокъ. Даже переносчикъ тяжести и нищій никогда не садятся безъ вина за свою скудную трапезу.

Старшій въ домѣ провозглашаетъ здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ, пьетъ за упокой умершихъ и, по обычаю, проливаетъ при этомъ каплю вина на полъ.

Прежде горячаго, подаютъ большіе куски говядины, сыръ съ зеленью, теплу, балыкъ и овощи. Жирный бозбашъ—супъ съ бараниной, приправленный маленькими кусочками курдючьяго сала, и чихиртма—мучной бульонъ, или скорѣе соусъ, на маслѣ съ яйцами и нарѣзанною курицею, употребляютъ грузинами предпочтительно передъ всѣми горячими. Шашлыкъ жарится во время самаго обѣда и подается въ нѣсколько перемѣнъ; пловъ ѣдятъ въ заключеніе обѣда.

Растительная пища изъ зелени до чрезвычайности разнообразна. Изъ одного и того же матеріала готовится нѣсколько разныхъ блюдъ, приправляемыхъ миндалемъ, изюмомъ, медомъ, шафраномъ, сушенымъ кизелемъ и прочими сластями и кислотами.

Вина во время обѣда выпивается много, но грузины пьяны бываютъ весьма рѣдко. «Здѣсь отъ материнскихъ сосцевъ переходятъ прямо къ лаккѣ бурдюка (кожаный мѣшокъ съ виномъ). Къ вину привыкаютъ съ малолѣтства. Въ Кахетіи, особенно обильной виномъ, часто мать не уложитъ спать ребенка, пока не дастъ ему выпить вина несвойственнаго его возрасту; десятилѣтній мальчикъ легко отличаетъ въ винѣ примѣсъ воды.

На шумныхъ грузинскихъ обѣдахъ женщины не принимаютъ участія; любезность и грація ихъ въ это время считается помѣхою. Женщины обѣдаютъ отдѣльно, въ сторонѣ, не смѣшиваясь съ мужчинами, и, случается, кутятъ на славу.

Затворничество женщинъ и отдѣленіе ихъ отъ мужчинъ сообщило

грузинскимъ праздникамъ особый, своеобразный колоритъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, кажется, не особенно сожалѣли о такомъ раздѣлѣ и предаются увеселеніямъ съ полнымъ энтузіазмомъ, особенно на свадьбахъ. Въ одномъ углу савли кричатъ, поютъ и пьютъ мужчины; въ другомъ пляшутъ и также пьютъ женщины.

Компанію обносятъ сначала азарпешей, кудой, стаканами, а потомъ пускаютъ въ ходъ и туры рога. Продолжительнѣе кутежъ веселой компаніи, и только храпѣніе и пьяный бредъ, по временамъ, нарушаютъ общее веселье.

По походкѣ и одеждѣ идущаго можно сказать, въ какому сословію принадлежитъ онъ. Серебряная цѣпочка на груди, крашеные усы и шпоры, составляютъ принадлежность истаго азнаура (дворянина). Цѣпочка массивнѣе, шпоры, иногда всѣ серебряныя, составляютъ принадлежность товади (князя). Грузинъ, принадлежащій въ низшему сословію, при встрѣчѣ съ высшимъ, считаетъ невѣжливымъ поклониться первому: онъ ждетъ, пока не поклонится ему первымъ князь Усы въ особенномъ почетѣ у всѣхъ грузинъ. Ихъ привязанность въ усамъ доводитъ иногда до оригинальныхъ случаевъ, весьма хорошо характеризующихъ народный характеръ.

Съ самаго ранняго утра грузинъ оставляетъ свою саклю и проводитъ почти весь день въ лавкахъ или на базарѣ, гдѣ туземцы переливаютъ изъ пустаго въ порожнее. Базаръ въ кавказскомъ городѣ есть центральный пунктъ всей дѣятельности и всѣхъ новостей. Дѣятельность эта публичная и общественная; здѣсь ремесленникъ занимается своимъ дѣломъ при всемъ честномъ народѣ: вы съ улицы видите, какъ валяютъ тѣсто у булочника, какъ лошадь подковываютъ, какъ обтачиваютъ новый ножикъ, какъ починиваютъ старые сапоги, какъ брѣютъ намыленную голову правовѣрнаго. Лавки и мастерскія совершенно открыты для взоровъ праздныхъ наблюдателей, которые по цѣлымъ днямъ сидятъ на улицѣ, покуривая трубку и любуются на кузнеца, загоняющаго гвозди въ конское копыто, на

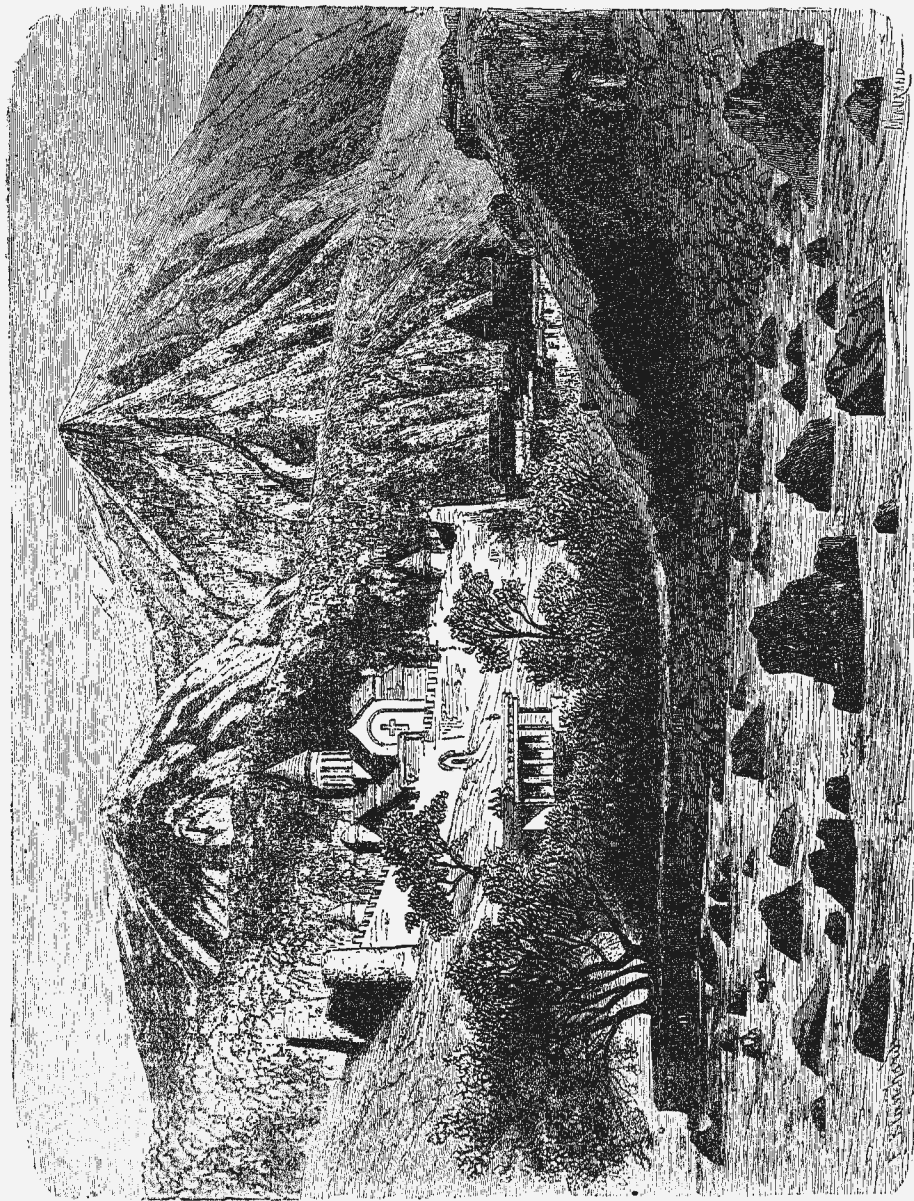
портнаго, починивающаго грязные шаровары, или, наконецъ, на булочника, окончившаго свою утреннюю работу и собирающагося отдохнуть. Сложивъ въ кучу нѣсколько лавашей, онъ преспокойно ложится на нихъ, какъ на подушкахъ, и скоро засыпаетъ. Отъ дѣйствія палящихъ лучей солнца, обильный потъ спящаго струится по лавшамъ; но праздный зритель, грузинъ, не стѣсняется этимъ: будить его, повукаетъ одинъ изъ лавашей и, безъ всякаго отвращенія, употребляетъ въ пищу. Словомъ, жизнь грузина уличная и вполне азіятская. Туземцы весь свой день, отъ восхода и до заката солнца, проводятъ на улицѣ.

Днемъ остаются дома только однѣ женщины. Грузинка, славящаяся красотой, занимается своимъ туалетомъ и развопиками (далали), которые таскаютъ по домамъ принадлежности женскаго туалета.

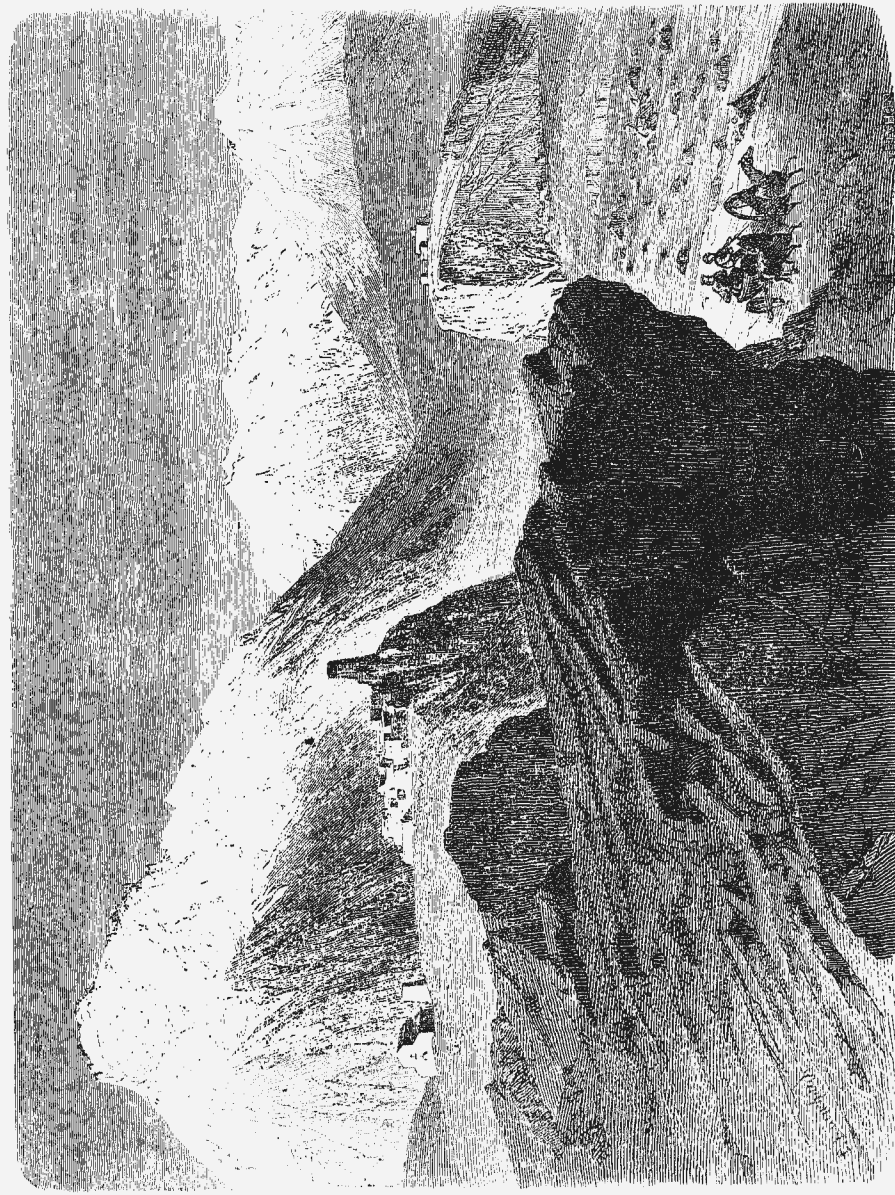
Не смотря на рабское положеніе и отчужденность въ семействѣ, грузинскія женщины въ высшей степени безпечны и невозмутимо лѣнны. Всѣ труды по хозяйству лежатъ здѣсь на плеченіи мужа, а жена, даже и бѣдная, думаетъ только о томъ, какъ бы нарядиться въ праздникъ. Но это равнодушіе къ труду туземной женщины истекаетъ не изъ организаціи ея натуры, болѣею частію живой и дѣятельной, но изъ боязливой ревности мужчины выводитъ жену свою, черезъ участіе ея въ своихъ занятіяхъ внѣ дома, на позорище нѣсколькихъ чужихъ глазъ.

Женщины большія балагурки, не прочь посплетничать и будутъ говорить цѣлый день безъ усталости. Онѣ готовы въ тихомолку покетничать, не весьма далеки отъ какой бы то ни было интриги, будучи связаны разными обстоятельствами; ихъ окружаютъ, напримѣръ, сосѣдки, которыя замѣчаютъ каждое ихъ движеніе. Въ Грузіи не принято входить въ домъ, когда нѣтъ мужчины; нарушить это правило значитъ, подвергнуть грузинку укорамъ и насмѣшкамъ всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ.

Вечеромъ все населеніе выходитъ изъ саклей и вучами распола-

АНАНУРЪ НА ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГѢ.

СЮНЬ И ОРСЕТЪ ВЪ ГРУЗИИ.

гается или у дверей, или на крышах домов. Тамъ и сямъ, въ лѣтнюю пору, видны полураздѣтые туземцы, нѣжащіеся на коврахъ. Среди толковъ, сплетенъ и пересудовъ, разряженные дѣвушки, собравшись въ кружокъ при звуцѣ бубна, пляшутъ лезгинку. Лѣтомъ ужинаютъ на крышахъ, гдѣ и располагаются спать.

Съ наступленіемъ холодовъ, жизнь немногимъ измѣняется. Все семейство собирается подлѣ курси (родъ большого ящика изъ рамъ покрываемаго одѣяломъ), подъ которыми ставятся жаровни съ угольями. Сюда грузинки прячутъ свои ноги. Тамъ, гдѣ нѣтъ очага, употребляютъ мангалъ, а у бѣдныхъ просто глиняную чашку, наполненную углями. Грѣтся у мангала составляетъ особенное наслажденіе для грузина и есть своего рода занятіе. Проводитъ ли туземецъ время въ разговорахъ, занимается ли дѣломъ—онъ, отъ времени до времени, протягиваетъ руки къ мангалу, чтобы погрѣть ихъ. Мангалъ употребляютъ для плавки серебра, онъ же служитъ и очагомъ для жаренія шашлыка. Чадъ отъ угольевъ не причиняетъ головной боли владѣтелямъ мангала, привывшимъ къ такому кейфу.

Характеръ грузина высказывается въ праздники.

Въ праздникъ грузинъ одѣвается щеголевато; любитъ, въ компаніи съ туземною музыкою, пройтись по базару, посмотреть на кулачный бой или самому въ немъ участвовать. Кулачные бои бываютъ цѣлыми партіями на двѣ стороны. Въ городѣ всегда есть бойцы, извѣстные своею силою и ловкостію. Босне, въ однѣхъ рубашкахъ съ засученными рукавами, бойцы выступаютъ на арену, окруженную толпою любопытныхъ.

Вообще борьба составляетъ самую лучшую потѣху для грузинъ. Въ праздникахъ обшихъ каждая деревня выставляетъ своего бойца; торжество его составляетъ торжество цѣлой деревни. Помѣщики также выдвигали своихъ искусныхъ бойцевъ, съ которыми и ѣздили на праздники.

Сельскіе жители предаются гораздо больше удовольствіямъ, чѣмъ

городскіе. Въ праздники все село высыпаетъ на площадь и занимается играми и плясками. Изъ игръ наиболѣе употребляемая—прыганіе черезъ спину другаго.

Когда наступаетъ срокъ родить, мужъ посылаетъ дать знать о томъ родственникамъ и знакомымъ. Мало по малу со всѣхъ концовъ собираются родные и знакомые больной, которая лежитъ среди комнаты, на постелѣ.

Существуетъ повѣрье, что, при родахъ нечистая сила, въ образѣ; змѣя, старается напасть на новорожденного и задушить родильницу. Чаше же всего *ами*, духъ женскаго пола, преслѣдуетъ родильницъ. Онъ является имъ въ образѣ повивальныхъ бабовъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку.

Въ защиту отъ такого чудовища, подъ голову родильницы кладутъ обнаженные кинжалъ и шашку, а самую кровать, гдѣ лежитъ она, вмѣсто занавѣса, окружаютъ освященною сѣтью.

Не смотря ни на какія страданія, больная не можетъ позвать къ себѣ мужа, лишеннаго теперь права входить въ комнату жены, около которой сидитъ бабка и двѣ или три женщины для услугъ. Чтобы облегчить страданія родильницы,—если бы таковыя случились,—бабка запасается на всякій случай, она опытная и бывалая, разными снадобьями.

Шумъ, веселье, разговоры и закуска окружаютъ больную. Хототня гостей, вмѣстѣ со стономъ больной, наполняютъ комнату. Случается, что родильница не выдерживаетъ приличій и зоветъ мужа.

— Смотрите, говорятъ тогда блюстительницы чистоты нравовъ, смотрите, какая грѣхотворница; умираетъ, а всетаки думаетъ о мужѣ. Просто стыдъ и срамъ!.

Насмѣшки и колкости дѣлаютъ то, что мучающаяся женщина рѣдко зоветъ къ себѣ мужа. По большей части онъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ и тамъ ожидаетъ себѣ наследника или наследницу. Сыновъ предпочитается дочери. Съ того момента, какъ раздастся крикъ

новорожденного, никто из вновь пришедших навѣстить родильницу или новорожденного младенца не допускается къ нимъ ранѣе какъ по прошествіи часа со времени прихода.

Грузины вѣрятъ въ существованіе злаго вѣтра, который пристаетъ къ людямъ, отправляющимся ночью чрезъ рѣки, или вообще чрезъ воду. Вѣтеръ этотъ не приноситъ никому вреда, кромѣ женщинъ, находящихся въ родахъ, и ихъ новорожденныхъ. На этомъ-то основаніи пріѣзжіе никогда ранѣе часа не впускаются къ родильницѣ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больная, поднимается еще большій шумъ и разгулъ присутствующихъ женщинъ. Поздравленія сопровождаются пѣснями, въ которыхъ мать сравниваютъ съ луною, а новорожденного младенца съ солнцемъ. Больной желаютъ здоровья, а младенцу золота, чиновъ и чудной красоты. Шумъ и хохотъ гостей смѣшиваются со стономъ хозяйки и оглашаютъ комнату.

Грузины бываютъ очень недовольны, когда родится дочь.

Рожденіе сына, въ особенности первого, составляетъ истинное удовольствіе для родителей, и выстрѣлъ изъ ружья возвѣщаетъ о появленіи его на свѣтъ. Тотчасъ-же дается праздникъ дзеоба, т. е. рожденіе сына. Служанка изъ дому новорожденного бѣжитъ извѣстить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ о пріятной новости, и получаетъ отъ нихъ въ подарокъ деньги за радостное извѣстіе. Въ теченіе цѣлой недѣли посѣщаютъ больную родные и знакомые, и проводятъ около ея постели цѣлые дни и ночи.

Въ защиту матери и младенца отъ всякихъ покушеній *ам* принимаются мѣры.

Для этого учреждается ночная стража (гамись-тева), обязанная защищать ихъ отъ нечистой силы, такъ какъ дозволено опытомъ, что новорожденный и мать бываютъ только пятнадцать дней въ опасности отъ змія.

Крещеніе совершается обыкновеннымъ образомъ. Грузины часто

право не только смотрѣть на свою будущую жену, но и сдѣлать ей подарокъ, состоящій, по преимуществу, изъ платка и четокъ.

Наканунѣ свадьбы шаферъ собираетъ молодыхъ людей (мавари) и, вмѣстѣ съ ними, ведетъ жениха въ баню. Невѣста обязана исполнить то-же самое. Баня для грузинъ—это истинное удовольствіе; у нихъ есть даже обыкновеніе поздравлять съ банею, какъ съ праздникомъ. Посѣщать баню и понѣжиться въ ней особенно любятъ женщины. Собираясь въ баню, безразличія, будетъ-ли то праздничный или воскресный день, онѣ нагружаютъ бѣльею первого попавшагося мушу, т. е. носильщика, и слѣдуютъ за нимъ со всѣми домочадцами.

Шумъ, крикъ, а иногда и ссоры слышатся въ банѣ. Посѣтители усѣвшись въ кружокъ и разостлавъ на полу коверъ, размачиваютъ хлѣбъ и сыръ въ горячей сѣрной водѣ и съ удовольствіемъ принимаются утолять свой голодь. Въ банѣ нерѣдко происходитъ цѣлый пиръ; въ баню собираются цѣлыми партіями собственно для того, чтобы покутить на славу, и потомъ освѣжиться ея водою. Звуки пѣсень, зурны и другихъ инструментовъ оглашаютъ баню и, сколько по ея сводамъ, раздаются и громче, и звучнѣе. Полунанія грузинки часто пируютъ въ баняхъ до самаго разсвѣта; тамъ же моется и женихъ наканунѣ свадьбы.

На время свадьбы женихъ принимаетъ названіе мепе (царь), а невеста именуется дедопали (царица). Огромная свита сопровождаетъ жениха; все, что попадаетъ на пути,—овца, корова, бурица—все рѣжется въ честь мепе, который обязанъ платить за нихъ. Проѣздъ черезъ деревни сопровождается пѣснями въ два хора.

Отецъ невесты хлопочетъ объ угощеніи, музыкантахъ (сазандреби) и приглашаетъ сазандара (пѣвецъ), который долженъ непременно присутствовать на каждой свадьбѣ. За удовольствіе его послушать часто платятъ по 60 руб. въ сутки. Болѣе же всего будущій тесть заботится о томъ, чтобы сдѣлать приличный подарокъ своему

въ христіанскому имени прибавляютъ другое, заимствованное ими или отъ мусульманъ, или-же выражающее какое-либо качество.

Мальчикъ растетъ на совершенной свободѣ, а дѣвочка подъ надзоромъ матери. Послѣднюю, нерѣдко на восьмомъ году отъ рожденія, отдаютъ въ монастырь для обученія руководѣлю и грамотѣ. Обычай этотъ, какъ надо полагать, произошелъ изъ желанія скрыть своихъ дочерей отъ персіянъ, ежегодно посылавшихся собирать хорошенькихъ дѣвицъ съ порученіемъ для гарема шаха.

Какъ всегда и вездѣ, родители хлопочутъ о скорѣйшей выдачѣ дочери замужъ. Желаніе свое они приводятъ въ исполненіе при помощи свахъ, которыхъ выбираютъ или изъ числа родственницъ, или изъ духовныхъ лицъ, или-же, всего чаще, изъ близкихъ знакомыхъ женщинъ.

Переговоры о бракѣ происходятъ всегда между родителями. О приданомъ прежде, не очень заботились, но каждая невѣста получала въ приданое непременно одну или двѣ азарпеша, которыя и переходили всегда по наслѣдству. Въ послѣднее время стали, впрочемъ, появляться *sia* — списокъ приданому, которое обѣщаютъ дать родители за невѣстою. Теперь почти каждая сваха имѣетъ такой *sia*.

Покончивъ переговоры, женихъ, черезъ своего дядю или другого родственника, посылаетъ своей невѣстѣ *хелисъ-дасадеби* — сахаръ и колечко. Родители невѣсты призываютъ священника, который читаетъ надъ перстнемъ молитву, а отецъ, передавая его дочери въ знакъ обрученія, говоритъ, что она невѣста такого-то. Молодая дѣвушка только теперь узнаетъ, что жребій ея брошенъ, и что она выходитъ замужъ.

Хороша-ли невѣста или дурна — женихъ не можетъ уже, послѣ обрученія, отказаться отъ нея, не заплативъ пени. Женихъ, послѣ посѣщенія невѣсты, признается роднымъ, и въ честь его дается *эртаджала* — обѣдъ жениха съ невѣстою, на которомъ онъ имѣетъ полное

зятю. Подарокъ этотъ обыкновенно состоитъ или изъ хорошей лошади, или изъ оружія.

Мало по малу въ домѣ все приходитъ въ порядокъ, стихаетъ и успокаивается. Къ воротамъ дома посланъ слуга съ азарпешей и кувшиномъ вина: онъ ждетъ кого-то.

Между тѣмъ одного изъ балагуровъ, записныхъ весельчаковъ, женихъ отправляетъ впередъ въ домъ невѣсты.

Посланный принимаетъ названіе махаробели — вѣщатель радости. — Мепе мобдзандеба (царь ѣдетъ), говоритъ онъ.

А что, дедопали (царица-невѣста) готова?

— Царица давно наряжена, отвѣчаютъ ему. Но она поступитъ въ распоряженіе мепе (женихъ) не иначе, какъ послѣ щедрого вознагражденія ея наставницъ.

На дворѣ слышны ружейные выстрѣлы, пѣсни, крикъ и шумъ.

— Мепе мобдзандеба (царь ѣдетъ), слышится со всѣхъ сторонъ и на разные голоса.

Женихъ пріѣхалъ. Онъ окруженъ свитою, состоящею изъ поѣзжанъ — людей всякаго возраста, но преимущественно изъ такихъ которые любятъ кутнуть на славу. Для большинства изъ нихъ ни почемъ осушить сряду нѣсколько турьихъ роговъ вина. Они обязаны, по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца, сколько пить, столько же пѣть, кричать и шумѣть.

Будущіе тестъ и теща привѣтствуютъ и обнимаютъ жениха, и приглашаютъ его въ комнату невѣсты. Войдя туда съ открытою головою, онъ молча садится подлѣ невѣсты съ правой стороны. Черезъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ родственниковъ невѣсты беретъ правую ея руку и, вручивъ ее жениху, произноситъ рѣчь.

Обрядъ вѣнчанія совершаетъ священникъ той церкви, къ приходу которой принадлежитъ невѣста *).

*) Городскія свадьбы, и въ особенности тифлискія, нѣсколько отличаются отъ деревенскихъ. Женихъ не ѣдитъ въ домъ невѣсты, а ѣдитъ прямо въ цер-

Женихъ хотя и привозитъ своего священника, но тотъ не вѣнчаетъ, а приходитъ съ крестомъ, послѣ вѣнца, къ отцу невѣсты, говорить, что привезъ зятя его невредимымъ и исчисляеть его достоинства. Тестъ обязываетъ крестъ шелковою матеріею и дѣлаетъ подарокъ, пастырю церкви.

Обрядъ вѣнчанія кончился. Союзъ скрѣпленъ.

Поздравленія, шумъ, крикъ, стрѣльба и пѣсни сопровождаютъ сочтавшихся къ дому невѣсты, въ которомъ давно уже ожидаютъ ихъ и приготовились къ встрѣчѣ.

Поздравляющіе, кромѣ того, обязаны сдѣлать подарокъ молодымъ или деньгами, или вещами, цѣнность которыхъ въ самомъ бѣдномъ семействѣ доходитъ отъ 50 до 60 рублей. Лицо, избранное отъ всего присутствующаго общества, подноситъ подарки молодымъ. говоря громко, каковой подарокъ и къмъ именно жертвуется.

Изъ дома невѣсты пирующіе отправляются въ домъ жениха. Молодая ѣдетъ верхомъ на осѣдланной новымъ чапракомъ лошади или на убранной и усланной коврами арбѣ. Сопровождающіе гости всю дорогу поютъ пѣсни. Если на пути придется обогнать другой такой же поѣздъ, то надо объѣхать его непременно справа, иначе по народному предразсудку, не избѣжишь бѣды. Очень естественно что желаніе каждаго не подвергаться бѣдѣ ведетъ нерѣдко къ соперничеству и спорамъ. Народная находчивость и тутъ даетъ средство уладить дѣло. Оба жениха спѣшваются, садятся за импрови-

ровъ, куда привозитъ невѣсту шаферъ. Въ день свадьбы въ домъ жениха собираются гости: мужчины на одной половинѣ, женщины на другой. Первые занимаютъ разговорамъ, игрою въ карты, закусываютъ, слушаютъ сазандара, а послѣдніе, сидя на тахтѣ и поджавъ подъ себя ноги, слушаютъ пискливые звуки зурны и раскатистый громъ бубна и дайры (дайра—горшокъ, обтянутый кожей). По мѣрѣ прибытія гостей, онѣ садятся на тахту и принимаютъ за варенья и разноя сласти. Въ антрактахъ пляшутъ лезгинку, съ аккомпаниментомъ всеобщаго хлопанья въ ладоши—необходимымъ условіемъ этого танца.

зованную закуску, пьютъ за здоровье другъ друга и разстаются пріятелями.

Въ домѣ жениха, свекровь встрѣчаетъ молодую также сахаромъ.

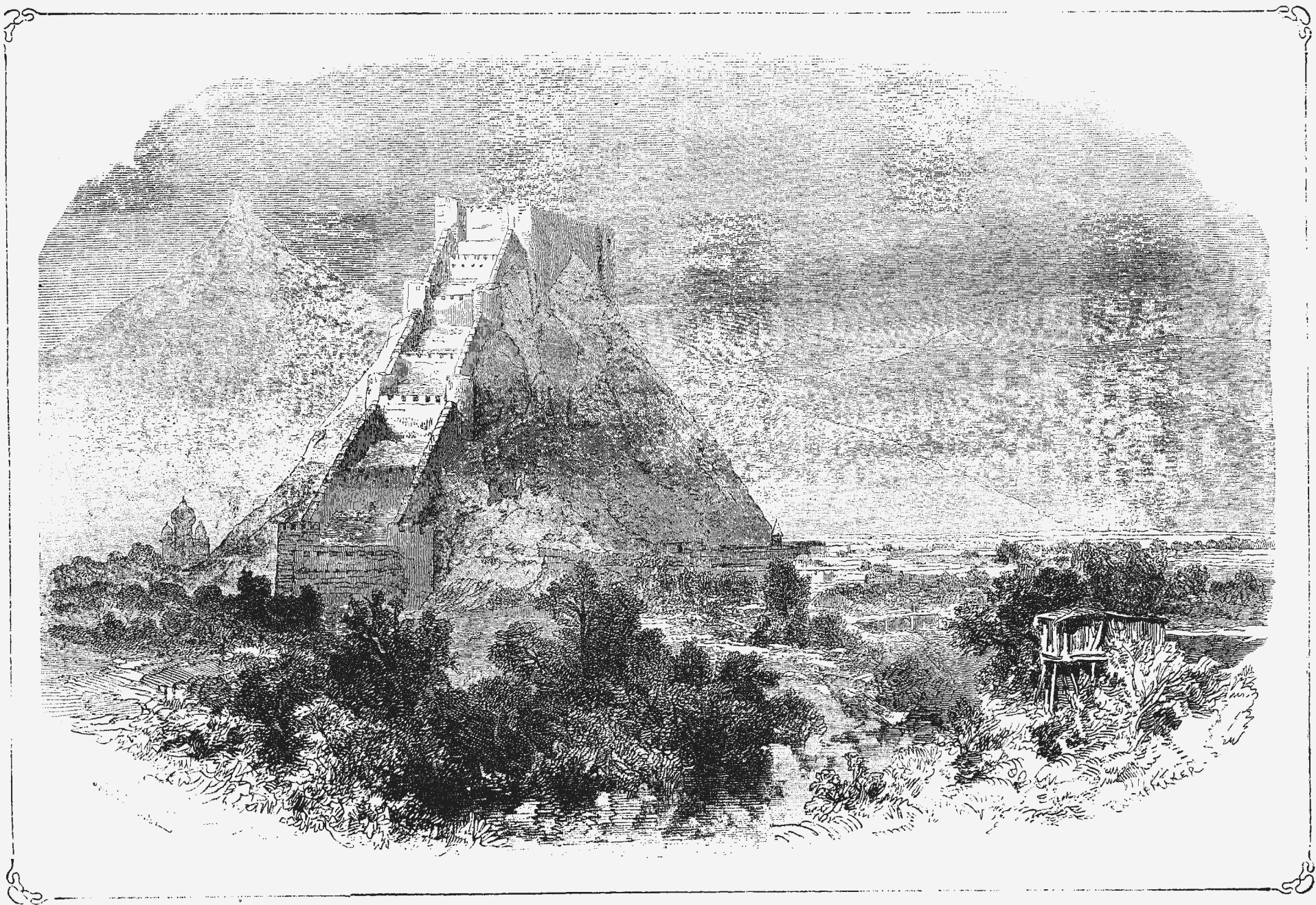
Въ сопровожденіи шафера, невѣста входитъ въ дарбази — главную комнату. Ее обводятъ вокругъ очага. Присутствующіе обнажаютъ оружіе, бьютъ крестообразно по столбамъ, поддерживающимъ потолокъ, и по цѣпи, на которой привѣшенъ котелъ для варенія пищи. На колѣна невѣсты сажаютъ мальчика — чтобы она подарила мужа наследникомъ. Въ присутствіи молодыхъ поднимается снова кутежъ до глубокой ночи....

Молодые встаютъ и хотятъ снять вѣнцы до другаго дня, но служанка не позволяетъ этого сдѣлать,—она требуетъ платы. Расплатившись съ нею, молодые входятъ въ спальню, въ сопровожденіи родныхъ. Поперегъ кровати лежитъ постельничая и, никого не пуская, требуетъ также платы. Удовлетворивъ и ея требованію, молодой мужъ сажаетъ на постель жену, снимаетъ съ правой ноги ея башмакъ и растегиваетъ брючки на правой рукѣ. Присутствующіе оставляютъ комнату, пожелавъ молодымъ покойной ночи.

Оставшись вдвоемъ, молодая супруга кажется недовольною и отворачивается. Она ждетъ хмись-гасапемы — подарка за разговоръ, и, получивъ отъ мужа какуюнибудь вещь, дѣлается ласковою и разговорчивою. Если на другой день подадутъ полустаки — сласти, приготовленныя изъ меду, масла и муки — это значитъ, что молодые условились жить мирно, въ согласіи и любви, и довольны другъ другомъ.

— Когда участники недовольны свадьбой и угощеніемъ, то, не скрывая своего неудовольствія, высказываютъ его жениху при прощаніи.

— Женихъ! говорятъ они, твой вѣнецъ благословенъ, но поясы наши затянуты туго, потому что брюхи пусты....

ГОРІЙСКІЙ ЗАМОКЪ.

Три дня продолжается пиръ послѣ свадьбы. На третій день, при собраніи гостей, шаферъ подходитъ къ молодой, бывшей все время подъ покрываломъ, и вонпомъ сабли приподнимаетъ его. Присутствующіе при этомъ гости подносятъ *тирисъ-саханави*— подарокъ за смотръ лица. Каждый обязанъ сдѣлать подарокъ по своему состоянію: азарпешу, серебряную вещь, нѣсколько червонцевъ или другую какую нибудь цѣнную вещь.

Празднованіе свадьбы окончено. Казалось-бы, молодымъ предстоитъ веселый медовый мѣсяцъ и пріятная жизнь. Въ дѣйствительности такое заключеніе оказыается не совсемъ вѣрнымъ. По народному обычаю, выйдя за - мужъ и вступивъ въ новую, чуждую для нея семью, молодая женщина не имѣетъ права говорить съ отцомъ, матерью и братьями своего мужа до тѣхъ поръ, пока у нея не будетъ дѣтей. Если промежутокъ этотъ будетъ продолжителенъ, то бѣдная женщина вынесетъ не одну укоризну отъ свекрови.

Бездѣтная женщина не только не пользуется уваженіемъ своего мужа и его семейства, но, въ кругу простаго народа, подвергается многимъ важнымъ стѣсненіямъ. Пытка эта продолжается иногда нѣсколько лѣтъ, и во все это время мужъ отвѣчаетъ вмѣсто своей жены, которая объясняется пантомимами. Неудивительно послѣ того, что всѣ грузинки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ къ тому всѣ средства, какія только создало народное суевѣріе. Бездѣтная женщина на востокѣ считается неблагословенною Богомъ. Она молитъ Творца о прощеніи ей грѣховъ, даетъ обѣты и спѣшитъ въ монастырь св. Давида, гдѣ есть ручей, имѣющій силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ.

Каждый изъ праздниковъ имѣетъ у грузинъ свою особенность, исключая праздникъ Рождества, который не отличается у грузинъ никакими особенностями. Почти вся рождественская недѣля праздниковъ служитъ приготовленіемъ къ встрѣчѣ новаго года. Канунъ новаго года самый доходный для торгующихъ сластями. Каждая

хозяйка закупаетъ множество фруктовъ, орѣховъ, изюму, леденцу, и меду. Торговцы употребляютъ всѣ ухищренія для того, чтобы заманить къ себѣ щедрыхъ покупателейницъ. Воткнувъ на конецъ ножа кусокъ сота или зачерпнувъ медъ ложкою, торговецъ вертитъ ихъ надъ головою, бѣгаетъ, прыгаетъ возлѣ лавки, стараясь привлечь къ себѣ покупателей. Другой облизываетъ пальцы, намазанные медомъ, смѣшками, прибаутками выхваляетъ его сладость и тѣмъ заманиваетъ къ себѣ дѣтей съ ихъ матушками.

Въ самый новый годъ, глава семейства, хозяинъ дома, поднимается еще до свѣта. Онъ долженъ прежде всѣхъ посѣтить семейство: такъ заведено изстари, и грузинъ слѣдуетъ этому обычаю безпрекословно, вѣря, что, если въ какой нибудь праздникъ нарушится порядокъ, то и въ будущемъ году, въ соответствующій день, произойдетъ тоже самое.

На особомъ подносѣ, называемомъ у грузинъ табля, онъ укладываетъ хлѣбы счастья, ставитъ чашку меду и четыре горячія свѣчи нарочно отлитыя для этого хозяйкою.

Хозяинъ обходитъ кругомъ комнаты, съ пожеланіемъ, чтобы новый годъ былъ для него также обиленъ, какъ тотъ подносъ, который онъ держитъ въ рукахъ.

За хозяиномъ долженъ войти кто-нибудь посторонній, и каждое семейство имѣетъ завѣтнаго гостя, отерывающаго входъ въ жилище, что также, по народному повѣрью, приноситъ особое счастье.

Родственники и знакомые спѣшатъ другъ къ другу и поздравляютъ съ праздникомъ.

Въ день Крещенія, толпа народа слѣдуетъ къ рѣкѣ за священникомъ. Мужчины часто идутъ на Иорданъ съ вещами, соответствующими ихъ занятію. Земледѣлецъ несетъ свои земледѣльческія орудія (сахнисъ—саквети), охотникъ свои прадѣдовскія шапки и еижалы. Все это погружается, вмѣстѣ съ вѣстомъ, въ воду. Молодые несутъ

сосуды для святой воды; позади медленно и осторожно подвигаются женщины.

Пришедшіе съ кувшинами за водою ждуть съ нетерпѣніемъ погруженія креста, чтобы прежде другихъ зачерпнуть святой воды. Со словами пастыря: «Во Иорданѣ крещающуся», раздаются ружейные выстрѣлы. Едва крестъ опущенъ въ воду, какъ многіе грузины бросаются туда же или съ береговъ, или съ высокаго моста. Сопровождаемые одобрителными восселичаніями народа, набожные пловцы или переплываютъ рѣку, или, доплывъ до половины, возвращаются назадъ. Многіе всадники также спускаются съ отлогихъ береговъ въ воду, непременно ниже того мѣста, гдѣ былъ погруженъ крестъ, и стараются при этомъ направить своихъ лошадей такъ, чтобы онѣ грудью встрѣтили волны, только-что освященные крестнымъ погруженіемъ.

Счастливецъ, успѣвшій прежде другихъ зачерпнуть воды, бѣжитъ къ своему дому, стараясь не уступить никому первенства, быстро взбирается на крышу савли, гдѣ, черезъ отверстіе ея вливаетъ святую воду въ сосудъ съ закваской хлѣба. Подъ отверстіемъ подносятъ закваску люди, нарочно для того остающіеся дома.

Грузины строго соблюдаютъ только первую половину поста; въ это время они говѣютъ и постятся; во вторую же половину мужчины не придерживаются строгаго воздержанія.

Празднованіе Пасхи у грузинъ весьма мало отличается отъ празднованія ея у насъ, русскихъ. Въ этотъ день у многихъ хозяевъ и владѣльцевъ выставленъ столъ для убогихъ и нищихъ, и не одна рука спѣшитъ подать милостыню заключеннымъ въ тюрьмахъ.

Мужчины, въ день Вознесенія, занимаются скачкою. Въ Тифлисѣ скачка происходитъ за-городомъ, на мѣстѣ весьма живописномъ. По направленію къ западу тянутся горы; медленно и спокойно течетъ рѣка Кура; кругомъ зеленые сады, перемежаемые съ землянками. Группы женщинъ, въ бѣлыхъ чадрахъ, въ разныхъ мѣстахъ покрыва-

ютъ возвышенности или сидятъ на плоскихъ крышахъ домовъ. Съ утра раскидываются палатки и балаганы; въ нихъ сидятъ торговцы съ разными сластями. Въ этой живописной котловинѣ и происходятъ скачки. По двумъ концамъ ристалища собираются всадники, вооруженные пиками, винтовками и *джеридами*—длинная, тонкая палка съ острымъ наконечникомъ. Скачка начинается. На встрѣчу другъ другу несутся всадники и, подскакавъ довольно близко одинъ къ другому, бросаютъ шести и, поворотивъ коней, во весь опоръ пускаются назадъ. Ихъ съ крикомъ преслѣдуютъ противники и пускаютъ въ слѣдъ ружейные выстрѣлы и палки. Искусные верховые во все глаза смотрятъ назадъ и, на лету, ловятъ палки; неопытные же поражаются въ спину и затылокъ. Громы рукоплесканій, столкновеніе и паденіе лошадей, выбиваніе изъ сѣдла, хохотъ и шумъ продолжаются до самаго вечера.

Во всю западную сторону города тянется отвѣсная гора, называемая туземцами Мта-цминда (Святая гора). На одномъ изъ ея уступовъ стоитъ монастырь св. Давида, высоко виднѣясь надъ цѣлымъ городомъ и его окрестностями.

Преданіе рассказываетъ, что св. Давидъ, одинъ изъ 13 сирійскихъ отцевъ, нѣкогда подвизался на горѣ Мта-цминдской. Тоже преданіе гласитъ, что молодая дѣвушка, дочь одного знатнаго человека, жившаго неподалеку горы, сдѣлалась беременною и, по наущенію виновника своего проступка, ослевела отшельника въ томъ, что онъ былъ причиною ея беременности.

Св. Давыда потребовали къ суду. Онъ всенародно обличилъ клеветницу. Дотронувшись до ея чрева посохомъ, святой спросилъ: онъ ли отецъ зачатого ребенка?—Изъ утробы матери послышался голосъ, назвавшій имя обольстителя.

Несчастная внезапно почувствовала тяжкія мученія и, по молитвамъ святаго, родила камень. Камень этотъ послужилъ впоследствии основаніемъ кшатетской церкви, получившей отъ него и свое

названіе. Въ возмездіе за взведенную на него клевету, угодишь испросилъ у Господа отертіе на горѣ источника, вода котораго имѣла бы силу оплодотворять бесплодныхъ женщинъ.

По понятію грузинъ, злые духи завладѣли всею землею. Съ ними вошли въ сношеніе люди и преимущественно, старухи, которыя, заключивъ контрактъ съ нечистымъ, обращаются въ *кудіанеби*, т. е. въ вѣдьмъ и колдуній съ хвостами.

Одинъ разъ въ году, въ страстной четвергъ, всѣ вѣдьмы и отовсюду собираются на гору Ялбузъ (Эльбрусь) на шабашъ. Тамъ обитаетъ сатана или, какъ грузины называютъ, тартаръ, имѣющій необыкновенно большіе глаза и страшные зубы; изо рта у него выходитъ дымъ чадающій; глаза у него огненные. Каждая вѣдьма, представляясь тартару, бросаетъ ему въ ротъ камешки, выражающіе собою жертву, и чѣмъ больше камешекъ, тѣмъ жертва важнѣе. Самую цѣнную жертвою считается человѣкъ, и тогда сатана, проглотивъ его и оставшись очень доволенъ столь лакомымъ приношеніемъ, даетъ еще большій даръ чудесничества.

Путешествіе свое на гору Эльбрусь вѣдьмы совершаютъ при помощи зелья, извѣстнаго подъ именемъ квинтила. Ночью, когда всѣ спятъ, вѣдьмы встаютъ намазываютъ своимъ зельемъ первый, попавшійся имъ подъ руку, предметъ: будетъ ли то метла, кувшинъ, камень или животное—все равно; сѣвъ на него верхомъ и вылетѣвъ въ трубу, онѣ въ одно мгновеніе достигаютъ Эльбруса. Больше всего онѣ любятъ путешествовать на кошкахъ, которыхъ хватаютъ у грузинъ.

Чтобы предохранить себя отъ посѣщенія вѣдьмъ, туземцы въ этотъ вечеръ зажигаютъ на дворѣ каждаго дома костры изъ соломы. Всѣ домочадцы, отъ шестидесятилѣтняго старца до пятилѣтняго ребенка, обязаны перепрыгнуть черезъ костеръ не менѣе трехъ разъ, при ружейныхъ выстрѣлахъ и заклинаніи, состоящемъ въ повтореніи словъ: ари-урули-урули-урули кудіанеби (фраза нецере-

водимая, но выражающая проклятыя, обращенныя къ кудіанебамъ). Въ деревняхъ, кромѣ того, заслоняютъ крестообразными вѣтками шиповника окна, двери и отверстія трубы въ саклѣ.

Простой народъ вѣритъ чистосердечно, что, въ ночь съ среды на четвергъ страстной недѣли, кудіанеби дѣйствительно тревожатъ тѣхъ, кто не успѣетъ перепрыгнуть черезъ костеръ, называемый чіакокона, и забираются въ тѣ дома, которыя не были ограждены вѣтками шиповника, гдѣ и воруютъ кошекъ, не обходимыхъ имъ для путешествія на гору Ялбузъ. Войдите въ какой угодно домъ или, заглянувъ туда, прислушайтесь повнимательные: вездѣ раздаются жалобныя мяуканья; бѣдныя кошки тщательно заперты въ сундукахъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не похватили неприязненные ѣздови-кудіанеби.

На горѣ Ялбузѣ, по преданію грузинъ, томится узникъ, богатырь Амиранъ, заключенный туда, по слову Божію, съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, къ которой онъ прикованъ, такъ крѣпка, что никакія силы не въ состояніи ее разорвать сразу. Вмѣстѣ съ Амираномъ находится въ пещерѣ собака, единственный сотоварищъ его одиночества. Вѣрный песъ безъ устали лижетъ оковы своего господина и давно бы ихъ разорвалъ, если бы грузинскіе вѣзденцы ежегодно, въ утро страднаго четверга, не ударили три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь пріобрѣтаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день втораго пришествія.

XXXV. ИМЕРЕТИНЫ, МИНГРЕЛЬЦЫ И ГУРІЙЦЫ

Отличительныя черты народа.

Область Имеретіи имѣетъ три различныхъ климата. Возвышенныя мѣста, равнины и небольшія плоскости на горахъ, примыкающихъ къ главному Кавказскому хребту, имѣютъ климатъ умѣренный. Природа здѣсь величественна, но угрюма; съ горъ, поросшихъ высокими соснами, березами и чинарами, сбѣгаютъ шумные водопады; рожь, ячмень и овесъ составляютъ главныя произведенія земли; виноградъ попадаетъ рѣдко и не вызрѣваетъ. Подымаясь еще выше къ главному хребту, встрѣтимъ вѣчную осень и зиму. Большая часть населенія живетъ въ долинахъ, между горами, подъ защитою лѣсовъ и пользуется пріятнѣйшимъ и теплымъ климатомъ. Здѣсь растутъ сарачинское пшено, шелковица, виноградъ и множество разнообразныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Третья полоса, составляющая собственно бассейнъ Ріона — жаркая, влажная и поражающая своею растительностію. Здѣсь двѣ весны. Трава, вызженная солнцемъ во время лѣта, снова растетъ и покрывается цвѣтами осенью. Здѣсь туземецъ живетъ даромъ, не снискивая себѣ пропитанія въ потѣ лица.

Оттого въ нижней, подгорной Имеретіи, женщины не занимаются никакой земледѣльческой работою. Въ полѣ работаютъ мужчины, не смотря на свою лѣнь. Женщины же, послѣ жатвы, выходятъ на поля и подбираютъ оставшіеся на нивѣ колосья, которые и жертвуютъ или въ пользу церкви, или причта. Напротивъ того, въ верхней или горной Имеретіи, въ мѣстахъ гористыхъ и суровыхъ, гдѣ земля не такъ плодородна или недостаточна для продовольствія, по малому ея количеству, особенно въ Рачѣ, работаютъ все однѣ женщины, а мужья ихъ отправляются на заработки къ сосѣдямъ.

Природа большей части равнины Имеретіи очаровательна, а растительность и еще того больше. Многія мѣста утопаютъ въ зелени и цвѣтахъ, рѣдкихъ даже въ оранжереяхъ, а здѣсь имѣющихъ значеніе простаго хвороста, которымъ огораживаютъ сады, или плетутъ вурятники.

Роскопная растительность видна повсюду; слышится запахъ азалеи и миндаля; плющъ и боярышникъ выглядываютъ изъ-за зелени.

Съ наступленіемъ ночи, картина принимаетъ еще болѣе фантастически-очаровательный видъ, когда весь лѣсъ наполняется маленькими, порхающими вокругъ огоньками. Мириады летающихъ мушекъ съ фосфорическими, свѣтящимися желудками, какъ будто лампадки, наполняютъ весь воздухъ и лѣсъ.

Онѣ храбро усаживаются на гривы лошадей, на спину ямщика, залетаютъ въ экипажъ, и, рѣя повсюду и описывая свѣтящіяся голубоватая линіи, даютъ путнику волшебный видъ на яву.

Жилища имеретинскихъ князей, большею частію каменныя, покрытыя тесомъ или дранью, со многими службами для помѣщенія прислуги, строятся въ два этажа. Имеретинскія деревни, монастыри и церкви раскинуты на горахъ и по холмамъ, между обширными и тучными полями. Имеретинъ, точно также, какъ мингрелецъ и гуріецъ, любитъ просторъ, хочетъ, чтобы подъ рукою, около его дома, была пашня, виноградники, шелковица и фрукты. Обширный дворъ

имеретина обсаженъ деревьями; поодаль отъ дома небольшая пристройка—абечели, амбаръ для проса, томи, кукурузы и ячменя, а у помѣщиковъ, сверхъ того, кухни, конюшни, овчарни и проч. Отъ этого деревни тянутся на большое пространство, и часто одна деревня сливается съ другою. Вся Нижняя Имеретія составляетъ, можно сказать, одно громадное селеніе, гдѣ жители, окруженные со всѣхъ сторонъ садами, живутъ какъ на дачахъ.

Имеретинъ, даже и небогатый, не живетъ въ савлѣ съ плоскою крышею, но имѣетъ досчатый домъ, крытый тесомъ или соломою; крыша имѣетъ остроконечный видъ, и, спускаясь низко, образуетъ надъ стѣнами навѣсъ, подъ которымъ, обыкновенно вокругъ всего дома, устраивается балконъ.

Балконы бывають большею частію широки, украшаются рѣзбою, столбами и составляютъ лучшую часть помѣщенія туземца, въ особенности когда бывають обвиты виноградными лозами. Балконъ—лучшая пріемная для гостей и любимое помѣщеніе для семейства. Тутъ постоянно можно видѣть и работающихъ женщинъ и играющихъ дѣтей, и разряженныхъ въ праздничные дни имеретинковъ.

Имеретинъ не сидитъ поджавши ноги, какъ грузинъ, но сидитъ на креслахъ и свамьяхъ, хотя первобытнаго и грубаго устройства.

Онъ не пьетъ вина азарпешкою и куюю, а пьетъ его изъ глинянаго или оловяннаго бокала. Имеретины очень любятъ роскошь, но пользуются ею страннымъ образомъ. Женщины одѣваются въ богатѣйшія платья, а ходятъ босикомъ; полы устилають отличными коврами, а стѣны кое-какъ побѣлены. Конечно, все это относится до людей средняго и бѣднаго класса населенія. Богатые имеретины живутъ несравненно лучше и чище своихъ бѣдныхъ собратій.

Имеретинки большею частію брюнетки и притомъ стройны, но не выдѣляются своею красотою передъ мужчинами, которые, если не превосходятъ ихъ, то и не уступаютъ имъ въ красотѣ. Мужчины преимую-

щественно средняго роста; въ лицѣ ихъ болѣе пріятности, чѣмъ правильности. Почти всѣ мужчины носятъ или бороду, или усы, причемъ въ послѣднихъ они имѣютъ особое влеченіе. Туземецъ страшный защитникъ не только своихъ усомъ, но и каждаго отдѣльнаго ихъ волоса; нѣкоторые оставляли службу изъ-за того только, что приходилось сбрить усы. «Какой же совѣстливости ожидать отъ чело-вѣка, говорятъ имеретины, у котораго нѣтъ ни бороды, ни усомъ».

Имеретины закручивають и заворачивають на ночь свои усы въ саулваши—особаго рода наусники.

Будучи добръ, ласковъ, обходителенъ, имеретинъ невѣжественъ и страстный охотникъ до процессомъ и тяжбъ всякаго рода. Среди населенія явились подъячіе, ябедники и законники, которыхъ всѣ боятся, которымъ низко кланяются и ищутъ всѣ знакомства и расположенія, какъ людей полезныхъ и до нѣкоторой степени необходимыхъ. Такіе люди пользуются извѣстностію, избирають добродушныхъ поселянъ и живутъ на ихъ счетъ припѣваючи. Это благосостояніе крючкотворцевъ заставило многихъ молодыхъ людей, даже и хорошихъ фамилій, добиваться должности писца, какъ почетнаго званія, при помощи котораго каждый рассчитываетъ на лишнюю копѣйку, на вѣрный источникъ дохода.

Расчеты ихъ болѣе чѣмъ вѣрны, потому что ни одинъ поселянинъ не пройдетъ мимо присутственнаго мѣста бзъ того, чтобы не завернуть туда, не взять какой-нибудь справки или не попросить написать просьбу.

Пріѣхавъ на базаръ и выручивъ хорошіе барыши отъ продажи своихъ продуктовъ, крестьянинъ не прокутитъ ихъ, не купитъ обнвы, а зайдетъ въ казначейство и возьметъ гербовой бумаги. «На что тебѣ она скажетъ ему добрый чело-вѣкъ, односелецъ».—«Какъ на что? отвѣтитъ онъ—это вещь пужная; она всегда пригодна, даже въ праздникъ можно подарить родственнику; да кромѣ того я и самъ думаю подать просьбу; нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ писаки, такъ, не-

дорогаго, абаза (20 коп.) за три съ листа?»—«Какъ не быть,—ихъ много. Да вѣдь ты недавно подавалъ просьбу». — «А какъ недавно! мѣсяца три будетъ; тогда отказали, а теперь можетъ быть и не откажутъ». — «Почему-жь не откажутъ?— А потому, что у насъ начальникъ новый. Авось не откажетъ; а откажетъ, такъ пойду жаловаться. Губернаторъ откажетъ, пойду къ намѣстнику, а тамъ подамъ просьбу въ сенатъ; а сенатъ откажетъ, тогда утоплюсь или надѣву на шею сабели (крученая веревка, изображающая висѣльную петлю) и опять пойду къ намѣстнику».

Не смотря на столь большую охоту къ сутяжничеству, имеретинны, въ сущности, весьма добродушны и честны.

Одѣваясь совершенно по грузински, имеретинъ носить на головѣ папанаки—небольшую плоскую шапочку. Папанаки—полукруглый кусокъ сукна или матеріи, вершка въ два ширины и полтора длины. На головѣ онъ поддерживается тесьмою, пришитою по угламъ и задѣваемой за подбородокъ. Прикрывая только макову голову, папанаки носится, однакоже, во всякое время года. На ногахъ туземецъ носить сапоги съ высокими каблуками, подбитыми подковами, и съ длинными носками, загнутыми вверхъ. Вся подошва его обуви, часто, сплошь, начиная отъ выемки, и неисключая носковъ, подбита мелкими гвоздями, что необходимо для спуска и подъема на горы.

Имеретинки носятъ лечаки и тавса-гравы, вышитую серебромъ по темномалиновому бархату. Богатые носятъ кать-ибу, родъ кацавейки съ открытыми рукавами, темно-малиноваго бархату и опущенную кунцею; изъ-подъ кать-ибы видѣется аркалукъ изъ розоваго канаса, обшитый вдоль въ два ряда серебрянымъ галуномъ, съ серебряными застежками сверху до низу и перетянутый широкою лентою, касающеюся двумя концами своими носковъ. Роскошныя косы красавиць переплетаются и перевиваются иногда розовымъ шелкомъ.

Имеретинки отличныя наѣздицы; онѣ садятся на коня также скоро, какъ мужчины, ѣздятъ на мужскихъ сѣдлахъ, и въ состояніи дѣлать верхомъ значительные переѣзды. За то женщина сочтеть за безчестіе, если ей предложить сѣсть на катера. Причина та, что въ прежнее время безнравственныхъ жевщивъ сажали на катера или на осла, и возили публично по селенію, подвергая тѣмъ тяжкому наказанію.

Сосѣдняя съ Имеретіею — Мингрелія, по характеру мѣстности, раздѣляется: на горную и низменную.

Климатъ верхней Мингреліи пріятенъ, повсюду здоровъ, и почва плодородна; Нижняя же Мингрелія, болѣе поросшая лѣсомъ, изобилуетъ болотами и топями никогда невысыхающими, и потому климатъ ея нездоровъ и тяжелъ, даже для самихъ туземцевъ: горячка, цынга и лихорадки существуютъ въ этихъ мѣстахъ почти постоянно.

Природа такъ обильно расточаетъ свои блага, что мингрельцу предстоитъ только одинъ трудъ: собирать въ свою житницу то, что дастъ ему почва, безъ всякаго труда и заботъ съ его стороны.

Если взглянуть на Мингрелію съ высоты птичьего полета, то она представится сплошнымъ густымъ лѣсомъ, среди котораго лишь изрѣдка попадаются пространства, покрытыя кустарникомъ и папоротникомъ. Но болѣе пристальный взглядъ обнаружитъ, что большая часть пространства, кажущагося лѣсомъ, покрыта виноградными и фруктовыми садами, скрывающими въ себѣ жилища туземцевъ, разбросанныя на значительномъ между собою разстояніи, такъ что одна какая-нибудь деревушка тянется на нѣсколько верстъ. Каждый имѣетъ близъ и вокругъ своей сакли виноградникъ, пални и пастбища. Селенія представляютъ почти неразрывную связь между собою.

Смастеривъ себѣ кое-какъ и наскоро хижину, подъ тѣнью гигантскаго орѣшника, туземецъ ожидаетъ только, когда созрѣютъ его плоды, и собираетъ ихъ часто такое количество, что на вырученныя

отъ продажи деньги можетъ легко просуществовать цѣлый годъ. Этоть же орѣшникъ или чинарь защищаетъ его жилище отъ вѣтра и дождя, а подъ его тѣнью находится вся усадьба и все хозяйство туземца.

Растительность вообще такъ богата, что можно подъѣхать къ деревнѣ, въ которой считается до 200 домовъ, и видѣть передъ собою только одинъ домъ. Такое богатство природы способствуетъ сохраненію жителями первобытнаго состоянія младенчествующихъ племенъ. Лѣнь, развитая до высшей степени, сдѣлала мингрельца способнымъ только вспахать себѣ поле, да сплести одежду; но многіе изъ нихъ ходятъ босыми зимою и лѣтомъ. Часто въ Редуть-Кале приходятъ мингрельцы, принося на продажу куръ, зелень, орѣхи, каштаны и т. п., зимою при 3° и 5° мороза. Отправляясь на рынокъ босикомъ, мингрелецъ несетъ подъ мышкою влочекъ сѣна; останавливаясь на мѣстѣ для продажи своего товара, онъ бросаетъ подъ одну ногу сѣно, чтобы нога не примерзла къ камнямъ, другую поднимаетъ, какъ гусь, и перемѣняетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончить продажу; тогда, подобравъ сѣно, онъ идетъ дальше.

На небольшомъ пространствѣ Мингреліи, можно встрѣтить и море, и горы значительной высоты, и долины зеленѣющія безконечными виноградниками, и гряды скалъ увѣчанныя замками и храмами. Тутъ есть и нѣжные плоды роскошнаго юга, и дары суроваго сѣвера. Вся Мингрелія представляетъ собою непрерывный садъ, въ которомъ около каждаго дерева вьется виноградная лоза съ тяжелыми гроздьями. Перекидываясь часто съ дерева на дерево, виноградныя лозы образуютъ естественныя качели, на которыхъ женщины, сидя, качаются.

Мингрельцу построить домъ ничего не стоитъ. Необходимо только выкопать въ землѣ яму, глубиною аршина въ два, а шириною какую вздумается, и обложить стѣны ея камнемъ; въ одной стѣнѣ, обращенной къ скату, сдѣлать входъ, и тогда вода не потечетъ внутрь

дома; все выкопанное пространство раздѣлить на двѣ половины: на одной—супруга и семейство, на другой—лошадь и рогатый скотъ; обѣ половины покрыть землею,—и хата готова.

Обрубокъ дерева и доска, вѣсто стола, служить мингрельцу мебелью; двѣ, три чашки изъ чинароваго дерева и глиняныя кувшины составляютъ всю его посуду.

Вся усадьба мингрельца состоитъ изъ сакли или шалаша и двухъ-трехъ амбарчиковъ, также плетеныхъ, огороженныхъ заборомъ изъ колючки, представляющей непроницаемую защиту отъ звѣря и чело-вѣка.

Подлѣ дома устраивается иногда скотный дворъ,—это просто большой огороженный лугъ, наполненный домашними животными.

Такъ туземецъ жилъ изстари, такъ онъ живетъ и теперь. Въ холодную пору на очагѣ среди комнаты, на земляномъ полу, горитъ постоянный огонь. Топливомъ запасаются безъ всякаго разбора, такъ что жители очень часто срубаютъ на дрова фруктовыя деревья, строевой лѣсъ и все, что только не составляетъ въ ихъ глазахъ особой необходимости для другихъ хозяйственныхъ потребностей.

Мингрельцы имѣютъ черты лица нѣжныя и болѣе женственныя; мужской красоты въ нихъ нѣтъ, за то типъ мингрельской женщины одинъ изъ изящѣйшихъ въ свѣтѣ; даже женщины изъ крестьянскаго сословія и тѣ поражаютъ своею красотю. Въ Мингреліи нѣтъ особаго типа; здѣсь одинаково попадаются и брюнетки, и блондинки. Правда онѣ не такъ красивы, какъ сосѣдки ихъ, гурийки, но стройный ростъ, умныя, выразительныя лица, миловидныя головки, длинные и шелковистые волосы, вьющіеся по плечамъ, и правильныя роскошныя формы тѣла—приковываютъ вниманіе. Движенія ихъ смѣлы, граціозны, страстны и выказываютъ вполне окружающую ихъ природу.

Мингрелецъ, мужчина, чрезвычайно способенъ, воспримчивъ, упрямъ и мстителенъ, но въ обращеніи скромнень и вкрадчивъ; на мингрельца слишкомъ трудно положиться и повѣрить ему на слово,

тогда какъ гургець, напротивъ того, гордится выполнѣнiемъ даннаго обѣщанiя. Воровство, сильно развитое въ Мингрелии,—главный порокъ, глубоко проникнувшiй въ среду народа и составляющiй исключительную особенность мингрельцевъ.

Воровство преимущественно распространяется на скотъ, и въ особенности, на лошадей, и въ этомъ отношенiи мингрельцы ловки до чрезвычайности: они не могутъ равнодушно смотрѣть на чужаго коня, особенно когда тотъ гуляетъ на свободѣ. Туземный конокрадъ употребляетъ множество ухищренiй для укритiя похищенной лошади. Конокрадествомъ занимались почти всѣ сословія, не исключая духовенства. Занятiе это доведено здѣсь до степени художества.

Богатые мингрельцы носятъ темносинюю чуху, всю отороченную и изукрашенную золотыми галунами. Чуха надѣвается сверхъ блѣдно-голубаго шелковаго архалука; на голову надѣваютъ также папанаку, обшитую золотомъ. Мингрельскія и гурійскія женщины катыбъ не носятъ, а вмѣсто лечака въ Мингрелии употребляютъ тюлевые или газовые куски, фантастически намотанные на голову. Женщины простаго званiя ходятъ въ ситцевыхъ и холщевыхъ платьяхъ гру-

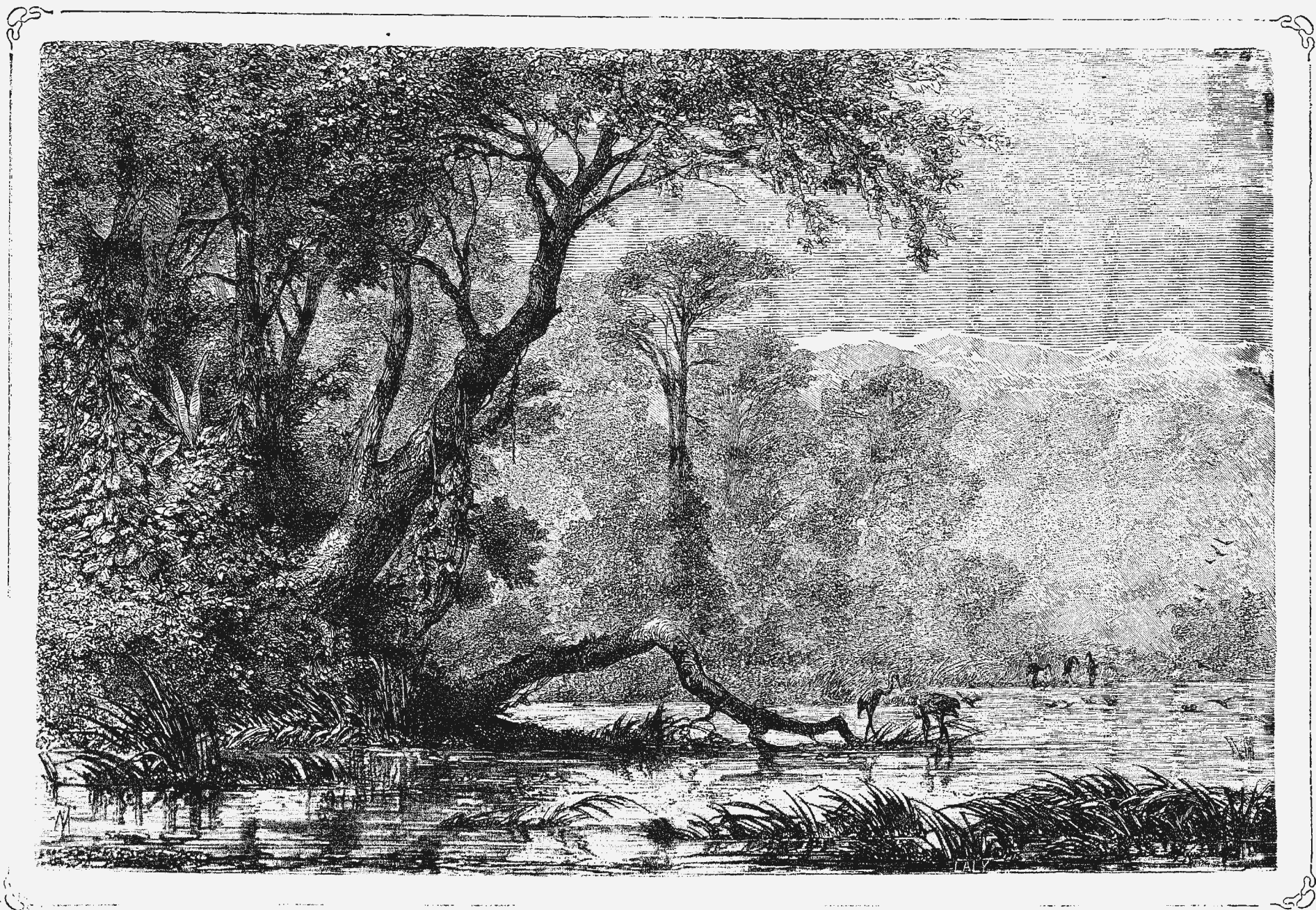

МИНГРЕЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИКЪ.

зинскаго покроя, а на головѣ носятъ большой платокъ, закрывающiй все лицо, кромѣ глазъ и носа.

Небольшое пространство Гурii, лежащее на берегу Чернаго моря и составляющее Озургетскiй уѣздъ Кутаискон губернии, имѣя весьма много общаго съ сосѣдними ей Мингрелиею и Имеретiею, отличается вредностью своего климата. Вся страна покрыта густыми лѣсами, во многихъ мѣстахъ непроходимыми. Почва ея обладаетъ необыкновенною силою растительности: трава и деревья достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Пахатное поле въ нѣсколько лѣтъ зарастаетъ такъ густо, что обращается въ лѣсъ. Кукуруза своимъ ростомъ закрываетъ всадника, и самые нѣжные плоды и растенiя встрѣчаются въ лѣсу въ естественномъ видѣ; шелковичныхъ деревьевъ цѣлыя лѣса.

За то климатъ повсюду сырой и почва болотистая, такъ что почти въ каждой деревнѣ встрѣчаются люди въ вѣчной лихорадкѣ. Сырость почвы такъ велика, что если въ саклѣ начнутъ разводиться на землѣ огонь, то онъ часто тухнетъ отъ притока къ нему грунтовой воды, и потому, чтобы предупредить это, туземцы въ землю подъ очагомъ врываютъ глиняный горшокъ, стѣны котораго не

БЕРЕГЪ РИОНА

пропускаютъ влажность. Домъ гурійца деревянный, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ въ потолокъ, замѣняющимъ и трубу, и окно; посреди комнаты разложенъ очагъ, который и грѣетъ, и кормитъ гурійца. Дымъ выходитъ частію въ потолочное отверстіе, частію въ двери. У высшаго класса строятся дома европейской архитектуры.

Типъ гурійцевъ значительно отличается отъ типа имеретинъ и мингрельцевъ. Причиною такого измѣненія одного и того же грузинскаго племени было вліяніе природы и сосѣдство турецкихъ племенъ, съ которыми гурійцы роднились и были въ постоянныхъ сношеніяхъ черезъ продажу невольниковъ. Такихъ похожихъ на испуганныхъ птичекъ, граціозныхъ, ребятишекъ, такую мужественную красоту мужчинъ, и такой изящный тонкій профиль женщинъ, трудно найти и на Кавказѣ. Своею манерою и граціею гурійки очень похожи на южныхъ италіянскъ. Господствующая черта характера гурійца—необыкновенная подвижность, страстность, живость, любопытство и увлеченіе.

Гурійцы чрезвычайно привѣтливы и горды. Будучи разсудительны и хитры, они вѣрны данному слову. Гдѣ дѣло касается народной гордости, семейства или личности, тамъ гуріецъ крайне вспыльчивъ и раздражителенъ. Поступокъ или слово, на которое другой не обратилъ бы вниманія, вызываетъ часто у гурійца неудовольствіе и кончается нерѣдко кровавою развязкою. Гуріецъ набожень до фанатизма, исполняетъ самымъ строгимъ образомъ посты, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ такіе обряды, которые кажутся странными для христіанина. Считаая непросителнымъ грѣхомъ оскоромиться въ среду или пятницу, онъ готовъ, въ ту же среду или пятницу, продать туркамъ чужихъ и даже своихъ собственныхъ дѣтей, или убить человека. Молясь усердно въ церкви, онъ условливается съ товарищами на разбой и грабежъ.

Всѣ гурійцы храбры, хорошіе стрѣлки и отличные пѣшеходы въ

отношеніи дальности и скорости переходовъ. Гурійцу не составляетъ никакого труда пройти, напримѣръ, въ полтора сутокъ изъ Озургетъ до Кутаиса, что составляетъ разстояніе около 190 верстъ по прямому пути.

Гуріецъ корыстолюбивъ, но не для наживы, а для исполненія своихъ прихотей; простой крестьянинъ рѣшится на самое ужасное преступленіе, чтобы только доставить себѣ предметъ роскоши.

Гурійская женщина такъ хороша собой, и походка, ея такъ граціозна что достаточно взглянуть вечеромъ при закатѣ солнца на дѣвushку, идущую съ кувшиномъ воды на головѣ, чтобы помириться и съ ея снимъ ветхимъ платьемъ, и съ ея красными, также не первой молодости, шальварами. Красота женщинъ была побудительною причиною къ плѣно-продавству, которое существовало даже въ 1850 годахъ, не смотря на всю бдительность нашей бордонной стражи.

Гурійскія женщины скромны, ласковы, привѣтливы и замѣчательною красоты, впротемъ много теряющей отъ чрезмѣрнаго употребленія бѣлилъ, румянъ и сурьмы. Онѣ любятъ наряды преимущественно яркихъ цвѣтовъ и самыхъ дорогихъ тканей, но обращаютъ болѣе вниманія на вѣшнюю роскошь и наружныя украшенія. Бѣлье не считается важною частію одежды и пренебрегается гурійками, лишь бы только верхнее платье отличалось пышностію и великолѣпіемъ.

Гурійская женщина пользуется большою свободою, чѣмъ въ Грузіи; мужчины, въ разговорахъ съ женщинами, весьма вольны, не стѣняются въ выраженіяхъ даже съ матерью и сестрами и допускаютъ рѣчи, предосудительныя по мнѣнію европейцевъ. Мужчины, а въ особенности юноши, имѣютъ свободный доступъ въ семейство, доступъ тѣмъ болѣе легкій, чѣмъ менѣе ревнивъ глава семейства. Въ отсутствіи мужа, жена принимаетъ только женщинъ, но въ присутствіи мужа посѣщенія бывають безпрерывны.

Гуріецъ одѣвается въ куртку съ патронами и серебряными гаду-

нами; изъ-подъ куртки видна часть элги (жилета), сверхъ котораго надѣвается еще зубани (тоже родъ жилета). Онъ носитъ узкіе до-нелзы шаровары, обшитые серебряными галунами; ноги въ ноговицахъ и коротенькихъ кожаныхъ сапожкахъ съ проплетенными подшвами. Широкой шелковый турецкій платокъ охватываетъ его талію; на головѣ—башлыкъ.

Военные доспѣхи гурійца и боевыя принадлежности никогда не разлучаются съ нимъ. Сверхъ кушака, на ремennomъ широкомъ поясѣ, служащемъ и хранилищемъ денегъ, висятъ джурмушь-оглы, гдѣ лежатъ: кресало, трутъ, пули и форма для ихъ отливки; матара, кожаный складной сосудъ для питья; пороховница изъ верблюжьей кожи съ красивою рѣзбою; ножикъ, мѣдная сальница, кожаная солонка; навощенный холстъ—липа, чтобы въ темную ночь освѣтить дорогу; веревка для связыванія плѣнныхъ; шомполъ со вдѣланными въ него маленькими щипцами для огня, и длинный кисетъ со вложенною въ него маленькою трубкою. Если ко всему этому прибавить, что у него за кушакомъ заткнуты кинжалъ, карабинъ и пистолетъ, сверхъ которыхъ привязанъ патронташъ, да въ рукахъ онъ держитъ винтовку—тогда будетъ полная картина гурійца.

Таковы отличительныя черты каждой изъ трехъ народностей; въ слѣдующей главѣ мы укажемъ на свойства имъ всеѣмъ общія.

Обычай, праздники и суевѣрія.

Со временъ глубокой древности, жители Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, точно также какъ и Грузіи, сохранили уваженіе къ правамъ гостеприимства и заботятся о путникѣ. Лишь только путникъ подъѣзжаетъ къ дому, какъ хозяинъ спѣшитъ его встрѣтить, и если это случится ночью, то выходитъ къ гостю съ факеломъ въ рукѣ, торопясь снять съ него башлыкъ и бурку.

Едва пріѣзжій сойдетъ съ лошади, какъ слуги указываютъ ему саклю, въ которой онъ располагается, какъ дома. Спустя нѣсколько минутъ, является сынъ или ближайшій родственникъ хозяина, и предлагаетъ гостю свои услуги, чтобы омыть ему ноги. Тотъ, конечно, отказывается; тогда вносятъ скамейку или супру, съ трапезой и входятъ самъ хозяинъ, привѣтствуя гостя.

Туземцы любятъ покушать и сытно, и жирно. На супрѣ, означенной въ буквальномъ переводѣ скатерть и замѣняемой описанною выше длинною и легкою скамейкою, кладется нѣсколько хлѣбовъ и ставятся самыя разнообразныя кушанья. Между ними занимаетъ первое мѣсто гомія—кушанье, похожее на нашу пшеничную кашу. Гомія готовится безъ соли, подается горячей и составляетъ легкую и пріятную приправу къ соленымъ кушаньямъ, какъ-то сыру и рыбѣ.

Приготовленные въ изобиліи и самаго разнообразнаго вида кушанья изъ каплуновъ и цыплятъ, которыми особенно славится Мингрелія по всему южному Кавказу, занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ при угощеніи. Пирогъ съ творогомъ, сыръ, разныя душистыя травы, лобіо—родъ крупной чечевицы съ перцомъ, чуреки изъ кукурузы,—все это приносится и подается за столомъ. О винѣ и говорить нечего:—въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи въ немъ нѣтъ недостатка; разныхъ сортовъ и изъ разныхъ садовъ, оно льется рѣкою въ стаканы, бокалы, азарпешы и туры рога, которые быстро осушаются до дна. Къ концу обѣда въ Гуріи подается самое лакомое блюдо, молочная каша съ корицею и сахаромъ. Разнаго рода фрукты: виноградъ, грецкіе орѣхи, каштаны, айвы и гранаты, тутъ же сорванные съ дерева, подаются въ видѣ десерта, для лакомства съ избыткомъ насыщенныхъ желудковъ.

Кости, оглоданныя зубами болѣе почетныхъ гостей, и остатки отъ цыплятъ не пропадаютъ: ихъ передаютъ съ главнаго стола низшему классу гастрономовъ, выжидающихъ съ жаднымъ вниманіемъ чтобы кто-нибудь изъ сильныхъ міра сего швырнулъ имъ ногу отъ

пылецка или кусокъ какого нибудь кушанья. Принимая этотъ подарокъ, какъ знакъ высокой снисходительности и вниманія, получающій встаетъ, низко раскланивается и снимаетъ шапку.

Встрѣчая и отправляя большую часть праздниковъ совершенно сходно съ грузинами, жители Имеретіи, Мингреліи и Гуріи придали нѣкоторымъ изъ нихъ своеобразный характеръ, и, кромѣ того, установили у себя нѣкоторые собственно имъ принадлежащіе такъ сказать, мѣстные праздники. Такъ новый годъ — время полнаго разгула въ Гуріи. Гурійцы часто выносятъ на продажу самыя необходимыя вещи для того только, чтобы на вырученныя деньги гулять весь день новаго года, и тотъ, кто по бѣдности не въ состояніи отпраздновать надлежащимъ образомъ, считать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

Наканунѣ новаго года въ семействѣ, гдѣ только есть свинья, убиваютъ ее и готовятъ кушанье.

Съ вечера наканунѣ новаго года населеніе деревень, кромѣ женъ и дѣтей, выселяется на площадь, гдѣ и проводитъ всю ночь въ играхъ, пѣсняхъ, стрѣльбѣ изъ ружей, ожидая съ нетерпѣніемъ наступленія утра, когда начинается особая церемонія взаимныхъ поздравленій.

Въ первый день великаго поста, женщины Гуріи готовятъ изъ тѣста нѣсколько шариковъ, величиною въ глазъ, кладутъ ихъ на тарелку окруженную зажженными восковыми свѣчами, молятся Богъ и просятъ, чтобы оспа не повредила тому, кого посѣтитъ. Шарикъ бросаются потомъ въ воду. Тѣ, у кого не было еще оспы, въ этотъ день не чешутся, не читаютъ книгъ, не шьютъ, потому что, по народному повѣрью, сколько зубьевъ въ гребнѣ, сколько кто увидитъ буквъ въ книгѣ, или сколько кто сдѣлаетъ швовъ, столько будетъ у того рябищъ и пятенъ на тѣлѣ.

На Ооминой недѣлѣ имеретинцы занимаютъ игрою въ мячъ. Мячикъ, употребляемый для игры, готовится величиною въ арбузъ, обшивается галунами и представляетъ не только простую или

невинную забаву, но и составляетъ предметъ народнаго уваженія и даже суевѣрія. На второй день Оомина воскресенья народъ дѣлится на двѣ части. Раздается звукъ буки (трубы), и священникъ въ облаченіи выноситъ мячъ на серебряномъ блюдѣ. Мячъ бросается въ средину однимъ изъ старшихъ почетныхъ въ родѣ лицъ, обѣ стороны бросаются къ мячу, спорятъ между собою, стараются завладѣть имъ и донести до назначеннаго мѣста; честь и слава той сторонѣ, которой, достанется мячъ: она будетъ имѣть круглый годъ изобиліе и удачу во всемъ. Конечно, каждый желаетъ такого счастья, а потому споръ и свалка бывають жестокиѣ. Мячъ перебрасывается товарищами изъ руки въ руки: то скрывается въ толпѣ, то вновь появляется при всеобщемъ крикѣ и шумѣ. Часто, послѣ боя, мячъ разрѣзывается на нѣсколько кусковъ и раздается домохозяйкамъ. Получившій кусочикъ мячика увѣренъ, что храненіе такого кусочка доставитъ дому изобиліе урожая и прочее. Рассказываютъ, что имеретинскіе цари выдумали эту забаву для упражненія народа въ военныхъ движеніяхъ.

Уваженіе къ старшимъ сохранилось въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи во всей первобытной силѣ. Взрослый сынъ не садетъ безъ особаго разрѣшенія передъ отцомъ; точно также молодой человѣкъ, находясь въ обществѣ со старикомъ или человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ, не садетъ, пока не получитъ приглашенія. Дѣти хотя и обѣдаютъ съ своими родителями, но точно будто гости, участвующіе въ трапезѣ по особому приглашенію; ни одно громкое или нескромное слово не можетъ быть произнесено дѣтьми въ присутствіи отца или старшихъ.

Старшій братъ, въ особенности если онъ послѣ смерти отца заступаетъ мѣсто главы семейства, пользуется уваженіемъ не только братьевъ и сестеръ, но и матери, которая, покоряясь его волѣ и распоряженіямъ, сохраняетъ только за собою право на услуги и почтеніе старшаго ея сына. Въ Гуріи эта особенность доведена до такой тонкости, что младшіе члены семейства считаютъ своею обя-

занностию не только повиноваться отцу или брату, но даже прислуживать имъ на равнѣ сослугами.

Семейное начало, основанное на уваженіи старшихъ, перешло и въ общество, отразившись на отношеніяхъ владѣтеля къ его подданнымъ и крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ.

Въ Мингрелии относительно привѣтствія существуетъ совершенно особый обычай. Тамъ, при встрѣчѣ князя или дворянина съ крестьяниномъ, послѣдній до тѣхъ поръ не поклонится, пока князь или дворянинъ не скажетъ ему: здравствуй!

При встрѣчѣ же двухъ равныхъ лицъ, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя хотятъ оказать другъ другу взаимную вѣжливость и учтивость, существуетъ опять новый этикетъ: каждый старается уступить другому честь перваго поклона. Встрѣтившіеся, просятъ другъ друга, настаиваютъ, взаимно умоляютъ вкланяться первымъ, но учтивость и благопристойность требуютъ, чтобы каждый не менѣе упорно отказывался отъ подобной чести. Послѣ жаркихъ споровъ, продолжающихся обыкновенно нѣсколько минутъ, спорящіе одновременно кланяются другъ другу и разъѣзжаются или расходятся спокойно.

Часто случается, что встрѣтившіеся поспорятъ—поспорятъ между собою, да такъ и разойдутся не поклонившись, показывая этимъ что въ высшей степени воспитаны и обладаютъ равною вѣжливостью.

Въ религиозныхъ понятіяхъ всѣхъ трехъ народностей много наивнаго и дѣтскаго. Имеретини, напримѣръ, не считаютъ грѣхомъ принять ложную присягу, если она производится не по ихъ древнему обычаю, передъ образомъ, а передъ крестомъ и Евангеліемъ; такую присягу они называютъ русскою присягою. Явный воръ, неоднократно изобличенный въ своемъ дурномъ поведеніи и пойманный съ поличнымъ, принимаетъ ложную присягу безъ всякаго страха и угрызённой совѣсти, потому что предварительно онъ успѣлъ забѣжать

въ домъ и, вынувъ изъ люльки своего ребенка, лежалъ нѣсколько минутъ на его мѣстѣ.

У имеретинъ есть обычай: въ случаѣ спора за право владѣнія какимъ либо участкомъ земли, одна изъ тяжущихся сторонъ беретъ въ руки образъ и обходитъ съ нимъ спорный участокъ; этимъ способомъ доказывается принадлежность его обходящимъ. При одномъ такомъ случаѣ замѣтили, что взявшіе образъ начали обходить не только спорный участокъ, но и тѣ полосы, о которыхъ никогда не было дѣла и которыя составляли неотъемлемую собственность посторонняго лица. Поэтому начался споръ, драка, и что же обнаружилось? что господа присягатели, насыпавъ въ сапоги земли съ своей пашни, думали что вслѣдствіе этой хитрости, они могутъ обходить какія угодно земли и нисколько не согрѣшать передъ Богомъ, присягая что идутъ по своей собственной землѣ.

Такія странности проявляются весьма часто и указываютъ на какія-то оригинальныя и дѣтскія понятія народа, считающаго себя весьма религиознымъ. Что туземцы преданы вѣрѣ и тверды въ ней—это не подлежитъ сомнѣнію.

Постъ соблюдается весьма строго и ни одинъ изъ дней поста не нарушается скоромною пищею; церкви посѣщаются народомъ весьма часто, но все это дѣлается по привычѣ и безъ всякаго сознанія.

Употребляя различнаго рода хитрость для принятія ложной присяги, туземецъ сохраняетъ спокойствіе духа до первой болѣзни и въ особенности, если она случится вскорѣ послѣ ложной клятвы. Тогда, приписывая свою болѣзнь наказанію, ниспосланному тѣмъ образомъ передъ которымъ онъ ложно присягнулъ, больной призываетъ къ себѣ священника и признается ему во всемъ, а пріобрѣтенную несправедливою присягою вещь возвращаетъ своему противнику.

Отсутствіе яснаго пониманія началъ религіи породило глубочайшее суевѣріе и толки всякаго рода самыя нелѣпыя.

Никто не сомнѣвается въ существованіи колдуновъ и вѣдьмъ и

въ способности ихъ портить людей, нагонять падежь скота и прочія невзгоды.

Туземцы больше всего боятся порчи отъ глаза, во избѣжаніе чего носятъ амулеты, а новорожденного долгое время не показываютъ никому изъ постороннихъ.

Суевѣріе, вкоренившееся въ народѣ, перешло и въ обычай, которымъ, напри- мѣръ, въ Гуріи сопровождается рожденіе ребенка.

Родильницу помѣщаютъ въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ пола, навидываютъ сѣна и на немъ стелютъ постель. Надъ постелью прикрѣпляется къ потолку веревка такъ, чтобы родильница могла ухватиться за нее при самомъ разрѣшеніи. Въ головахъ постели ставится образъ Божіей Матери. Священникъ читаетъ Евангеліе до самаго разрѣшенія, а мужъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ. Родится сынъ — радуются, веселятся и стрѣляютъ, а родится дочь — ничего не бываетъ. Кто первый скажетъ отцу: «у тебя родился сынъ», тому дѣлаютъ подарокъ.

По окончаніи стрѣльбы, родильницу переводятъ въ другую убранныю комнату, покрываютъ сѣтью, чтобы не упалъ на нее нечистый духъ, и завѣшиваютъ парчевымъ занавѣсомъ. Подъ подушки кладутъ раковины. До благополучнаго разрѣшенія до бремени, родственники плачутъ. Первую ночь семейство не спитъ до самаго раз-

свѣта. Едва разнесется вѣсть о рожденіи дитяти, какъ всѣ знакомые спѣшатъ поздравить, наряжаясь при этомъ въ разныхъ живот-

ныхъ и костюмы. Собравшіеся пьютъ, веселятся и тѣшатся.

Въ Мингрелии и Гуріи существуетъ также обычай усыновленія взрослыхъ лицъ. Человѣкъ, питающій особое уваженіе къ какой либо женщинѣ, можетъ просить ее, чтобы она усыновила его. Въ Гуріи, какъ усыновляющая, такъ и усыновляемый, передъ совершеніемъ обряда нѣсколько дней постятся и затѣмъ усыновляемый сосетъ грудь у нареченной матери, въ присутствіи родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Въ Мингрелии предварительный постъ не составляетъ необходимости. Здѣсь усыновляющая и усыновляемый призываютъ священника и нѣсколькихъ свидѣтелей. Усыновляемый становится на колѣна, усыновляющая раскрываетъ грудь, а священникъ читаетъ надъ ними приличную этому случаю молитву. Затѣмъ усыновляемый беретъ въ ротъ сосокъ нареченной матери, которая одну ногу ставитъ ему на спину, какъ бы для большаго свѣрженія родства. Это родство высоко уважается мингрельцами и гурійцами, и никакія тѣлесныя связи не допускаются послѣ

этого ни между лицами совершившими этотъ обрядъ, ни между дѣтьми ихъ. По окончаніи обряда, пируютъ празднуя свое новое родство.

МИНГРЕТИНКА.

Впрочемъ, въ настоящее время, обычай этотъ ослабѣваетъ и замѣняется родствомъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ молочнаго. У туземцевъ еще и до сихъ поръ существуетъ обыкновеніе отдавать своихъ новорожденныхъ дѣтей на воспитаніе другимъ, безъ различія сословія, гдѣ питомецъ остается иногда до 10 лѣтъ. По окончаніи этого времени, воспитатели привозятъ своего воспитанника съ подаркомъ къ родителямъ, которые вознаграждаютъ ихъ подарками вдвое и втрое бѣльшими.

Молочное родство считается священнѣйшимъ и воспитатели предпочитаютъ воспитанника своимъ дѣтямъ; нигдѣ молочный братъ или сестра не пользуются такими правами, какъ въ Гуріи.

Говоря объ обычаяхъ, нельзя пройти молчаніемъ особенно характеристическаго, оплакиванія умершаго и обряда погребенія, одинаково соблюдаемыхъ всѣмъ картвельскимъ или грузинскимъ племенемъ. Конечно соблюдаемые при этомъ обычаи нельзя назвать тождественными въ подробностяхъ, но нижеслѣдующій рассказъ представляетъ сводъ всѣхъ тѣхъ особенностей, какія замѣчаются какъ у грузинъ и гурійцевъ, такъ у имеретинъ и мингрельцевъ — это, такъ сказать, общая картина похоронъ.

Со смертію одного изъ членовъ семейства, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, дѣлаются приготовленія къ публичному оплакиванію. Присутствующіе ближайшіе родственники, родители, братья, рассылаютъ во всѣ концы письма къ родственникамъ и друзьямъ покойнаго съ извѣщеніемъ о постигшемъ ихъ несчастіи и съ приглашеніемъ на оплакиваніе, продолжающееся иногда нѣсколько дней и даже цѣлую недѣлю, смотря по достоинству и званію умершаго, по числу оплакивающихъ лицъ, близости или дальности ихъ мѣстожителства.

Пока не соберутся родственники или же не получится извѣстіе, что такіе-то не могутъ пріѣхать, покойникъ, не смотря на жаръ, остается въ домѣ непохороненнымъ иногда очень долго и въ особенности это чаще всего случается въ Гуріи. Кромѣ родныхъ и друзей,

созываются также и сосѣди, которые, кромѣ оплакиванія, исполняютъ при этой церемоніи нѣкоторыя, собственно для этого случая, установленныя должности.

Обойдя съ горестными восклицаніями всѣ комнаты дома и вещи покойнаго, посѣтитель идетъ къ себѣ домой или возвращается во вторую комнату, гдѣ собрались родственники, но возвращается непременно другимъ путемъ, отнюдь не входя въ тѣ комнаты, въ которыхъ уже былъ. Родственники также могутъ уходить домой, но обязаны каждый день, утромъ и вечеромъ, приходить и поплакать вмѣстѣ съ ближайшимъ родственникомъ покойнаго, съ тѣми же почти причитаніями, какъ и въ первый разъ.

Изъявленіе сожалѣнія зависитъ отъ краснорѣчія плакальщика, которому присутствующіе отвѣчаютъ также произвольнымъ воемъ. Отъ этого въ комнатѣ, по мѣрѣ накопленія посѣтителей, раздается раздрающій душу плачь, невольно заставляющій разчувствоваться и самаго безчувственнаго человѣка. По окончаніи плача, всѣ выходятъ изъ комнатъ и прихлопываютъ три раза дверями. Не успѣла одна толпа родственниковъ окончить свое оплакиваніе, какъ на горѣ появляется другая толпа, еще большая, оглашающая своимъ крикомъ и рыданіемъ всю окрестность. Съ увеличеніемъ числа оплакивающихъ увеличиваются крики и рыданія.

Когда всѣ родственники окончатъ свой очередной плачь и прежде чѣмъ приступятъ къ выносу покойника изъ дому, начинается плачь всеобщій. Каждый старается перекричать своего сосѣда и отличиться плачемъ: шумъ, крикъ и неистовыя движенія наполняютъ комнату. Родственники плачутъ и кричатъ отъ чистаго сердца, отъ скорби; а сосѣди бьютъ себя въ грудь и рвутъ волосы, бьются головою объ стѣну, можно сказать, по обязанности, по изстари введенному обычаю. Тѣ, которые, при жизни покойнаго, были въ разладѣ съ нимъ и даже ненавидѣли его, теперь до крови царапаютъ себѣ лице и грудь, рвутся, чтобы броситься въ воду, показываютъ

видъ, что намѣрены убить себя какимъ-либо оружіемъ, и мечутся такъ, что два человѣка едва въ состояніи удержать ихъ. Они бросаются, просятъ не держать, пустить ихъ, и умоляютъ, чтобы дозволили прекратить несносную для нихъ жизнь. Они бросаются къ гробу и не дозволяютъ поднять его, чтобы вынести изъ дому: такова сила обычая.

Съ разнаго рода затрудненіями удается вынести умершаго изъ дому и тогда у гурійцевъ передъ гробомъ является человѣкъ, которому даютъ сулис—сагзали, (путевую провизію для души, состоящую изъ кувшина съ виномъ и печенаго хлѣба. Провизію эту необходимо нести прямо на кладбище, отнюдь не оглядываясь ни разу назадъ, иначе сулис—сагзали не достигнетъ своего назначенія. Гурійцы убѣждены, что душа человѣка, оставляя тѣло и отправляясь въ дорогу, имѣетъ нужду въ провизіи. По вѣрованію туземца, послѣ смерти человѣка душа остается на землѣ въ теченіи 40 дней и нуждается въ пищѣ точно также, какъ все живущее на землѣ; съ переселеніемъ же послѣ этого срока на небо, она, забывая все земное, отвыкаетъ мало по малу и отъ пищи. Отъ этого родственники умершаго, въ теченіи 40 дней, во время обѣда и ужина оставляютъ для покойнаго особую порцію, и, отдавая ее нищему, думаютъ, что она чудеснымъ образомъ достигнетъ до умершаго.

Въ Имеретіи при выносѣ покойника изъ дому разбиваютъ нѣсколько стеколъ въ окнахъ. Самые близкіе родственники разуваятся и идутъ за гробомъ босые, хотя бы въ это время былъ снѣгъ или морозъ.

Возвращаясь съ кладбища, въ воротахъ дома умываютъ руки виномъ съ водою и потомъ садятся за столъ, исключая близкихъ родственниковъ. За обѣдомъ подаютъ постныя кушанья и это постничанье продолжается, для близкихъ родственниковъ, 40 дней. Члены семейства умершаго постятся обыкновенно круглый годъ: не ѣдятъ въ это время сладкихъ блюдъ и фруктовъ, а иногда отказываются навсегда отъ тѣхъ блюдъ, какія любилъ покойный.

Начиная съ пятнадцатаго дня послѣ похоронъ, самые близкіе родственники надѣваютъ трауръ и носятъ его въ продолженіи года, а иногда и болѣе; дальніе же родственники носятъ по 15 или 40 дней, или до перваго торжественнаго храмоваго праздника.

Во время траура носятъ самое грубое черное платье, не брѣютъ бороды, не стригутъ волосъ, избѣгаютъ общества и развлеченія члены же семейства часто запираются въ темную комнату, въ которой скончался покойный.

Въ седьмой и сороковой день совершаютъ *гамотирили* (выплакиваніе или послѣднее оплакиваніе). Родственники собираются на кладбище и около могилы ставятъ столъ, разстилаютъ на немъ ковры, а на нихъ кладутъ платье покойнаго, надъ которымъ снова плачутъ и рыдаютъ. Спустя нѣсколько времени совершаются агапи (поминки). Пригласивъ духовенство, родныхъ, друзей и знакомыхъ, закалываютъ нѣсколькихъ быковъ, или коровъ, овецъ и куръ, при чемъ въ Гуріи окрашиваютъ куриныя яйца въ красной цвѣтъ. Послѣ панихиды, духовенство благословляетъ приготовленныя яства и всѣ принимаютъ за обѣдъ. Священникамъ, и особенно духовнику умершаго, подаются лучшія кушанья и по нѣскольку красныхъ яицъ. Порціи эти, священникамъ поданныя и называемыя аршиви, довольно велики, такъ что священники отсылаютъ часть ихъ къ своимъ семействамъ.

Въ черноморскомъ бассейнѣ встрѣчаются и русскія поселенія скопцовъ и молочанъ, которые, разумѣется, сохранили русскую характеристику. Мы прилагаемъ здѣсь только рисунковъ.

XXXVI. ТУШИНЫ, ПШАВЫ И ХЕВСУРЫ.

Сѣверный и южный скаты главнаго Кавказскаго хребта, верховья рѣкъ Арагвы, Аргуна, Алазани, Горы и Эрцойское ущелье населены тушинами, пшавами и хевсурами, составлявшими особый округъ, простирившійся до 3,932 ввадр. верстѣ съ населеніемъ около 32,000 душъ.

Основываясь на томъ, что въ языкѣ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ слышится древній грузинскій языкъ, сохранившійся даже въ ихъ книгахъ священнаго писанія, многіе считаютъ ихъ народомъ грузинскаго происхожденія.

Хевсуръ сложенъ непропорціонально своему высокому росту. Смуглое лицо, длинный носъ, сѣрые или каріе глаза, бритая голова, рыжеватые усы и борода, составляютъ типъ хевсура. Онъ грубъ, надмѣненъ, придирчивъ, гордъ и безпеченъ, уважаетъ только храбрыхъ и считаетъ себя выше всѣхъ народовъ. Низкая шапка его опушена бараньимъ мѣхомъ; на ней нашиты кресты изъ красной бязи (бумажная ткань) и иногда она обвязана кускомъ полосатой матеріи или тряпки, концы которой висятъ на боѣ въ родѣ кокардъ; синяя или красная чеха съ короткими разрѣзными рукавами и сборками на нихъ, съ нашитыми также, на груди и плечахъ, красными крестами, составляютъ его костюмъ. Подъ чехой надѣтъ архадуеъ и рубашка; шаровары короткіе и узкіе, обшитые тесьмою; сапожки, вязаные изъ разноцвѣтной шерсти и, «кромя того, хунчи или бандули, кожаные башмаки съ проплетеннымъ низомъ.

До 16-ти лѣтъ хевсурскія дѣвушки очень милы и стройны, но

изнурительныя работы, неопрятность и грубая пища дѣлаютъ ихъ въ 25 лѣтъ уже старухами. Послѣднія крайне безобразны и, по выраженію очевидца, напоминаютъ кievскихъ вѣдьмъ.

Хевсурки носятъ довольно красивую одежду. Черная шаль охватываетъ ихъ голову, не закрывая маковки, и оканчивается кисточкою надъ правымъ ухомъ; въ ушахъ огромныя серебряныя или мѣдныя серьги. Заплетенные волосы, обогнувъ щеки и уши, связываютъ на затылкѣ.

Почти всѣ женщины курятъ изъ коротенькихъ трубочекъ, которыя носятъ за головной повязкой; въ 30 лѣтъ онѣ начинаютъ нюхать.

Пшавецъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія; круглое лицо, каріе глаза, каштановые волосы, голова и борода бритые; на головѣ оставляется чубъ, похожій на тотъ, какой носятъ малороссіане. Походка пшавы важная, характеръ добродушный. Пшавецъ чрезвычайно дѣлъ и, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ, дѣлаетъ все, что ему захочется, не имѣя никакого понятія о стыдливости. Пшавскія женщины большею частію блондинки, миловидны, не такъ скоро старѣются, какъ у хевсуровъ, но за то скоро тучнѣютъ.

Хевсуры называютъ пшавовъ жирными дойными коровами и притѣсняють ихъ. Претензіи хевсуровъ на пшавовъ, предъявляемая въ судахъ; бывають сколько же смѣшны, столько и нелѣпы.

Въ настоящемъ своемъ мѣстопробываніи, въ сосѣдствѣ тушинъ и хевсуровъ, пшавы живутъ только весною и лѣтомъ, потому что имѣють тамъ свои сѣнокосы и пастбища. Осенью и зимою они откочевываютъ на далекое разстояніе отъ своихъ жилищъ, туда, гдѣ находятъ болѣе подножнаго корма для своихъ стадъ.

Многіе пшавы сознають, что кочевая жизнь вредно отзывается на ихъ благосостояніи, но измѣнить свой образъ жизни они не рѣшаются изъ одной приверженности къ старинѣ и примѣру отцевъ.

Пшавъ одѣвается въ черную чеху съ небольшими отведенными

ТИПЫ РУССКИХ МОЛОКАНЪ НА КАВКАЗѢ.

рукавами, зеленый или синий архалукъ и широкіе шаровары изъ черного или бураго сукна собственного приготовления. На ногахъ носить баламаны изъ сыромятной кожи. На головѣ круглая войлочная шапочка; на поясѣ кинжалы, а на большомъ пальцѣ правой руки желѣзное острое кольцо.

Женщины одѣваются почти также, какъ и грузинки. Бѣлое покрывало на головѣ, красная рубаха и шальвары; обувь также, что и у мужчинъ.

О храбрости тушинъ рассказываютъ во всѣхъ углахъ Кавказа. Горцы рѣдко хвалятъ и восхваляютъ храбрость, считая ее дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но про тушинъ въ центрѣ самаго Дагестана, въ Аваріи и другихъ мѣстахъ, сложены и поются пѣсни. Тушинъ рѣшится лучше умереть, чѣмъ попасться въ плѣнъ; но если бы это случилось какимъ нибудь образомъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, то онъ умретъ въ тяжелой неволѣ, какъ говорится, со славою, но не согласится быть вымѣненнымъ на неприятельскую плѣнную дѣвушку.

Вѣрность этихъ народовъ была причиною того, что грузинскіе цари всегда имѣли при себѣ тѣлохранителей изъ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ. По востребованію ихъ, они шли на войну подъ предводительствомъ своихъ духовныхъ пастырей.

Собираясь въ дѣло, хевсуръ весь замыкается въ желѣзо. На голову надѣваетъ чачкани (шишакъ съ сѣткой, покрывающей шею), рубаху плетеную изъ желѣзной проволоки, рукавицы, прямые палаши и дашна—короткая сабля, употребляемая вмѣсто кинжала. Обыкновенное ружье въ чехлѣ изъ медвѣжьей шкуры и щитъ, въ защиту отъ неприятельскихъ выстрѣловъ, дополняютъ его вооруженіе. Цика, какъ оружіе, есть принадлежность стариковъ, точно также какъ и стрѣлы.

Пшавы и тушины не столько заботятся о средствахъ защиты сколько хевсуры. Хорошая винтовка и сабля составляютъ все ихъ

оружіе. Всѣ три народа эти дрались всегда храбро, и получить рану въ тылъ считается весьма постыднымъ.

На уступахъ скалъ едва доступныхъ, по узкимъ тропинкамъ, какъ орлиныя гнѣзда, повисли хевсурскія деревни, выстроенныя изъ дерева или плитняка безъ извести и въ нѣсколько ярусовъ съ бойницами. Башни, построенныя на извести, очень рѣдки въ Хевсуріи, а тѣ, которыя есть, составляютъ особую надежду на ихъ защиту.

Селенія пшавовъ, разбросанныя въ долинахъ и по скатамъ горъ, не многолюдны. Дома пшавовъ сколочены на скорую руку, а землянки едва видѣются надъ поверхностью земли.

Внутренность дома не затѣлива и состоитъ изъ одной, часто обширной комнаты. Она темна, стѣны ея покрыты копотью и облѣплены паутиною. Посреди комнаты виднѣн очагъ или, скорѣе, костеръ выстланный плитнякомъ, въ которомъ разведенъ огонь. Вокругъ него собирается вся семья немая и нечистая.

Въ одномъ углу комнаты стоятъ корова, лошадь и телята; въ другомъ—плетенныя носилки съ соломой. Растянувшись на нихъ, спитъ глава семейства, прикрывшись буркою или нагольнымъ тулупомъ. Прочіе члены семьи спятъ у огня: по одну сторону мужской полъ, а по другую женскій.

Пшавы очень нечистоплотны. Дома ихъ не болѣе какъ хлѣвы, нивогда не выметаемыя и служащія жилищемъ одновременно для людей и для скота. Пшавецъ валяется на пыльных войлокахъ, растланныхъ на навозѣ. Платье на пшавцѣ нечисто, сально и рубашка снимается только тогда, когда, обратившись въ влочки, сама свалится съ плечъ. Пшавецъ не разбираетъ пищи и ѣстъ всякую мерзость.

Мужчины любятъ бывать въ обществѣ и посѣщать другъ друга. Гостепріимство у этихъ народовъ развито до высшей степени, и гость, кто-бы онъ ни былъ, считается священною особою.

Туземецъ проводитъ время среди разсказовъ о геройскихъ по-

двигахъ предковъ, непрерывнаго куренія и бряцанія на пандурѣ, сопровождаемаго дикими пѣснями. Въ такомъ положеніи отецъ поучаетъ семью или рассказываетъ ей случаи изъ житейскаго опыта. Онъ рассказываетъ о народныхъ повѣрьяхъ, о примѣтахъ, которыя долженъ знать каждый, чтобы избѣжать многихъ невзгодъ въ жизни.

Браки вообще не имѣютъ прочнаго основанія.

Женщина считается рабою, съ нею обходятся чрезвычайно грубо, безъ всякой нѣжности и привязанности. Мужъ можетъ прогнать жену во всякое время, хотя бы черезъ недѣлю послѣ свадьбы, и безъ всякихъ поводовъ со стороны послѣдней. Мужъ говоритъ просто, что она ему не нравится, или что дурная хозяйка. Поступокъ этотъ не порочитъ женщины: она отправляется въ домъ родительскій и скоро выходитъ замужъ за другаго.

У пшавовъ прогнанной и забракованной женѣ выдается самтцунebro, т. е. пять коровъ, а забракованному жениху родители невесты должны выдать за безчестіе 16 коровъ, если только передъ отказомъ дочь ихъ была обручена съ нимъ. У тушинъ мужъ, за нарушение супружеской вѣрности, можетъ обрѣзать женѣ руку и носъ, и въ такомъ видѣ отправить ее къ родителямъ, или же, прогнавъ просто, налагаетъ срокъ, раньше котораго она не можетъ выдти замужъ за другаго.

По установившимся мѣстнымъ законамъ туземцевъ важнѣйшими уголовными преступленіями считаются: смертоубійство, прелюбодѣяніе и воровство. Всѣ три вида этого рода преступленій почти всегда сопровождаются кровомщеніемъ. Оскорбленіе чести женщины у тушинъ всегда влечетъ за собою кровомщеніе.

За оклеветаніе въ невѣрности жены у другаго, обиженный рѣжетъ корову у обидчика, отсылаетъ свою жену къ ея родителямъ, а тѣ требуютъ обидчика къ суду и взыскиваютъ съ него 60 коровъ;

если обидчикъ публично сознается въ своей клеветѣ, то мужъ беретъ жену обратно, а обидчика удовлетворяетъ за убитую корову.

Кровомщеніе существуетъ у всѣхъ трехъ поколѣній этихъ народовъ. У хевсуровъ и тушинъ, какъ бы ни было совершено убійство, т. е. нечаянно или съ намѣреніемъ, убійца подлежитъ кровомщенію. Родственники убитаго хевсура передаютъ огню все имущество убійцы, скрывающагося со всѣмъ своимъ семействомъ въ сосѣдную деревню, которая принимаетъ его подъ свое покровительство.

У пшавовъ и хевсуровъ, каждый мѣсяцъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, убійца присылаетъ семейству убитаго по одному барану. На четвертый годъ, черезъ своихъ родственниковъ, онъ проситъ принять въ плату за кровь 280 барановъ и 70 коровъ. Если плата принята, то онъ можетъ возвратиться въ свою деревню, но не избавляется отъ мщенія.

Трудно увѣрить хевсура въ томъ, что Богъ одинъ. По его понятію, есть Богъ востока и Богъ запада; есть Богъ душъ, Христосъ Богъ, большой Богъ и маленькій Богъ. Народъ болѣе всего уважаетъ Бога войны и сына Божія, но никто не можетъ объяснить истинныхъ догматовъ своей религіи. Постороннему человѣку опредѣлить религію этихъ народовъ еще труднѣе. Уважая крестъ Господень, поклоняясь св. Георгію, апостоламъ Петру и Павлу и другимъ святымъ христіанской церкви, они въ то же время почитаютъ своихъ собственныхъ, ими изобрѣтенныхъ, боговъ.

Тушины исповѣдуютъ христіанскую вѣру греко-восточной церкви. Водвореніе здѣсь христіанской религіи надо отнести въ незапамятные времена царствованія первыхъ христіанскихъ царей Грузіи. Впослѣдствіи ученіе Магомета имѣло сильное вліяніе и на судьбу вѣры въ Тушетіи. Для защиты христіанства тушины должны были вести безпрестанную борьбу съ мусульманскими горцами, и хотя съ твердостью и успѣхомъ отстаивали свою независимость, но воинственный звукъ оружія сталъ заглушать голосъ проповѣдниковъ

Евангелія. Духовенство грузинское не въ состояніи было поддержать падающее христіанство, въ особенности когда прекратилось сообщеніе съ Туетією, окруженною врагами.

Въ Туетіи не стало священниковъ, богослуженіе прекратилось церкви обветшали и рушились, а сами тушины представляли собою осиротѣвшихъ христіанъ, безъ наставниковъ религіи, какъ стадо, лишенное пастыря.

Хевсуровъ, пшавовъ и тушинъ нельзя назвать язычниками, потому что они вѣруютъ въ истиннаго Бога и его святыхъ; но ихъ нельзя назвать и христіанами, потому что они слишкомъ далеки отъ догматовъ христіанской церкви. Сами себя они называютъ христіанами, а всѣхъ иновѣрцевъ считаютъ бусурманами и обижаются, если назвать ихъ нехристіями.

Смѣсь вѣрованій не мѣшала однако же тушинамъ, пшавамъ и хевсурамъ, самимъ по себѣ, быть увѣренными, что они исповѣдуютъ христіанскую религію и принадлежать къ греческой церкви. Изъ грузинскихъ церквей, въ прежнее время, имъ посылался ежегодно, подъ видомъ мвра, обыкновенный елей, который они употребляли, по обрядамъ своимъ, при крещеніи. Младенца, умершаго до крещенія, поливали въ гробъ елеемъ и окропляли святою водою. Всѣ три поколѣнія вѣрили въ существованіе рая и ада и содержали нѣсколько постовъ въ году.

Вообще вѣрованія ихъ весьма неопредѣленны и шатки. Суевѣріе отражается въ обычаяхъ, соблюдающихся при рожденіи а смерти.

Чувствуя приближеніе родовъ, беременная женщина обыкновенно проситъ своихъ подругъ построить ей сачехи — шалашъ, воздвигаемый въ одной верстѣ отъ деревни. Переселившись въ этотъ шалашъ, родильница остается тамъ все время, пока не разрѣшится отъ бремени, что весьма часто сопровождается ужасными мученіями. Если больная мучится родами, и крики ея слышны въ селеніи, то жители

подкрадываются къ шалашу и производятъ залпъ изъ ружей, чтобы испугомъ облегчить страданіе больной.

На другой день послѣ родовъ, больной приносятъ хлѣба и, боясь всякаго съ нею сообщенія, кладутъ его вдали отъ шалаша. Больная живетъ въ шалашѣ у хевсуровъ мѣсяць, у пшавовъ 40 дней, а у тушинъ шесть недѣль.

Выдержавъ этотъ карантинъ, женщина возвращается къ своему семейству.

Существующее между горцами суевѣрное обыкновеніе не прикасаться къ беременнымъ женщинамъ и къ родильницамъ перешло и на покойниковъ. Поэтому избѣгаютъ того, чтобы больной скончался въ самомъ домѣ. Замѣтивъ приближеніе кончины, родственники больного выносятъ его тотчасъ же или въ сѣнцы, или просто на дворъ, гдѣ онъ и умираетъ.

На четвертый день послѣ кончины является священникъ. По окончаніи послѣдняго обряда оплакиванія, онъ беретъ въ руки зажженную свѣчу и произноситъ надъ усопшимъ молитвы. Съ покойника снимаютъ оружіе и относятъ на кладбище, гдѣ, выложивъ могилу досками или плитнякомъ, опускаютъ въ нее тѣло безъ гроба, воздвигнувъ на немъ насыпь безъ креста и надписей. По окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ, гости должны выкурить за упокой души усопшаго трубки, набитыя махоркой. Потомъ гостей угощаютъ вареной бараниною, слоеными лепешками, пивомъ и водкой.

Въ день похоронъ назначается свачка и стрѣльба въ цѣль на призы. Родственники во время поминокъ стараются угостить на славу; гости объѣдаются бараниною и напиваются пивомъ, а многіе выпиваютъ всю теплую кровь зарѣзаннаго барана. Напившись и наѣвшись, народъ расходится по домамъ съ веселымъ шумомъ.